

Анализ и прогноз

Журнал ИМЭМО РАН

Analysis and Forecasting

IMEMO Journal

2023'1

Научный сетевой журнал
“Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН / Analysis and Forecasting. IMEMO Journal”
издается с 2019 г., выходит 4 раза в год, языки журнала – русский и английский.
Все выпуски журнала находятся в открытом доступе.

Свидетельство о регистрации журнала Эл № ФС 77–76743 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
16 сентября 2019 г.

Учредитель и издатель

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
“Национальный исследовательский институт
мировой экономики и международных отношений имени
Е.М. Примакова Российской академии наук” (ИМЭМО РАН).

Главный редактор:

И.Л. Прохоренко

Редакция:

А.А. Алешин, А.В. Короткова (ответственный секретарь), Е.И. Матюхова,
М.И. Строкова, М.А. Шпак

Журнальная верстка:

ООО «Верди»

Верстка web-страниц:

Е.А. Клюева, А.А. Попонин

Дизайн обложки:

С.В. Сафонов

Контакты редакции:

117997, Российская Федерация, Москва, Профсоюзная ул., д. 23
Тел.: +7 (499) 128-8560; +7 (499) 128-1748
e-mail: afjournal@imemo.ru

Официальный сайт журнала:

<https://afjournal.ru>

The scientific electronic journal
“Analysis and Forecasting. IMEMO Journal”
is published from 2019, 4 times a year in Russian and English.
All the issues of the journal are available online with open access.

The Registration Certificate of the journal, EL № FC 77–76743 was issued by the Federal Communications, Information Technology and Mass Media Regulatory Authority on 16 September 2019.

Founder and Publisher

Federal State Budgetary Institution of Science
“Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO)”

Editor-in-Chief:

Irina Prokhorenko

Editorial Staff:

Alexander Aleshin, Alla Korotkova (Executive Secretary), Elizaveta Matyukhova,
Marina Strokova, Maria Shpack

Layout and Design:

Ltd Verdi

Website Design:

Evgenia Kliueva, Alexey Poponin

Cover design:

Sergey Safonov

Contacts:

Russian Federation, Moscow, 117997, 23, Profsoyuznaya Str.
Tel.: +7(499)128-8560; +7(499)128-1748
e-mail: afjournal@imemo.ru

Website:

<https://afjournal.ru>

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

Войтоловский Ф.Г., д.полит.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, директор ИМЭМО РАН

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Арбатова Н.К., д.полит.н., заведующий отделом европейских политических исследований ИМЭМО РАН

Афонцев С.А., д.э.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, заведующий отделом экономической теории, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Варнавский В.Г., д.э.н., профессор, заведующий сектором проблем структурной политики и конкурентоспособности Центра промышленных и инвестиционных исследований ИМЭМО РАН

Журавлева В.Ю., к.полит.н., руководитель Центра североамериканских исследований ИМЭМО РАН

Звягельская И.Д., д.и.н., профессор, заведующий Лабораторией “Центр ближневосточных исследований” ИМЭМО РАН

Жуков С.В., д.э.н., руководитель Центра энергетических исследований, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Кобринская И.Я., к.и.н., руководитель Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН

Ломанов А.В., д.и.н., профессор РАН, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Мирошниченко И.В., д.полит.н., доцент, заведующий кафедрой государственной политики и государственного управления факультета управления и психологии Кубанского государственного университета

Прохоренко И.Л., д.полит.н., заведующий сектором международных организаций и глобального политического регулирования отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН

Рябов А.В., к.и.н., доцент, руководитель отдела Группы проблем общественно-политического развития отдела сравнительных политических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН, главный редактор журнала “Мировая экономика и международные отношения”

Семененко И.С., д.полит.н., член-корреспондент РАН, руководитель Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований, заместитель директора по научной работе ИМЭМО РАН

Соловьев Э.Г., к.полит.н., руководитель Центра постсоветских исследований, заведующий сектором теории политики ИМЭМО РАН

Федоровский А.Н., д.э.н., руководитель Группы общих проблем Азиатско-Тихоокеанского региона Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН

Фитуни Л.Л., д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований, заместитель директора по научной работе Института Африки РАН

Харитоновна Е.М., к.полит.н., старший научный сотрудник отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН

Цапенко И.П., д.э.н., заведующий сектором социально-экономического развития и миграционных процессов отдела комплексных социально-экономических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН

Шаклеина Т.А., д.полит.н., профессор, заведующий кафедрой прикладного анализа международных проблем факультета международных отношений МГИМО МИД России

CHAIRMAN:

Feodor Voitolovsky, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of the RAS, Director of IMEMO

MEMBERS:

Nadezhda Arbatova, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Department of European Political Studies, IMEMO

Sergey Afontsev, Doct. Sci. (Econ.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of RAS, Head of the Department of Economic Theory, Deputy Director, IMEMO

Vladimir Varnavskii, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Sector of Structural Policy and Competitiveness, Center of Industrial and Investment Studies, IMEMO

Viktoriya Zhuravleva, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Center of North American Studies, IMEMO

Irina Zvyagelskaya, Doct. Sci. (Hist.), Head of the Center of the Middle East Studies, IMEMO

Stanislav Zhukov, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Center of Energy Research, Deputy Director, IMEMO

Irina Kobrinskaya, Cand. Sci. (Hist.), Head of the Center of Situational Analysis, IMEMO

Alexander Lomanov, Doct. Sci. (Hist.), Professor of the Russian Academy of Sciences (RAS), Deputy Director, IMEMO

Inna Miroshnichenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Associate Professor, Head of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University

Irina Prokhorenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Sector of International Organizations and Global Political Governance, Department of International Political Problems, IMEMO

Andrey Ryabov, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Head of the Group of the Study of Problems of Political Development, Center for Comparative Socio-Economic and Political Studies, IMEMO, Editor-in-Chief of the Journal 'The World Economy and International Relations' of the Russian Academy of Sciences

Irina Semenenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Head of the Center of Comparative Socio-Economic and Political Studies, Deputy Director, IMEMO

Eduard Solovyev, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Center of post-Soviet Studies, Head of the Sector for Political Theory, IMEMO

Alexander Fedorovskiy, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Group of the Asia-Pacific Region Problems, Center of Asia Pacific Studies, IMEMO

Leonid Fituni, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Head of the Centre of Global and Strategic Studies, Deputy Director of the Institute for African Studies, RAS

Elena Kharitonova, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Senior Researcher, Department of International Political Problems, IMEMO

Irina Tsapenko, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Sector of Social and Economic Development and Migration Processes Studies, Department of Complex Socio-Economic Research, IMEMO

Tatiana Shakleina, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Professor, Head of the Department of Applied International Analysis, School of International Relations, MGIMO

Арбатов А.Г., д.и.н., академик РАН, руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН (Россия)

Барановский В.Г., д.и.н., профессор, академик РАН, руководитель научного направления Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН (Россия)

Громыко А.А., д.полит.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН (Россия)

Дынкин А.А., д.э.н., профессор, академик РАН, президент ИМЭМО РАН (Россия)

Иванова Н.И., д.э.н., профессор, академик РАН, руководитель научного направления Отдела науки и инноваций ИМЭМО РАН (Россия)

Королев И.С., д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, советник РАН (Россия)

Михеев В.В., д.э.н., академик РАН, руководитель научного направления Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН (Россия)

Наумкин В.В., д.и.н., профессор, академик РАН, научный руководитель Института востоковедения РАН (Россия)

Рогов С.М., д.и.н., профессор, академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН (Россия)

Сюэтуン Янь, Ph.D. (Polit. Sci.), директор Института международных отношений Университета Цинхуа (Китай)

Alexey Arbatov, Doct. Sci. (Hist.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center of International Security, IMEMO (Russia)

Vladimir Baranovsky, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Center of Situational Analysis, IMEMO (Russia)

Alexey Gromyko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of the RAS, Director of the Institute of Europe, RAS (Russia)

Alexander Dynkin, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, President of IMEMO (Russia)

Natalya Ivanova, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Department of Science and Innovation, IMEMO (Russia)

Ivan Korolev, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Counselor of RAS (Russia)

Vasily Mikheev, Doct. Sci. (Econ.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Center of Asia Pacific Studies, IMEMO (Russia)

Vitaly Naumkin, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Institute of Oriental Studies, RAS (Russia)

Sergey Rogov, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Institute of the U.S. and Canadian Studies, RAS (ISCRAN) (Russia)

Yan Xuetong, Ph.D. (Polit. Sci.), Dean of the Institute of International Relations, Qinghua University (China)

К ЧИТАТЕЛЯМ

Представляем номер 10

ПРОГНОЗНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Russia and the World: 2023 IMEMO Forecast

Dynkin A.A., Baranovsky V.G., Kobrinskaya, I.Y., Machavariani G.I. 13

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Людвиг Клагес, глубинная экология и концепция *friluftsliv* в Северной Европе

Белухин Н.Е. 27

ГЛОБАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Проблема энергетической безопасности Великобритании во время и после Брекзита (март 2017 – 2022 гг.)

Андреева Т.Н. 45

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ

Политическая борьба по вопросу “жесткого” Брекзита в период премьерства Терезы Мэй

Палачанин И.А. 58

Основные тенденции в развитии партийно-политической системы Великобритании после всеобщих парламентских выборов 2019 г.

Ковалев И.Г., Назарук Т.В. 76

FROM THE EDITORS

Presenting the Issue 10

FORECASTING STUDIES

Russia and the World: 2023 IMEMO Forecast
Dynkin A.A., Baranovsky V.G., Kobrinskaya I.Y., Machavariani G.I. 13

THEORY AND METHODOLOGY

Ludwig Klages, Deep Ecology and the Concept of Friluftsliv in Nordic Countries
Belukhin N.E. 27

GLOBAL AND REGIONAL SECURITY

The Problem of the UK Energy Security During and after Brexit (March 2017–2022)
Andreeva T.N. 45

DYNAMICS OF SOCIAL AND POLITICAL SPACES

The Political Struggle with the Issue of a ‘Hard’ Brexit During Theresa May Premiership
Palachanin I.A. 58

The Main Trends in the Development of the UK Party-Political System after the 2019 General Parliamentary Elections
Kovalev I.G., Nazaruk T.V......76

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

Дорогие читатели!

Представляем вашему вниманию первый в 2023 г. (и в новом цвете) выпуск нашего журнала. В этом выпуске четыре рубрики – **“Прогнозные исследования”, “Теория и методология”, “Глобальная и региональная безопасность”, “Динамика социальных и политических пространств”**. Номер посвящен анализу и прогнозу основных трендов экономического и политического развития мира в 2023 г., вызовам, рискам и тенденциям во внешней политике и национальной экономике Российской Федерации; философским и ценностным составляющим экологической идентичности Северной Европы, которая традиционно воспринимается в качестве одного из наиболее успешных регионов в вопросах борьбы с изменением климата и “зеленого транзита”; энергетической безопасности Великобритании во время и после Брекзита; политической борьбе по вопросу “жесткого” Брекзита в период премьерства Терезы Мэй и динамике партийно-политической системы Великобритании после всеобщих парламентских выборов 2019 г.

В разделе **“Прогнозные исследования”** представлен сокращенный вариант (на английском языке) ежегодного доклада ИМЭМО РАН *‘Russia and the World: 2023 IMEMO Forecast’* (“Россия и мир: 2023”). Его авторы – доктор экономических наук, профессор, академик РАН, президент ИМЭМО РАН Александр Александрович Дынкин; доктор исторических наук, профессор, академик РАН, руководитель научного направления Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН Владимир Георгиевич Барановский; кандидат исторических наук, руководитель Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН Ирина Яковлевна Кобринская; заведующий сектором прогнозирования мировой экономики и политики Центра прогнозных исследований ИМЭМО РАН Гиви Ираклиевич Мачавариани.

В кратком варианте ежегодного доклада, который является одним из брендовых и узнаваемых продуктов ИМЭМО РАН, содержится анализ и прогноз ключевых тенденций глобальной экономики и мировой политики, национальной экономики и внешней политики Российской Федерации в 2023 г. Прогноз сфокусирован на проблемах, имеющих принципиальное значение для обеспечения стабильного экономического, социального и политического развития России на ближайшую (2023 г.) и более отдаленную перспективу в непростых геополитических условиях – специальной военной операции на Украине и беспрецедентных по масштабу антироссийских санкций и ограничительных мер. Научным коллективом проекта использован многолетний опыт прогнозных исследований в ИМЭМО, регулярные мониторинг и анализ страновых, региональных и мировых процессов силами научных сотрудников института. В статье два тематических раздела: “Глобальные тренды” и “Российская экономика”.

Авторы делают вывод о том, что мировое развитие в 2023 г. будет определяться: во-первых, кумулятивным воздействием комплекса политических и военно-политических факторов, доставшихся в наследство от послевоенной эпохи и постбиполярных десятилетий; во-вторых, долгосрочными экзогенными глобальными трендами, с одной стороны, а с другой, – стратегией и тактикой решения глобальных проблем; в-третьих, кризисной военно-политической динамикой. В глобальной экономике авторы ожидают расхождения траекторий экономического роста стран и усиления конкуренции за технологическое доминирование. В мировой торговле, в связи с усилиями по линии США–ЕС и США–Великобритания по обеспечению энергетической безопасности и ростом торговли нефтью, нефтепродуктами и газом, еще более усилятся трансатлантические связи. Мировой энергетический переход займет больше времени и обойдется значительно дороже, чем предполагалось. Несмотря на беспрецедентное санкционное давление, Российской Федерации удастся избежать значительных кризисных потрясений благодаря целенаправленной и эффективной антикризисной политике и возможностям обходить санкции. Кроме того, санкционный режим постоянно корректируется таким

образом, чтобы не наносить чрезмерного ущерба мировым рынкам и экономикам стран, применяющих санкции. Когда мир вступит в постконфликтную фазу, ключевыми факторами, влияющими на мировой порядок, станут: формат развития отношений США и Китая – жесткая конкуренция vs экономическая и военно-политическая конфронтация; динамика трансатлантических отношений; политика России и появление или отсутствие возможностей для нормализации ее отношений с Западом.

В рубрике **“Теория и методология”** представлена статья аспиранта, младшего научного сотрудника сектора региональных проблем и конфликтов отдела европейских политических исследований Никиты Евгеньевича Белухина **“Людвиг Клагес, глубинная экология и концепция *friluftsliv* в Северной Европе”**. В работе исследуются философские и ценностные составляющие экологической идентичности Северной Европы, которая традиционно считается одним из наиболее успешных регионов в вопросах борьбы с изменением климата, применения альтернативной энергетики и реализации Целей устойчивого развития. Автор изучил взгляды философов Людвига Клагеса, Арне Несса и Вилли Сёренсена, занимавшихся вопросами отношений человека и окружающей среды, сопоставив их философские идеи с популярной в странах Северной Европы концепцией *friluftsliv*, тесно связанной с образом жизни и региональной и национальной идентичностью. Основанием как философских построений глубинной экологии, так и практики *friluftsliv* выступает эмоциональная связь человека с природой как естественной средой обитания.

На основе анализа стратегий развития *friluftsliv* в Дании, Норвегии и Швеции выявлен потенциал феномена *friluftsliv* как инструмента создания широкой общественной солидарности по вопросам “зеленой” повестки, развитого экологического сознания и экогражданства в странах Северной Европы, что отвечает концепции эстетических, “прекрасных” действий в формулировке А. Несса. Делается вывод о том, что системно внедряемая в Северной Европе практика *friluftsliv* может служить примером преодоления конфликта между радикальным экологическим алармизмом и скептицизмом, превращения заботы об окружающей среде в часть повседневной жизни и национального сознания. В статье также отмечается угроза использования экологической повестки представителями правого радикализма и правого экстремизма для увеличения собственной популярности среди молодежи. Несмотря на локальные экологические инициативы, реализуемые под крылом таких организаций, “зеленая” риторика служит им в первую очередь для укрепления более традиционной повестки, включающей требования ограничения иммиграции и устранения “инородных и враждебных” элементов из обществ северных стран. В заключении отмечается широкий потенциал изучения национальных экологических культур и идентичностей, что могло бы дополнить существующую исследовательскую повестку по анализу “зеленых” партий и массовых экологических движений.

Рубрика **“Глобальная и региональная безопасность”** представлена статьей кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника сектора политических проблем европейской интеграции отдела европейских политических исследований Татьяны Николаевны Андреевой **“Проблема энергетической безопасности Великобритании во время и после Брексита (март 2017 – 2022 гг.)”**. Автор исследует проблему обеспечения энергетической безопасности Соединенного Королевства во время его выхода из Европейского союза (Брексита) и после него, вплоть до 2022 г., в динамике, в контексте нескольких электоральных циклов и смены правительств. По мнению автора, в исследуемый период диверсификация британского энергетического сектора в сторону приоритетного использования дешевых низкоуглеродных технологий производства электроэнергии – атомной энергетики и генерации на возобновляемых источниках энергии (ВИЭ) – явилась ключом к решению сразу нескольких проблем.

Быстрое развитие ВИЭ-генерации (особенно строительство шельфовых ветровых и солнечных электростанций) помогало снизить зависимость страны от импорта углеводородов из нестабильных регионов мира и из ЕС и в этой связи рассматривалось кабинетом Терезы Мэй как способ укрепления британских позиций на переговорах о выходе из Евросоюза. Успешное развитие возобновляемой энергетики содействовало

ускоренному сокращению выбросов парниковых газов (в рамках международных усилий по сдерживанию глобального изменения климата) одновременно с быстрым экономическим ростом страны, а также позволило Британии первой в мире взять курс на полную декарбонизацию к 2050 г. Делается вывод о том, что сокращение выбросов парниковых газов и обеспечение самодостаточности британской энергосистемы остаются центральными для энергетической безопасности страны после Брекзита.

Рубрика **“Динамика социальных и политических пространств”** посвящена Великобритании, политическим аспектам реализации решения референдума о выходе страны из Европейского союза и внутривнутриполитической борьбе по вопросам формирования стратегии и курса Соединенного Королевства после Брекзита.

Рубрику открывает статья аспиранта факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” Ивана Анатольевича Палачанина «Политическая борьба по вопросу “жесткого” Брекзита в период премьерства Терезы Мэй». В центре исследования – столкновение различных политических сил в Великобритании по вопросу “жесткого” Брекзита в период с обнародования итогов референдума о членстве Соединенного Королевства (СК) в Европейском союзе (ЕС), прошедшего 23 июня 2016 г., до объявления о смене первой британской стратегии по выходу СК из ЕС, состоявшегося 5 июля 2018 г. Итогом этой борьбы явился один из наиболее глубоких политических кризисов в новейшей истории страны. Раскол истеблишмента и электората по вопросу участия страны в европейском региональном интеграционном проекте объясняет, почему изначальный план консерваторов по Брекзиту формировался достаточно долго и сразу после своего обнародования стал объектом серьезной критики со стороны не только оппозиции и регионалистских партий, но и части однопартийцев.

Рубрику и первый в 2023 г. выпуск журнала завершает статья доктора исторических наук, профессора, первого заместителя декана факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” Игоря Георгиевича Ковалева и аспирантки Аспирантской школы по международным отношениям и зарубежным региональным исследованиям университета Татьяны Валерьевны Назарук “Основные тенденции в развитии партийно-политической системы Великобритании после всеобщих парламентских выборов 2019 г.” В фокусе внимания авторов – вторые досрочные всеобщие парламентские выборы за три года (что крайне нетипично для Великобритании), которые проходили в условиях серьезного и затянувшегося общественно-политического кризиса. Голосование состоялось после отставки Терезы Мэй, которая, исчерпав все возможности обеспечить поддержку своего проекта Соглашения о выходе Британии из ЕС в Палате общин, приняла решение покинуть пост премьер-министра и лидера консерваторов. Вскоре после победы тори на выборах выход страны из ЕС, который был главным камнем преткновения во властном и общественно-политическом дискурсе целых три года, был наконец завершен новым лидером партии Борисом Джонсоном. В статье исследованы особенности динамики партийно-политической системы Великобритании в преддверии и после всеобщих парламентских выборов 2019 г. Первоочередное внимание было уделено анализу итогов выборов, стратегии и приоритетов политики Б. Джонсона, подходов оппозиционной Лейбористской партии и трансформации роли региональных партий в стране.

*Прохоренко И.Л.
главный редактор журнала*

RUSSIA AND THE WORLD: 2023 IMEMO FORECAST

© DYNKIN A.A., BARANOVSKY V.G., KOBRINSKAYA I.Y.,
MACHAVARIANI G.I., 2023

Alexander A. DYNKIN, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Dr. Sci. (Econ.), President of IMEMO (dynkin@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-4183-914X

Vladimir G. BARANOVSKY, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Dr. Sci. (Hist.), Head of Research, Center for Situational Analysis (baranovsky@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-7283-0244

Irina Y. KOBRINSKAYA, Cand. Sci. (Hist.), Head of Center, Center for Situational Analysis (psifoundation@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-4419-0681

Givi I. MACHAVARIANI, Head of World Economy and Policy Forecasting Sector, Center for Forecasting Studies (g.machavariani@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-4948-2624

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Corresponding author: Irina Y. KOBRINSKAYA (psifoundation@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-4419-0681, *Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.*

Dynkin A.A., Baranovsky V.G., Kobrinskaya I.Y., Machavariani G.I.
Russia and the World: 2023 IMEMO Forecast. *Analysis and Forecasting.*
IMEMO Journal, 2023, no. 1, pp. 13-26. DOI: 10.20542/afij-2023-1-13-26

DOI: 10.20542/afij-2023-1-13-26

EDN: ZYJTHH

УДК: 338.27+339.9+327

Received 14.02.2023. Revised 20.04.2023. Accepted 22.05.2023.

Abridged English-language version of the annual IMEMO forecast 'Russia and the World: 2023' is dedicated to the analysis and the forecast of key trends in the world economy and international relations in 2023. The paper is based on decades-long IMEMO experience in forecast research. The primary focus is on the issues that are of fundamental importance for Russia in the near (2023) and more distant future. Experts come to the conclusion, that the ongoing Ukrainian conflict will have an impact on the situation in the socio-economic, energy, foreign policy, military and political spheres. By a synergetic effect, the military-political conflict is aggravated by its overlap with multiple global deformations caused by the 2019–2021 pandemic as well as climate change, which altogether have resulted in rising food and energy prices. In the world economy, the authors of the paper expect the divergence of country economic growth trajectories and increased competition for technological dominance; the global food problem acquiring crisis traits. In the world trade due to the US–EU and US–UK joint energy security efforts and the growth of oil, petroleum products, and gas trade Transatlantic linkage will grow further. At the global level, the energy transition will take longer and cost significantly more than previously thought. In spite of unprecedented sanctions pressure, the global market offers Russian companies opportunities to circumvent Western sanctions. Also, the sanctions regime is constantly adjusted so that it does not cause excessive damage to the functioning of world markets and the economies of the sanctioning countries. When the world enters a post-conflict phase, the key factors affecting the world order will be: the format of US–China relations development – fierce competition vs. economic and military-political confrontation; the dynamics of Transatlantic relations; Russia's policies and the emergence or absence of opportunities to normalize its relations with the West.

Keywords: *Russia, conflict, crisis, global economy, world politics, world order, Russian economy, Russian foreign policy, global forecast.*

Authors contribution:

Dynkin A.A., Baranovsky V.G. – conceptualization, writing-draft preparation.
Kobrinская I.Y., Machavariani G.I. – writing and editing.

Acknowledgements: *the authors wish to thank the translator Sadovnikova M.V., translation editor Chistyakova A.A., as well as all those who participated in the preparation and publication of the forecast full version 'Russia and the World: 2023. Annual Forecast: Economy and Foreign Policy': Adno Y.L., Afontsev S.A., Belkov E.A., Bogayevskaya O.V., Bogacheva A.S., Bogdanov K.V., Vartazarova L.S., Voda K.R., Volodin A.G., Galash P.S., Danilin I.V., Dmitriev S.S., Zhukov S.V., Zhuravleva V.Y., Zagashvili V.S., Zimin I.A., Zvyagelskaya I.D., Ibragimov I.E., Kanaev E.A., Kvashnin Y.D., Kislitsyn S.V., Kopytin I.A., Kramnik I.A., Kudryavtsev A.K., Kupriyanov A.V., Lazovskii S.O., Leontyeva E.L., Lomanov A.V., Lukashin J.P., Lukonin S.A., Malashenko A.V., Malysheva D.B., Medzhidova D.D., Nikitina E.N., Nikolayev N.A., Podkolzina I.A., Pozhilova N.A., Polivach A.P., Popov V.V., Reznikova O.B., Samarskaya L.M., Svistunova I.A., Solovyev E.G., Surkov N.Y., Tatuzov V.Y., Tyukaeva T.I., Fedorovskiy A.N., Frumkin B.E., Khudyakova L.S., Chetverikova A.S., Shvydko V.G.*

РОССИЯ И МИР: ПРОГНОЗ ИМЭМО НА 2023 Г.

Поступила в редакцию 14.02.2023.

После доработки 20.04.2023.

Принята к публикации 22.05.2023.

ДЫНКИН Александр Александрович, академик РАН, профессор, доктор экономических наук, президент ИМЭМО РАН (dynkin@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-4183-914X

БАРАНОВСКИЙ Владимир Георгиевич, академик РАН, профессор, доктор исторических наук, руководитель научного направления Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН (baranovsky@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-7283-0244

КОБРИНСКАЯ Ирина Яковлевна, кандидат исторических наук, руководитель Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН (psifoundation@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-4419-0681

МАЧАВАРИАНИ Гиви Ираклиевич, заведующий сектором прогнозирования мировой экономики и политики Центра прогнозных исследований ИМЭМО РАН (g.machavariani@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-4948-2624

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23.

DOI: 10.20542/afij-2023-1-13-26

EDN: ZYJTHH

УДК: 338.27+339.9+327

Сокращенная англоязычная версия ежегодного прогноза ИМЭМО РАН "Россия и мир: 2023" посвящена анализу и прогнозу ключевых тенденций в мировой экономике и международных отношениях в 2023 г. Работа основана на многолетнем опыте ИМЭМО в области прогнозирования. Основное внимание уделяется вопросам, имеющим принципиальное значение для России в ближайшем (2023 г.) и более отдаленном будущем. Эксперты приходят к выводу, что текущий конфликт на Украине окажет влияние на ситуацию в социально-экономической, энергетической, внешнеполитической, военно-политической сферах. Военно-политический конфликт усугубился синергетическим эффектом, накладываясь на многочисленные глобальные деформации, вызванные

пандемией 2019–2021 гг., а также проблемами климата, что в совокупности привело к росту цен на продовольствие и энергоносители. В мировой экономике авторы статьи ожидают расхождения траекторий экономического роста стран и усиления конкуренции за технологическое доминирование; глобальная продовольственная проблема приобретает кризисные черты. В мировой торговле в связи с совместными усилиями США–ЕС и США–Великобритании по обеспечению энергетической безопасности и ростом торговли нефтью, нефтепродуктами и газом трансатлантические связи еще более усилятся. На глобальном уровне энергетический переход займет больше времени и обойдется значительно дороже, чем предполагалось. Несмотря на беспрецедентное санкционное давление, мировой рынок предлагает российским компаниям возможности для обхода западных санкций. Кроме того, санкционный режим постоянно корректируется таким образом, чтобы не наносить чрезмерного ущерба мировым рынкам и экономикам стран, применяющих санкции. Когда мир вступит в постконфликтную фазу, ключевыми факторами, влияющими на мировой порядок, станут: формат развития отношений США и Китая – жесткая конкуренция vs. экономическая и военно-политическая конфронтация; динамика трансатлантических отношений; политика России и появление или отсутствие возможностей для нормализации ее отношений с Западом.

Ключевые слова: Россия, конфликт, кризис, глобальная экономика, мировая политика, мировой порядок, российская экономика, внешняя политика России, глобальный прогноз.

Вклад авторов:

Дынкин А.А., Барановский В.Г. – концептуализация, написание – подготовка первоначального проекта
Кобринская И.Я., Мачавариани Г.И. – написание и редактирование.

Благодарность: авторы выражают благодарность переводчику статьи Садовниковой М.В., редактору перевода Чистяковой А.А., а также всем, кто принял участие в подготовке и публикации расширенной версии прогноза “Россия и мир: 2023. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз”: Адно Ю.Л., Афонцеву С.А., Белкову Е.А., Богаевской О.В., Богачевой А.С., Богданову К.А., Вартазаровой Л.С., Вода К.Р., Володину А.Г., Галашу П.С., Данилину И.В., Жукову С.В., Журавлевой В.Ю., Загашвили В.С., Зимину И.А., Звягельской И.Д., Ибрагимову И.Э., Канаеву Е.А., Квашину Ю.Д., Кислицыну С.В., Копытину И.А., Крамнику И.А., Кудрявцеву А.К., Куприянову А.В., Лазовскому С.О., Леонтьевой Е.Л., Ломанову А.В., Лукашину Ю.П., Луконину С.А., Малашенко А.В., Малышевой Д.Б., Меджидовой Д.Д., Никитиной Е.Н., Николаеву Н.А., Подколзной И.А., Пожиловой Н.А., Поливачу А.П., Попову В.В., Резниковой О.Б., Самарской Л.М., Свистуновой И.А., Соловьеву Э.Г., Суркову Н.Ю., Татузову В.Ю., Тюкаеву Т.И., Федоровскому А.Н., Фрумкину Б.Е., Худяковой Л.С., Четвериковой А.С., Швыдко В.Г.

INTRODUCTION

The paper presents an abridged version of the 21th anniversary annual IMEMO forecast ‘Russia and the World: 2023’ [1]. It has become a good tradition to publish an English-language version of the forecast in the first issue of the scientific online edition ‘Analysis and Forecasting. IMEMO Journal’ [2], giving an insight into the thinking of a part of the Russian academic and policy community and encouraging academic debate on the critical issues for the global economy, world politics, Russian foreign policy, security and economy.

GLOBAL POLITICAL TRENDS

World development in 2023 will be determined by the following:

First, the cumulative impact of the full range of political and military-political factors inherited from the post-World War II era, as well as those that emerged in the post-bipolar decades.

Second, long-term exogenous global trends on the one hand, and, on the other hand, the effectiveness or failures of strategies and tactics to solve exogenous problems (the geopolitics of climate change, the contradictory dynamics of global food security, outbursts of instability caused by government policies to tackle *COVID-19* – as in the case of the disturbances in China in late 2022).

Third, the crisis-ridden military and political dynamics and the high possibility of new ‘black swans’ emerging against this background.

The ongoing Ukrainian conflict will have an impact on the situation in the socio-economic, energy, foreign policy, military and political spheres not only on the continent, but also globally. The depth of the crisis is also caused by a synergetic effect. The military-political conflict is aggravated by its overlap in time with multiple global deformations caused by the 2019–2021 pandemic as well as climate change, which altogether have resulted in rising food and energy prices and shortages.

The events of 2022 have launched the flywheel of world reorganization. The long overdue phase of its reformatting is entering an active phase, with no clear reference points yet, but a high probability of changing the most important constructs laid down in the postwar architecture and as it seemed updated with the overcoming of bipolarity.

The year 2022 revealed the weaknesses of this overcoming and identified the key troublesome imperatives of the reorganization, in all spheres and at all levels. However, not all of the emerging shifts can be viewed solely as a result of the events of the past year – their roots are much deeper. At the same time, it is difficult to foresee the scale and time depth of the expected shifts. Currently, the horizon of many of them is determined primarily by the expected duration of the crisis, i.e., the period of 2023–2024.

The tension on the political track, which in 2022 led to a sharp confrontation between Russia and the West, essentially derives from the chaotic and *incomplete collapse of the bipolar system*. Along with drastic political and economic changes in the European landscape, the new realities emerging on the continent in 1989–1991 were not completed and ratified by a new ‘Yalta’; deep contradictions unfolded in the interpretation of these changes and in the agreements reached. The Russian side perceived NATO expansion as imbalanced and undermining the equilibrium, which caused a sharp counter-reaction. The starting point of the escalating confrontational spiral was President Vladimir Putin’s famous speech at the Munich Security Conference in 2007.

The events of 2008 (South Ossetia) and 2014 (Crimea) contributed to the development of this trend. Nevertheless, they were not perceived in the West as real geopolitical and military-political risks and challenges. The stereotypical thinking in the paradigm of spheres of influence still prevailed. At the same time, Russian concerns, whether real or imaginary, remained, again due to the same inertia in thinking, on the periphery of the West’s attention. The West was primarily focused on the other challenges: the strengthening of China’s position, which was changing the global balance; the acute financial crisis of 2008–2009; instability in the Middle East and North Africa (which, *inter alia*, triggered the migration crisis in Europe); the rising of climate change issues on the global agenda; and, to top it off, the two-year shock caused by the pandemic.

Against this background, at the end of 2021, Russia delivered an ultimatum to the West, demanding a profound revision of security formats in Europe (see IMEMO forecast ‘*Russia and the World: 2022*’ [3]). And at the very beginning of 2022, there were some faint signs of the West’s readiness to dialogue. Moscow was also encouraged by the successful operation under the CSTO to assist President Tokayev in stabilizing the situation in Kazakhstan.

However, further events disproved the vast majority of moderate Russian and foreign forecasts. Let us note, however, that in the IMEMO forecast ‘*Russia and the World: 2022*’, the expected development of events was described as follows: ‘In relations with Ukraine, it is impossible to completely exclude either the scenario of unfreezing of the conflict in Donbas, or aggravation of the general confrontation. The war of nerves ... is also fraught with the transition to uncontrolled escalation, which is further exacerbated by the military and political support for

Kyiv from Western countries. Under such circumstances, an increase in the degree of conflict in 2022 looks quite probable, and preventing the situation from collapsing into an uncontrolled chain reaction can already be considered a positive scenario. However, the continuation of the current situation, including the support of the West, primarily the USA, seems to be a possible option' [3, p. 27].

Most of the forecasts, even when they stated extremely dangerous escalation of tensions, doubted that it would come to a large-scale military conflict because the goals and costs of such a conflict seemed prohibitively high.

By the turn of 2022–2023, there remained high uncertainty not only about the resolution of the Ukrainian conflict but even about the signing of a cease-fire agreement. Moscow, as its opponents assumed, was counting on it as a means to secure its presence in the territories it controlled. Kyiv, meanwhile, considered it impossible to give up on restoring their former status, including by military means. The issue of the extent and limits of the US and other Western countries' support for Ukraine became crucial.

Based on the idea that *the process of the collapse of the bipolar system* is incomplete as one of the main reasons for the crisis of 2022, it is logical to assume that with the end of the Ukrainian conflict, a fundamental transformation of the political and military-political foundations of the post-bipolar and postwar world order may begin in order to strengthen strategic stability in the Euro-Atlantic-Asian region. First and foremost, nuclear security issues will require special attention, notably amid the beginning of *the new round of military buildup* triggered by the Ukrainian conflict.

However, there is no clarity on how the revision of the existing world order can proceed. After all, it will have to affect the deepest layers of world politics: how to build global and regional hierarchies, what adjustments should be made to the processes of globalization/regionalization, and what mechanisms and algorithms are needed to manage the international system and its segments. Many of these problems are rooted in previous decades, and it will take a long-term effort to set up a new way of solving them.

In 2023, the balance between *globalization* and *regionalization* processes will likely continue to change, primarily in the Pacific and South Asia megaregion. The self-sufficiency, cultural and civilizational distinctiveness of the region and its countries, bound by a large number of regional economic arrangements, while preserving, as IMEMO experts note, a relatively cautious response of states to external pressure, determine the maintenance of *the dominance of regional trends*. One can expect that this will result in the choice of an independent, relatively balanced approach to interaction with Russia. Fierce competition in the technological sphere between the US and China will continue to have a great influence on strengthening regionalization. At the same time, India has a chance to take advantage of global formats in the technological field.

The general global trend towards technological sovereignty also fuels *the fragmentation* of the global world, which is especially evident in the sphere of military and technical cooperation. According to IMEMO experts, under conditions of growing *fragmentation*, the main line of interaction will be the strengthening of military-political ties and complex systems of alliances of the great powers. This sharply increases the role of the military factor in the foreign policy of countries and the formation of their coalitions: the securitization of global high-tech markets is clearly illustrated by the example of the US technological war with China and the global energy market – by the example of the sanctionary conflict with Russia. Under these circumstances, one should also expect changes in the superstructure of export controls, with possible supplementation of existing regimes, such as the Wassenaar Arrangement, with group coordination schemes close to Cold War-era CoCom.

This process will increase *the fragmentation of the world along military-political lines*. As a result, arms trade and military and technical cooperation as a whole will finally lose even the outward signs of a global market for military goods and services. Military-technical cooperation is likely to become a specific form of military (self-) assistance within blocs.

In the current context of changes in the fragmenting world order, cooperation will be supplemented by the creation of unified research and production platforms within blocs, including dual-use ones. The possible disintegration of global markets of technologies and high-tech goods directly stimulates the growth of import substitution, which means the maximum closure of the flows of resources, goods and services within blocks, without taking the crucial parts of the chains outside. Military and technical cooperation, along with cooperation in the production of microelectronic items, has one of the most significant potentials in this area. Therefore, one should expect its growth with the prevailing closure of chains within groups of countries that are politically and militarily connected.

Fragmentation along the military-political line does not always coincide with regionalization processes. It is highly likely that *in the growing trend of regionalization, its basic trade, economic and technological components will increase, while the role of political and ideological factors will play a small or diminishing role*. This goes counter to the increasing ideologization of the globalization process in recent years.

While the trend towards *a gradual reduction of US involvement in Middle Eastern affairs* remains, the independent approaches of both individual countries of the region and *the ad hoc partnerships* emerging there will occur. Security (taking into account regional conflicts) and energy issues will remain the key parameters of interaction/confrontation there. Experts point out the previously arisen trend towards a decrease in conflicts in the region, but in 2023 its level may increase, partly indirectly connected to the Ukrainian conflict. The latter indirectly involved Iran, where serious social protests continued in late 2022.

Israel will retain a key security role in the Middle East, but Turkey will remain the most active actor in the region in 2023, as in the previous two years. During the confrontation in Ukraine, Turkey significantly strengthened its position and *status as a regional power (even with some global claims)*. If R.T. Erdogan stays in power in the elections in 2023, in the nearest future one can expect a further foreign policy advance of Ankara in many directions – in the Turkic area of Central Asia, in the South Caucasus, not excluding the steps to normalize relations with Yerevan to consolidate the results of the settlement of the Armenian–Azerbaijani conflict; in the Middle East and North Africa and southward, through mediation in the grain deal; finally, in the West, especially in NATO, in the defense sphere. In other words, in case R.T. Erdogan wins the elections, Turkey may turn out to be almost the only political and economic beneficiary of the 2022 crisis and will actively exploit this asset.

The Turkish case thus becomes on a par with the process of the major (India) and medium (Vietnam) regional powers *acquiring more subjectivity* with a relatively independent position in their relations with the outside world; with the growth in recent years of their influence on changes in regional and global balances.

Multidirectional trends are developing in the Central Asian region, with *the military-political factor becoming more dominant*. On the one hand, the countries, despite disagreements and even outbreaks of hot conflicts (Tajikistan–Kyrgyzstan), have begun to pay more attention to the intra-regional ties. On the other hand, within the framework of the traditional multi-vector foreign policy, attempts are being made to obtain additional security guarantees from external partners (primarily Kazakhstan–China). Experts believe that the events of 2022 put an end to the period of timelessness which occurred for the Central Asian countries after the collapse of the bipolar system and determined the multi-vector nature of their policies, which is typical of the limitrophe states. The countries of the South Caucasus will also continue to actively seek additional external security guarantees.

In the expert community, there is some skepticism about the idea of a multipolar world, formulated at the end of the last century. Its relevance, taking into account what is happening in world politics, is often questioned – describing the current state of international relations as rather asymmetric bipolarity. This is, firstly, about the relative cohesion of the West around the US, which postpones the prospects of forming a true multipolarity, and secondly, about the lack of consolidation of regional non-Western centers of power, which makes this system unstable.

Indeed, in the global military-political mainstream in 2022, there was a kind of revival (albeit temporary) of *the passing unipolar model* – with the dominance of the US in a pro-Ukrainian coalition, that included not only Western countries. It is important to note that USA, in late 2022, after the midterm elections in the US and the CCP congress, slightly reduced the tension in relations with China seeking if not to involve it in the coalition, then at least to guarantee its greater neutrality.

However, tough competition between the US and China in the technological sphere will continue in 2023 and onward. The issue may become more acute in connection with the preparations for the American elections in 2024. However, it is possible that already in 2023, *the securitization, even the militarization of the global agenda, bringing the issues of war and peace to the forefront (for the first time in decades!)* will already create the preconditions for the beginning of the revision of the international security system – possibly with the participation of China, which would contribute to the strengthening of strategic stability.

Also, in 2023, the necessity of transforming the system of international institutions created as a result of World War II, especially the UN, will be on the global agenda. The long overdue need for their reform found additional evidence during the crisis of 2022.

At the same time, beyond the horizon of 2023–2024, it is difficult to assume the preservation of unipolar world order, in fact, randomly given a second breath.

Among the main reasons and factors, there are financial, economic, and sociopolitical problems, which the West will face to a greater or lesser extent in 2023, and the upcoming 2024 US elections and possible deviations in the country's foreign policy connected with them. Within the Collective West, which has shown unprecedented cohesion despite serious financial, economic, and energy difficulties, gradual deconsolidation (both in the Transatlantic format and within the European Union) is quite expected after the end of the Ukrainian crisis.

As early as 2023–2024, if and when the world enters a post-conflict phase, the key factors affecting the world order will be:

- first, the format of US–China relations development, fierce competition vs. economic and military-political confrontation;
- second, the dynamics of Transatlantic relations;
- third, Russia's policies and the emergence or absence of opportunities to normalize its relations with the West.

At this stage, especially when the force component of international relations has gained importance comparable to that of the Cold War era, it is *not the unipolar format* that will be needed to preserve peace and stability *but the responsible and cooperative leadership of major powers* – starting with the United States and China, but also including Russia, India and other centers of influence gaining a higher degree of subjectivity. However, the formation of such an international system will require both time and overcoming the current crises of world development.

Against the background of forceful confrontation in international relations, a new phenomenon emerged in the sphere of domestic political development in many Western countries in 2022. Judging by the elections held in France, Germany, Italy and the United States, *society in these countries is moving away from radical and extremist positions and is favoring a moderate broad political center*. Moreover, it is the 2022 crisis that could have served as a general consolidating and warning backdrop. Perhaps even a greater role was played by fatigue and stress experienced during the pandemic; fear of new financial and economic difficulties; hope for government assistance; disappointment and disbelief in extreme forms of protest; and finally, *the need and desire to return to old normality*. An illustrative example is the case of the European Union, where the main responsibility in responding to crisis situations was taken not by integration structures but by nation-states.

The conflict in Ukraine corrected the IMEMO-2022 forecast regarding the dominance of the domestic agenda over the foreign one, as well as the rise of nationalism in European

countries and the US. On the contrary, society there has shown empathy and, according to the polls, tolerance towards refugees from Ukraine, and even a willingness to withstand serious economic difficulties. At the same time, should the conflict become protracted (or after its end), in Western society, one cannot rule out a rebound, the emergence of an opposite dynamic, a kind of low base effect. This could have an impact on domestic political stability (especially in European countries).

GLOBAL ECONOMIC TRENDS

The divergence of country economic growth trajectories against the background of growing global mistrust. The deferred effects of so-called unconventional monetary policy accumulated since the first global financial and economic crisis of 2008/2009, supply shocks induced by disruptions in global production and trade chains due to mobility and business restrictions caused by the global pandemic of coronavirus disease, escalated economic contradictions between the leading centers of the world economy, resulting in trade conflicts and so far limited trade wars, mistakes in choosing the speed of Energy Transition in the EU, disorganization of global commodity markets as a result of the Ukrainian crisis, unprecedented sanctionary pressure on Russia and Russian counter-sanctions policies, and increasing negative effects from climate change have interrupted a strong 6.0% rebound in the global economy in 2021 after the 3.0% decline in 2020 caused by COVID-19.

Global economic growth in 2023 will be significantly determined by the dynamics of the economies of China and India, as well as other Asia-Pacific countries relying on free trade agreements, efficient regional added-value chains and low labour costs. Despite a slowdown intensified by negative external factors, China's economy will grow by 4.5%, accelerating from 3.0% in 2022, especially if zero-COVID policy is eased. India's economy is less vulnerable to negative shocks and will grow by 7.0%. Vietnam and Indonesia will keep their economic dynamics high.

In developed countries, the growth rates will significantly slow down from 2.6% in 2022 to 1.2% in 2023. Europe will find itself in a particularly dramatic situation, with its economy possibly going into recession. A decline in economic activity, the depth of which will be determined by the intensity of the crisis in gas and electric power markets, will be observed in the biggest European economies of Great Britain and Germany (-1.0% and -0.5% respectively). The US, under the optimistic scenario, would avoid a recession primarily because the unemployment rate is still low and many service industries, recovering from lockdowns and restrictions of 2020 and 2021, are on the rise. A possible scenario for 2023 could be stagflation in Europe and the United States, with stagflation, unlike in the 1970s, developing against a background of significantly higher debt levels of governments, households, real sector corporations, banks and financial institutions, making it especially difficult to overcome the stagflation mode.

A significant new factor with a strong negative impact on global economic growth has been the sharply increased level of mistrust between countries. Growing geopolitical contradictions have gone beyond the boundaries safe for economic growth. Geopolitical tension, and open and latent conflicts have reduced the priority of rational economic considerations and motivations for economic policy coordination.

A combination of supply and demand factors, the fragility of the financial sector amid the growing influence of geopolitics on economic growth and increasing economic irrationalism will result in global GDP growth by the end of this decade below the trend levels of the previous decade.

Demographic factors will have an increasing influence on the dynamics of global economic growth by the middle of the decade. A slowdown or even cessation of population growth, combined with rapid aging in many developed countries and China, will slow the labor supply and divert resources from investments to maintain the social and pension systems.

The Fed's key interest rate hike. The key driver of global economic and financial dynamics remains the US Federal Reserve's policy of raising the key interest rate (federal funds rate), which was

started in June 2022. The US Central Bank aims to reduce the annual consumer inflation rate to the target of 2%, avoiding a significant increase in unemployment and a hard landing of the economy. Higher interest rates put downward pressure on financial asset prices, the stock market and the mortgage market, but they raise borrowing costs for consumers and manufacturers, discouraging investment. A recession in the US economy in 2023 is possible, but market players believe the Fed will loosen monetary policy if there are signs of a recession. With current inflation levels higher than nominal interest rates, the real interest rate remains negative. To suppress aggregate demand, the target interest rate must be raised to a level that brings inflation and inflation expectations under control before they become entrenched in the behavior of economic agents.

The inflationary wave. The deferred effects of pumping the economic system with money since the beginning of the 2008/2009 crisis and the numerous supply shocks caused by various reasons triggered an inflationary wave as early as mid-2021. In mid-2022, 69 countries with a combined population of 2.1 billion people recorded double-digit annualized inflation (in mid-2021 double-digit inflation was observed in 23 countries with a population of 0.9 billion people). Inflation in developed countries in 2022 reached the highest levels in the last 40–50 years.

An important driver of inflation is soaring natural gas prices in Europe, which transferred into higher electricity prices and gas spot prices in the APAC, as well as significant price increases for greenhouse gas emission permits in the EU and the UK. Rising prices of energy and other raw materials are being reflected in the price of manufactured goods, especially in the chemical industry, including mineral fertilizers, which ultimately boosts food commodity prices. A significant contributor to the unwinding of inflation was the rise in food prices. The crisis in Ukraine, which is one of the world's largest exporters of wheat, sunflower seeds, livestock feed and sunflower oil, has exacerbated the situation.

Leading indicators show that inflation peaked in the third quarter of 2022 and is likely to slow in the last three months of the year. In the US, the peak of 9.1% was passed in June, and by December, inflation fell to an annualized rate of 6.5%. By the end of 2023, the rate of price growth will have fallen to long-term trend levels. However, a high degree of uncertainty remains.

The course towards technological sovereignty and increased competition for technological dominance. The development of the high-tech sector and high-tech markets in 2023 will be under pressure from geo-economic and geopolitical competition between the world's leading economic centers, primarily the US–Chinese technological 'war' and the widespread desire to put mega Internet corporations (Big Tech) under greater control.

The US will continue to increase sanctions' pressure on China in order to limit as much supply of advanced microcircuits, technology and semiconductor manufacturing competencies to Chinese companies as possible and will also try to close the opportunities for technological export and technology transfer through third countries. As part of both formal and informal pressure schemes, the US will seek to reduce China's scientific and technological cooperation with Western European, especially British and German, scientific and university centers. In the EU, there is a growing trend to reduce technological dependence on China. China's ability to respond to US sanctions and unfriendly European initiatives is limited. As a result, the process of relocation and regionalization of production chains in the semiconductor sector will accelerate, also due to political reasons. The process of formalization of sanctions, regulatory, trade and investment barriers between the United States, Europe, Japan and India on the one hand, and China on the other hand, will intensify.

In the logic of localization of production and response to economic and geopolitical challenges, new large-scale programs to subsidize national manufacturers in the semiconductor sector will be implemented in the US, EU, China, Japan and South Korea, which will strengthen the trend to create selectively parallel production chains, leading to further disruption of established market mechanisms of global production and scientific and technological cooperation in this sphere, which was deepening for more than two decades.

Against this background, the US, China and the EU, albeit with varying intensity, will intensify their policy of strengthening control over Big Tech corporations. In China, this process is entering

its final stage, which contributes to the slowdown of the high-tech sector and the economy as a whole. In the US, lawsuits against Big Tech are to begin in 2023, and a number of regulatory actions against Internet monopolies will be initiated. Against the background of tightening monetary policy, this is fraught with further bursting of the Internet bubble on the capital market (Big Tech, unicorn startups, etc.) with negative cascading effects for the venture capital industry, Internet sector and hi-tech as a whole.

World Trade. Against the background of slowing global economic growth, world trade in January–August 2022 was developing quite dynamically. China strengthened its position as the world's leading exporter. Mutual US–China and EU–China trade continues to grow. Neither the US nor the EU is aiming to curtail trade with China; the increasing protectionism and technology war affect only key sectors and industries for the Fourth Industrial Revolution.

Rising prices on all types of raw materials and petroleum products played in favor of the US, which is the largest exporter of raw materials – the growth of the value of US exports accelerated. The US increased its energy exports to Europe especially noticeably, where US liquefied natural gas and partially oil occupy the vacated Russian niches. The US–EU and US–UK energy linkage is formalized by political agreements on joint energy security efforts, so the growth of oil, petroleum products, and gas trade in the Transatlantic linkage will further grow.

The climate agenda and the green economy transition. The results of the COP27 climate summit in Egypt in November 2022 reflected the reshaping of the global climate agenda. Developing countries have shifted the focus to the financial aspects of decarbonization and methane emissions reduction, making their climate policies directly dependent on financial assistance from developed countries. The latter have failed to fulfill their promises made at the 1992 Earth Summit and at the conclusion of the Paris Climate Agreement in 2015 to provide \$100 billion annually to developing countries to support their decarbonization and methane emissions reduction efforts. Rising prices for imported oil and natural gas, the need to repay foreign debt and fiscal capacity weakened by COVID measures are forcing developing countries to promote coal-fired electricity generation, relying on their own coal reserves. At the global level, the energy transition will take longer and cost significantly more than previously thought.

Overall, at COP27, the global climate debate has shifted from the problem of mitigating greenhouse gas emissions through the economic displacement of fossil fuels to the problem of adapting to global warming. An important breakthrough was the legitimization of the use of so-called nature-based solutions to achieve net zero goals.

To compensate for the loss of imports of Russian gas, coal, oil, petroleum products and other raw and intermediate products, the EU has to bring mothballed coal-fired power plants back into operation and extend the life of nuclear power plants, which is currently slowing the energy transition. However, the return to fossil fuels and nuclear power will prove to be temporary. Government subsidies, investments and other forms of support for green energy continue to grow both at the EU level and in leading European economies. Moreover, the unprecedentedly high prices for gas objectively create incentives for the advanced development of solar and wind generation, as well as make hydrogen, biomethane and other natural energy sources more cost-competitive.

The US is accelerating the energy transition, of which natural gas, coal and oil are an organic part, if industrial carbon capture and storage systems are used on a large scale. Passed in August 2022, the Inflation Reduction Act calls for the federal government to provide more than \$370 billion in tax credits and subsidies to support decarbonization and energy infrastructure modernization to adapt to receiving electricity from new renewable energy sources through and including 2031, as well as the promotion of electric vehicles. The benefits will be granted exclusively to American and North American companies, since the law requires an increase in the national content in the cost of production. In fact, the trend towards political reshoring to North America of industries that are crucial for the green transition has been consolidated. Technological and investment protectionism in favor of North American manufacturers aims, among other things, to reduce the dependence of the American and global economies on China, the world's largest exporter of environmental products, at the same time undermining the competitive position of European

companies. American green protectionism is also aimed against South Korea (a major exporter of electric cars) and Malaysia (solar panels).

Sanctionary pressure on Russia. Although primary and secondary sanctions have long been common economic policy of the US and the EU, for the first time, one of a relatively large economies of G20 has found itself under unprecedented sanctions' pressure. Russia accounts for 1.8% of global GDP, 2.2% and 1.3% of global merchandise exports and imports, respectively.

The main goals of the first wave of Western sanctions were: first, to prohibit Russian companies and banks from using the dollar and the euro in settlements with counterparties; second, to cut off Russian companies from international trade as much as possible through bans on air and maritime traffic, as well as the option to buy financial and insurance services; third, bans on the export of high-tech goods and technologies; and fourth, the suspension of investment and withdrawal of foreign investors from Russian projects. At the core of the second wave of sanctions, which will come into force in late 2022 and early 2023, there are restrictions on the import of Russian oil and petroleum products.

The global market offers Russian companies wide opportunities to circumvent Western sanctions. In addition, the sanctions regime is constantly adjusted so that it does not cause excessive damage to the functioning of world markets and the economies of the sanctioning countries. At the end of 2022, the European embargo will be complemented by the introduction of a price ceiling, which is promoted by the US and other G7 countries.

European energy crisis. Mistakes made by European macro and industry regulators in determining the acceptable safe rate of energy transition and in designing natural gas and electricity markets, contradictions with Russia over the institutional structure of the European natural gas market (long-term import and export contracts versus spot market), large-scale EU and UK sanctions against Russian energy resources, and Russian counter-sanctions have plunged the EU and UK economies into an acute energy crisis. At present, the main factors of the crisis are the shortage of gas supply, which causes unprecedented high prices for gas and electricity. In 2021, Russia exported 153 billion cubic meters of pipeline gas to Europe. Russian gas has traditionally accounted for about 40% of Europe's gas consumption. In 2022, pipeline exports were estimated to be no more than 68 bcm or 44% of the 2021 level. Despite the sabotage that knocked out Nord Stream I and Nord Stream II pipelines, technical capacity to increase Russian gas exports to Europe using gas pipelines running through Ukraine and Poland remains. In October 2022, Russia and Turkey began to create a gas hub on Turkish territory aimed at European markets, but, at the moment, geopolitical contradictions and economic considerations make the prospects of this project highly uncertain.

Despite extraordinary measures of financial support amounting to several percent of GDP, Europe's energy poverty has risen sharply, gas-intensive industries have been curtailed, the coal-fired generation capacity in the electricity sector has been reactivated, and the exit from nuclear generation has been suspended. At the cost of reduced current consumption and a significant increase in imports of liquefied natural gas, including that from Russia, Europe has managed to accumulate significant amounts of gas in underground storage facilities by November 2022. Nevertheless, in view of the substantial decrease in gas imports from Russia since August-September 2022, in the fall-winter period of 2022/2023, the EU will have to make a compulsory reduction of gas imports from Russia and, with high probability, rationing of gas consumption, which could lead to a recession. Without a partial resumption of gas imports from Russia, the autumn/winter periods of 2023/2024 and 2024/2025 will be even more difficult, as there is no chance to compensate for the shortfall in Russian gas supply with alternative supplies, despite a significant increase in imports of liquefied natural gas, primarily from the United States. Even in the best-case scenarios, it will take years to restore the normal functioning of European energy markets.

Global Food Security. The global food problem is acquiring crisis traits. The reasons for this, along with the consequences of climate change and the transferring negative effect of the pandemic crisis, have been military and political conflicts and the lack of sustainability of socio-economic systems. In 2020–2021, the proportion of the world's population who suffer from

hunger rose by almost a quarter to 9.8%. If current trends persist, in 2022–2023, it may increase up to 10–10.5%. According to FAO, global spending on food imports in 2022 will grow by almost 11%, and resources for agricultural production (including fertilizers) – by 48%. Food inflation, even in most above-average income countries, has already reached 5–30%. Further prospects are still unclear. According to the current forecast of OECD–FAO, the dynamics of demand for food can outpace the growth of population and agricultural production in the world until 2031. To overcome the effect of these discrepancies, it is necessary to make targeted efforts of the world community to ensure open, predictable, and non-discriminatory world trade in agro-food products and fertilizers according to WTO rules, to provide ‘in-kind donations and resources’ to the most food-insecure countries, and to invest and otherwise promote the productivity and sustainability of national food systems by strengthening global supply chains and reducing food losses. Relevant goals were declared at the G20 and APEC summits in November 2022, and the IMF is already developing a new international instrument of financing food imports and investing in food systems of low-income countries – net importers, which account for about 23% of the world population. Russia can actively engage in these processes, relying on the growing capacity and development of the export transport and logistics system of its agro-industrial complex.

RUSSIAN ECONOMY

In 2022, the Russian economy faced unprecedented challenges caused by a sharp exacerbation of geopolitical tensions. Consolidated efforts of economically developed countries aimed at undermining the economic potential of the Russian Federation created an extremely unfavorable background for the economic development of the country, which steadily deteriorated throughout 2022. The following circumstances were of fundamental importance:

1) the freezing of the country’s international assets worth over \$300 billion (with a detailed discussion of the prospects for their confiscation and subsequent use for the support of Ukraine’s economy);

2) increasing sanctions pressure connected both with limiting the opportunities for interaction between residents of the sanctioning countries and Russian business entities and with the extension of the corresponding restrictions to residents of third countries planning to continue or develop cooperation with the Russian Federation (secondary sanctions);

3) disconnection of the leading Russian banks from international payment systems and the interbank system for transmitting information and making payments SWIFT (with the threat of extending this measure to the entire banking system of Russia);

4) forced curtailment of energy cooperation (complicated by the destruction of natural gas supply infrastructure to Europe through the pipelines of Nord Stream 1 and Nord Stream 2 projects), as well as attempts to reduce revenues from Russian energy exports to third countries through the mechanism of price ceilings;

5) refusal to cooperate with the Russian Federation in the field of high technology (primarily dual-use technologies) and actual coercion of companies from third countries to take similar steps (in this regard, in particular, Taiwanese and South Korean companies have stopped supplying microprocessors and microcircuits to Russia);

6) a full-scale attack on Russia’s foreign trade relations for both exports and imports (including not only high-tech but also standard civilian imports), involving the revocation of Russia’s most-favored-nation treatment in trade (which allows applying a higher level of import customs duties), as well as the revocation of its market economy status by the US in November 2022 (which opens up opportunities for the virtually arbitrary imposition of anti-dumping duties against Russian-made goods).

An additional negative factor was the massive withdrawal of foreign investor companies from the country due to both the effects of sanctions pressure and fears of a general increase of uncertainty in the Russian economy under the influence of geopolitical factors. According

to the Center for Strategic Research, as of the beginning of September 2022, of the 600 largest foreign companies operating in Russia, 34% have limited activities in the country, 15% decided to leave the country and transfer the business to a Russian owner and 7% have declared a complete withdrawal from the market. This factor created significant risks not only in terms of reduced industrial production and supply of quality goods and services to consumers but also in terms of the reduction of high-quality jobs and high-paying employment.

Despite these challenges, thanks to a targeted and effective anti-crisis policy of the Russian Federation, it became possible to avoid significant crisis shocks. Contrary to the catastrophic forecasts, which became widespread in the first half of 2022 (for example, in April, the IMF predicted an 8.5% drop in Russia's GDP for the year), the decline in economic activity was much more moderate. According to Rosstat, the country's real GDP dropped by 0.4% in the first half of 2022 and by 3.7% in the third quarter, which means that the national economy is much more resistant to geopolitical shocks than the initiators of the sanctions anticipated. In the October forecast of the IMF, the decline of production in Russia in 2022 is estimated at 3.4%. According to our estimates, Russia's GDP will decrease by 2.5% in 2022. According to the IMF forecast, Russia's GDP will decline by 2.3% in 2023; according to our forecast, the decline in economic activity will be much smaller. Russia's GDP will decline by 1.5% in 2023.

The key factors that ensured this result were the following. First, thanks to the policy of reorientation of foreign trade relations, as well as adaptation of mechanisms of foreign trade supplies and payment operations to the new sanctions conditions, the country managed not only to keep, but also to increase the surplus of the balance of payments on current transactions. According to the estimates of the Bank of Russia, in January–October 2022, it reached \$215.4 bn. It is more than two times higher than in the same period of the last year. This ensured the inflow of foreign currency into the country in the amounts which allowed to smooth the effect of the freezing of foreign currency assets. The reduction of import operations also contributed to such growth of the active surplus.

Secondly, thanks to the massive support of industrial production (including the defense industry), it was possible to achieve not only the prevention of the recession but also a moderate growth (by 0.4%) of the industrial output during the first-third quarters of 2022. In particular, the output of mining resources in real terms increased by 1.9%, the production of drugs and materials used for medical purposes – by 21.5%, the production of computers, electronic and optical products – by 4.6%, the manufacture of finished metal products – by 3.5%. At the same time, the production of motor vehicles, trailers and semi-trailers decreased by 43.3%, electric equipment – by 4.1%, textile and wood products – by almost 10% each. This was primarily due to the withdrawal of foreign companies from the Russian market, which provided the necessary technology, as well as the reduction of export opportunities (especially in the latter case). Nevertheless, the overall balance of industrial production turned out to be overall positive.

Thirdly, contrary to alarmist expectations concerning the impact of the economic sanctions on the welfare of the population, their effect in this sphere turned out to be pronounced but moderate. According to the official estimates, the real disposable income in January-September 2022 decreased in annual terms by only 1.7%. The main factor of the decrease in real income was the acceleration of inflation (up to 12.6% in October 2022 against the target of 4.0% in annual terms). The corresponding inflation rate in Russia, taking into account the extremely harsh sanctions pressure, was, however, only slightly higher than that in the EU countries (11.5%), which indicates that geopolitical tensions and the breakdown of mutually beneficial economic ties lead to significant economic costs not only for Russia but also for the EU.

CONCLUSION

A sharp decrease in the intensity of Russia's foreign economic relations due to the sanctions policy of economically developed countries and the withdrawal of companies representing them from the country caused the need for an accelerated reorientation of trade and investment

cooperation towards countries with emerging markets. The countries of the Asian continent are the most promising partners. Intensification of relations with the relevant countries can partially compensate for the reduction of Russian energy exports (China, India, Turkey), contribute to the formation of new international value-added chains with the participation of Russian companies (China, ASEAN countries) and provide access to financial resources and options for payment transactions under sanctions (China, the Persian Gulf countries). Prospects for cooperation with other developing regions of the world (Latin America, Africa) in the short term are mainly limited to the foreign trade sphere and can offer additional opportunities for Russian medium-tech exports, as well as for 'friendly imports' of goods demanded by the Russian market.

The main obstacles to the realization of these opportunities are the insufficient development of the Russian export infrastructure in the eastern direction (especially in the transportation of hydrocarbons), as well as fears of potential partners regarding the introduction of secondary sanctions by economically developed countries for cooperation with the Russian Federation and the business entities representing it. In the case of cooperation in the high-tech sector (in particular, in electronics), it is important that the existing international added-value chains involving Asian companies overwhelmingly include companies from developed countries and/or production facilities on their territory, which not only prevents Russian companies from entering these production chains but also undermines the motivation of Asian business entities to establish bilateral ties with Russian companies because of the fear of the negative reaction of the Western partners.

Eliminating the relevant obstacles requires both additional investment costs and increased efforts in Russian economic diplomacy. At the same time, realistic estimates of the willingness of the sanctioning countries to bear the associated costs show that the time needed to implement the corresponding steps works in favor of the Russian Federation.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Кобринская И.Я., Мачавариани Г.И., отв. ред. *Россия и мир: 2023. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз*. Дынкин А.А., Барановский В.Г., рук. проекта. Москва, ИМЭМО РАН, 2022. 130 с. [Kobrinskaya I.Y., Machavariani G.I., eds. *Russia and the World: 2023. Annual Forecast: Economy and Foreign Policy*. Dynkin A.A., Baranovsky V.G., project leads. Moscow, IMEMO, 2022. 130 p.] (In Russ.)
2. Dynkin A.A., Baranovsky V.G., Kobrinskaya I.Y., et al. *Russia and the World: 2022 IMEMO Forecast. Analysis and Forecasting*. *IMEMO Journal*, 2022, no. 1, pp. 13-39. DOI: 10.20542/afij-2022-1-13-39
3. Кобринская И.Я., Мачавариани Г.И., отв. ред. *Россия и мир: 2022. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз*. Дынкин А.А., Барановский В.Г., рук. проекта. Москва, ИМЭМО РАН, 2022. 136 с. [Kobrinskaya I.Y., Machavariani G.I., eds. *Russia and the World: 2022. Annual Forecast: Economy and Foreign Policy*. Dynkin A.A., Baranovsky V.G., project leads. Moscow, IMEMO, 2022. 136 p.] (In Russ.)

ЛЮДВИГ КЛАГЕС, ГЛУБИННАЯ ЭКОЛОГИЯ И КОНЦЕПЦИЯ *FRILUFTSLIV* В СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЕ

© БЕЛУХИН Н.Е., 2023

БЕЛУХИН Никита Евгеньевич, аспирант, младший научный сотрудник сектора региональных проблем и конфликтов отдела европейских политических исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (belukhin@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-7505-2356

Белухин Н.Е. Людвиг Клагес, глубинная экология и концепция *friluftsliv* в Северной Европе. Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2023, № 1, сс. 27-44. DOI: 10.20542/afij-2023-1-27-44

DOI: 10.20542/afij-2023-1-27-44

EDN: ZCIRNQ

УДК: 17(4-17)

Поступила в редакцию 18.01.2023.

После доработки 09.02.2023.

Принята к публикации 22.05.2023.

В статье дается краткий обзор взглядов философов Людвиг Клагеса, Арне Несса и Вилли Сёренсена, занимавшихся вопросами отношений человека и окружающей среды, а также проводится сопоставление их философских идей с популярной концепцией *friluftsliv*, тесно связанной с образом жизни и региональной и национальной идентичностью в странах Северной Европы. Выявлено, что опорной точкой как для философских построений глубинной экологии, так и для практики *friluftsliv* выступает тесная эмоциональная связь человека с природой как естественной средой обитания. Исходя из этого, на основе анализа стратегий развития *friluftsliv* в Дании, Норвегии и Швеции выявлен потенциал феномена *friluftsliv* как инструмента создания широкой общественной солидарности по вопросам “зеленой” повестки, развитого экологического сознания и экогражданства в странах Северной Европы, что отвечает концепции эстетических, “прекрасных” действий в формулировке А. Несса. Делается вывод о том, что системно внедряемая в Северной Европе практика *friluftsliv* может служить примером преодоления конфликта между радикальным экологическим алармизмом и скептицизмом, превращения заботы об окружающей среде в часть повседневной жизни и национального сознания. В статье также отмечается угроза использования экологической повестки представителями правого радикализма и правого экстремизма для увеличения собственной популярности среди молодежи. Несмотря на локальные экологические инициативы, реализуемые под крылом таких организаций, “зеленая” риторика служит им в первую очередь для укрепления более традиционной повестки, включающей требования ограничения иммиграции и устранения “инородных и враждебных” элементов из обществ северных стран. В заключении отмечается широкий потенциал изучения национальных экологических культур и идентичностей, что могло бы дополнить существующую исследовательскую повестку по анализу “зеленых” партий и массовых экологических движений.

Ключевые слова: Дания, Швеция, Норвегия, глубинная экология, идентичность, *friluftsliv*, философия, этика, всенародное право, окружающая среда.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов финансового и нефинансового характера.

LUDWIG KLAGES, DEEP ECOLOGY AND THE CONCEPT OF FRILUFTSLIV IN NORDIC COUNTRIES

Received 18.01.2023. Revised 09.02.2023. Accepted 22.05.2023.

Nikita E. BELUKHIN (belukhin@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-7505-2356, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

The article provides a brief overview of the views of philosophers Ludvig Klages, Arne Næss and Villy Sørensen, whose works revolved around the relationship between man and the environment. The article then proceeds to compare their philosophical ideas with the popular concept of friluftsliv which closely intertwines with the lifestyle as well as regional and national identity of Nordic countries. It is revealed that the common ground of both the philosophical constructions of deep ecology and the practice of friluftsliv is the close emotional connection between humanity and nature as its original environment. The analysis of development strategies of friluftsliv in Denmark, Norway and Sweden highlights the potential of friluftsliv phenomenon to be a conduit for fostering wide public solidarity on the 'green' agenda and promoting ecological consciousness and eco-citizenship in Nordic countries, which also corresponds to the idea of aesthetic, beautiful actions as formulated by Arne Næss. The conclusion is made that the systematically implemented practice of friluftsliv in Northern Europe can serve as an example of overcoming the conflict between radical environmental alarmism and skepticism and of making environmental care a part of everyday life and national consciousness. The article also notes the threat of right-wing radicalism and right-wing extremism employing the environmental rhetoric in order to increase their popularity among the younger generation. Despite local environmental initiatives conducted under the auspices of such organizations, their 'green' rhetoric primarily serves to reinforce their more traditional agenda of restricting immigration and eliminating 'foreign and hostile' elements from Nordic society. The conclusion emphasizes the broad potential for the study of national ecological cultures and identities, which could complement and broaden the existing research on the 'green' parties and mass environmental movements.

Keywords: Denmark, Sweden, Norway, deep ecology, identity, friluftsliv, philosophy, ethics, freedom to roam, environment.

About the author: Nikita E. BELUKHIN, Postgraduate, Junior Researcher, Sector for Regional Issues and Conflicts, Department for European Political Studies.

Competing interests: no potential competing financial or non-financial interest was reported by the author.

ВВЕДЕНИЕ

Имена немецкого философа Людвиг Клагеса (1872–1956 гг.), норвежского мыслителя и эколога Арне Несса (1912–2009 гг.) и датского писателя и философа Вилли Сёренсена (1929–2001 гг.) пока малознакомы российскому читателю. Людвиг Клагес, если и известен, то в большей степени как психолог, один из представителей течения философии жизни и исследователей творчества Фридриха Ницше¹, основоположников немецкой характерологии и графологии², и в меньшей степени как автор, вероятно, первого европейского экоманифеста "Человек и Земля" (нем. *Mensch und Erde*), опубликованного в 1913 г., на рубеже Новой и Новейшей истории Европы. Любопытно, что творчеством немецкого философа в сфере графологии интересовался советский кинорежиссер Сергей Эйзенштейн, который в 1936 г. отправил ему в Кильхберг в Швейцарии, где Л. Клагес

¹ Подробнее см.: Клагес Л. *Психологические достижения Ницше*. Москва, Культурная революция, 2016. 250 с.

² Подробнее см.: Schlicht L. Graphology in Germany in the 1920s and 1930s – Amateurs, Psychologists, and the Police On the Scientific Nature of Graphology. *NTM Journal of the History of Science, Technology and Medicine*, 2020, vol. 28, pp. 149-179. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00048-020-00246-8>

постоянно проживал с 1915 г., письмо, в котором отметил, что работы философа “всегда представляли для него огромный интерес” в связи с изучением вопросов “выразительности” в киноискусстве и что он только что получил свежее издание труда “Движение выразительности и сила создания: основание науки выражения” (нем. *Ausdrucksbewegung und Gestaltungskraft: Grundlegung der Wissenschaft vom Ausdruck*), впервые опубликованного в 1923 г., а также предлагал Л. Клагесу проанализировать его почерк [1].

Работа “Человек и Земля” в книжном формате не переиздавалась с 1980 г. (отдельно статья “Человек и Земля” появлялась в издании *Verland Mitteilungen* в июне–июле 1965 г. и в журнале *Schauen und Bilder* в марте 1971 г.) [2], на немецком языке первое современное издание появилось в 2013 г. в издательстве *Matthes&Seits Berlin*, которое назвало эту статью Л. Клагеса “основополагающим текстом немецкого экологического движения”³. В том же году в издательстве *Arktos* был издан сборник работ Л. Клагеса, включая перевод его программной статьи “Человек и Земля” на английский язык⁴. На русском языке статья наряду с другими работами немецкого философа впервые была опубликована в издательстве консервативной литературы “Тотенбург” в 2020 г. [2]

Обращение подобных издательств, которые, как, к примеру, открытое в 2010 г. издательство *Arktos*, создавались для популяризации идей движения идентитаризма и переводов на английский язык работ таких авторов, как Гийом Фай, Аллен де Бенуа, Доминик Веннер и других [3], к творческому наследию Л. Клагеса одновременно необычно и закономерно. Необычно в силу того, что творчество Л. Клагеса в целом очень сложно систематизировать и положить на удобную “полочку”. К примеру, несмотря на то, что как в Веймарской республике, так и в нацистской Германии идеи Л. Клагеса были довольно популярны (особенно его трехтомный труд “Дух как противник души”, изданный в 1929–1932 гг.), руководство правящей Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП) опасалось, что его философия окажется популярней, чем официальное мировоззрение национал-социализма, и “на стадии общественной унификации гитлеровский режим предпочел отказаться от заигрывания с пожилым метафизиком” [4]. Закономерно, так как та критика, включая ее экологическое измерение, которую Л. Клагес выражал по отношению к современному ему миропорядку в начале XX в., оказывается востребованной сегодня и вписывается в рамки критики идеологии прогресса и “маниакального” экономического роста, которую осуждают представители новых правых⁵.

Символично, что столетний юбилей философа совпал с проведением в 1972 г. в Стокгольме конференции ООН по проблемам окружающей человека среды. В этой связи примечательны слова Герда-Клауса Кальтенбруннера, немецкого теоретика “просвещенного консерватизма”, сказанные о Л. Клагесе: “В этом совпадении глубокий смысл: то, чего требует надвигающаяся экологическая катастрофа, есть ни что иное, как глубоко религиозное отношение Клагеса ко Вселенной, к экологическим силам – земле, воде и воздуху, к богатству образов и способов выражения органической жизни” [2, сс. 37-38]. Основную причину экологического кризиса Л. Клагес видел в растущем доминировании духа над душой в ходе научно-технического прогресса, который нарушает врожденную связь между ней и телом. В уничтожении различных видов животных и растений, истощении природных запасов, от которых зависит жизнь следующих поколений, он усматривал свидетельство того, что наступил век “гибели души”. Не в последнюю очередь Л. Клагес возлагал вину за образовавшийся разрыв между телом и душой на христианство, которое провозгласило любовь как универсальный принцип мироздания, но только между людьми, но не между людьми и природой [5].

Если Л. Клагес в силу радикального пессимизма не мог предложить решение остро ощущаемых им надвигающихся экологических проблем, то норвежец Арне Несс, предложивший в 1973 г. концепцию глубинной экологии, которая стала популярна далеко за пределами

³ На сайте издательства, однако, утверждается, что эта работа Л. Клагеса никогда не переиздавалась после 1945 г. вплоть до 2013 г., что, по всей видимости, не соответствует действительности. Подробнее см.: Klages L. *Mensch und Erde*. Berlin, Matthes & Seitz Berlin, 2013. 64 s.

⁴ Подробнее см.: Klages L. *Biocentric Worldview*. Budapest, Arktos, 2013. 158 p.

⁵ Подробнее см.: Бенуа де А. Вперед к прекращению роста. Эколого-философский трактат. Москва, ИОИ, 2013. 103 с.

Норвегии, стремился восполнить этот пробел. В 1984 г. он вместе с британским ученым Дж. Сешеном сформулировал восемь принципов, которые в общих чертах характеризуют ядро глубинной экологии⁶. Среди российских исследователей присутствует точка зрения, что идеи А. Несса, вероятно, косвенно, но все же повлияли на климатическую политику, гуманитарную дипломатию и управление доходами от разработки нефтегазовых ресурсов в Норвегии, отчасти подведя под них философскую базу. При этом отмечается противоречие между норвежской демографической политикой и одним из принципов глубинной экологии, в соответствии с которым “для людей было бы лучше, если бы их было меньше, то есть процветание человеческой жизни и культуры совместимо с существенным сокращением народонаселения”. С другой стороны, также осторожно отмечается, что идеи А. Несса могут считаться и “производными от той гуманитарной политики, которую Норвегия стремилась проводить с начала своего существования” [6]. В официальных документах и стратегиях Норвегии прямых ссылок на наследие А. Несса нет. Несмотря на то, что свидетельства косвенных или прямых контактов между А. Нессом и Л. Клагесом отсутствуют, сопоставление основных положений их концепций показывает, что два мыслителя во многом разделяли точку зрения друг друга на отношения природы и человека, хотя и опирались на разные философские основания (табл. 1).

Двух философов объединяет внимание к эстетическому чувству как главной движущей силе экологического поведения, что будет более подробно раскрыто далее в статье при упоминании концепции “прекрасных действий” А. Несса. А. Несс, как и Л. Клагес, считал, что люди должны оберегать природу и вести себя экологично не исходя из пользы, то есть утилитарных мотивов (в конечном счете польза и выгода у всех разная. К примеру, норвежским рыбакам невыгодно сокращение квот на ловлю рыбы и т.д.) или соображений морали, а основываясь на общем, систематически прививаемом чувстве прекрасного, ощущении естественной красоты, которая проявляется в природе. Навязывание определенных этических взглядов в сфере экологии, по мысли А. Несса, чревато конфликтами, идейной поляризацией, поиском и наказанием виновных, что видно на примере действий Г. Тунберг и других радикальных экологических движений, таких как *Extinction Rebellion* и пр.

Таблица 1. Сопоставление философских взглядов Л. Клагеса и А. Несса

Л. Клагес “Человек и земля”, 1913 г.	А. Несс. Восемь принципов глубинной экологии из работы “Философия жизни”, 1998 г.
“Жизнь – это постоянное восстановление жизнеспособной формы, если мы уничтожаем ее, уничтожая вид, Земля на все времена становится бедней, несмотря на так называемое сохранение энергии”	“Каждое живое существо имеет собственную ценность”
«Не нам решать, обладает ли жизнь собственной сутью в этом мире или нет, является ли Земля, как верили древние, живым существом, или она (по мнению людей нового времени) всего лишь бесчувственный ком “мертвой материи”, точно известно одно: отдельные местности, игра облаков, воды, растительный покров и деятельность животных любого ландшафта представляют собой одно впечатляющее целое, отдельные живые существа словно находятся в одном ковчеге, вплетены в великие процессы Вселенной»	“Многообразие и богатство форм жизни являются ценностями сами по себе”

⁶ Непосредственным толчком для появления глубинной экологии стали молодежные протесты 1960-х годов, поднявшие и экологические вопросы. Как отмечали А. Несс и Дж. Сешен, глубинная экология имеет и религиозные корни, но ее философские истоки можно найти главным образом в “экоцентризме и социальной критике Г.Д. Торо, Д. Мьюра, Д.Г. Лоуренса, Р. Джефферса и О. Хаксли”. В настоящее время к глубинной экологии относят целую плеяду мыслителей-экологов, различных как по степени радикализма, так и по изучаемым вопросам. Т.В. Ровинская называет общей чертой представителей этого течения придание всему живому самостоятельной ценности независимо от практической пользы для человека. А. Несс разграничивал “поверхностный”, сугубо профессиональный и технократический взгляд на решение экологических проблем, для которого характерен антропоцентризм, и более глубинный экологический взгляд, который предполагает переход к биоцентризму. К примеру, для “мелкой”, “поверхностной” экологии решение проблемы загрязнения будет заключаться в более равномерном его распределении, принятии законов, ограничивающих допустимый уровень выбросов, разработке технологий, очищающих воду и воздух, переносе особо “грязных” производств и объектов. “Глубинный” взгляд оценивает последствия загрязнения не только для человека, но для всей планеты в целом, стремится к устранению первопричины загрязнения, а не смягчению его последствий. См.: Sessions G. *Deep Ecology for the 21st Century. Readings on the Philosophy and Practice of the New Environmentalism*. Shambhala Publications, 1995. 520 p.; *Политические идеологии и партийные системы: основные векторы трансформации во втором десятилетии XXI века*. Соловьев Э.Г., отв. ред. Москва, ИМЭМО РАН, Идея-Пресс, 2022. 228 с.; Naess A. *The Deep Ecological Movement. Some Philosophical Aspects. Philosophical Inquiry*, 1986, vol. 8, iss. 1/2, pp. 10-31. DOI: <https://doi.org/10.5840/philingui-ry198681/22>

“Человек тоже часть природы, многие даже думают, что он принадлежит ей целиком, но это, как мы увидим далее, заблуждение. Но в любом случае он тоже живет, и если что-то в нем вступает в конфликт с жизнью, то это его конфликт с самим собой”	“Люди не имеют права сокращать это многообразие и богатство, если только этого не требуется для удовлетворения жизненно важных потребностей”
“Но этого мало: яростная жажда уничтожения оставила свои кровавые борозды и на самом человечестве. Совсем исчезли или близки к исчезновению первобытные народы...” “Словно всепожирающий пожар бушует прогресс над Землей, и на выжженном им месте ничего уже больше не вырастет, пока еще есть люди!” “В нашей цепи доказательств будет отсутствовать важнейшее звено, если мы не назовем также примеры саморазрушения человека”	“Для людей было бы лучше, если бы их было меньше, то есть процветание человеческой жизни и культуры совместимо с существенным сокращением народонаселения. Это было бы значительно лучше для других живых существ”
“Но там, где начинает господствовать человек прогресса, он сеет вокруг себя смерть и ужасы смерти”	“На сегодня масштабы и сущность вмешательства человечества в экосистему таковы, что она их не выдерживает, и запас прочности экосистемы уменьшается”
“Повороту к лучшему могло бы помочь внутреннее изменение жизни, но вызвать его – не в человеческих силах”	“Поэтому для улучшения ситуации требуются значительные изменения: экономические, технологические и идеологические”
“Чем гордится деятель прогресса? Просто успехами, ростом могущества человечества, которые он бездумно путает с увеличением ценности, а мы сомневаемся, способен ли он испытывать счастье, а не одно только пустое удовлетворение от сознания своего могущества” “Люди в большинстве своем больше не живут, а только существуют, либо как рабы профессий, механически расходуя себя на службе крупным предприятиям, либо как рабы денег, бессознательно отдающиеся суммарному безумию акций и основания новых фирм...”	“Изменение в идеологии будет в значительной степени состоять, скорее, в поиске лучшего качества жизни, а не более высоких жизненных стандартов”
«Мы должны, наконец, перестать смешивать то, что глубоко чуждо: силы жизни и души с силами разума и воли. Мы должны понять: то, что относится к сущности “рациональной” воли, разрывает в клочки “покрывало Майи”»	“Те, кто принимает изложенные положения, ответственны за то, чтобы прямо или косвенно содействовать осуществлению необходимых перемен”

Источник: составлено автором по [2] и [6].

В философии Вилли Сёренсена, датского соседа А. Несса и Л. Клагеса, природа также занимает центральное место. В работе “Без цели – и с ней. Рассуждения о морали” 1973 г. (дат. *Uden mål – og med. Moralske tanker*) он отмечает, что современный культурный кризис характеризуется “несовпадением между биологическим развитием человека как вида и культурным развитием человечества”, культурный кризис, таким образом, не в последнюю очередь предстает и экологическим кризисом [7]. В другой работе, изданной 7 февраля 1978 г. в 500-летний юбилей британского философа Томаса Мора, “Восстание из центра” (дат. *Oprør fra midten*), написанной в соавторстве с датским ученым-физиком Нильсом Мейером и экс-министром культуры от партии Радикальная Венстре в 1968–1971 гг. Кристеном Хельвегом Петерсеном⁷, критикуется идея прогресса и индустриальной революции в западном мире, которая, по мнению авторов, привела к кризису ценностей и доверия в обществе, в котором любое действие может совершаться лишь исходя из узко толкуемой личной выгоды.

В таком обществе, как пишут авторы, политика, экономика и наука превратились в автономные системы ценностей, которые преследуют собственные цели, не учитывая общественное благо. В обществе, где возможно удовлетворение базовых потребностей в ранее невозможных масштабах, потребление становится самоцелью, что приводит к появлению избыточных неестественных потребностей, особенно у тех, кто имеет для жизни больше, чем достаточно. В идеальном обществе, по мысли В. Сёренсена, должна существовать гармония между биологическими потребностями человека и социальными требованиями, которые к нему предъявляются. В этом отношении В. Сёренсен стремится дистанцироваться от “правых и левых материалистов”, которые игнорируют то, что человек выступает одновременно и социальным существом, и созданием природы, сводя его лишь к продукту социальных отношений, а значит, делая человеческую природу уязвимой для

⁷ Ранее, в 1969 г., К.Х. Петерсен, вдохновившись дебатами, возникшими вокруг молодежных протестов 1968 г., создал Форум для обсуждения общественных вопросов (дат. *Selskabet for Samfundsdebat*), куда были приглашены и Н. Мейер, и В. Сёренсен. Так было начато сотрудничество трех мыслителей. Непосредственным толчком для их коллективной работы над книгой стала публикация доклада Римского клуба “Пределы роста” в 1972 г.

методов социальной инженерии. Идеал общественного устройства, который описывает В. Сёренсен, можно условно обозначить как “зеленый анархизм”, при котором общество было бы разделено на малые самоуправляющиеся единицы, земля и природные ресурсы стали бы общим достоянием, а властные посты, основанные на праве на наследство, частной собственности или экономических привилегиях, были бы упразднены. Только в таком обществе человеческая природа может раскрыться наилучшим образом, что поможет установить баланс с окружающей средой.

Книга В. Сёренсена, Н. Мейера и К.Х. Петерсена “Восстание из центра” встретила шквал критики как с правой, так и левой части политического спектра. Тем не менее она стала популярной не только в Дании. Книга была издана в Норвегии, Швеции, Исландии, Германии, Великобритании и США. Само название работы В. Сёренсен объяснял тем, что видимых изменений в Дании можно добиться не инициативами крайне левых или крайне правых, а лишь опираясь на широкую центристскую коалицию, включающую социал-демократов⁸. В. Сёренсен, как и А. Несс, таким образом, считал экологию неким “срединным путем” (дат. *midtvej*), который основывается на консервативных ценностях и традиции, что, однако, не мешало им обоим занимать крайне левую позицию в других вопросах. В работе “Экология, сообщество и образ жизни”, впервые изданной в 1976 г., А. Несс, в частности, утверждал, что “зеленые ценности” могут успешно противостоять как “красному марксизму”, так и “синему либерализму”. В этой связи можно отметить, что тесная увязка экологических вопросов и социальной повестки, то есть социально ориентированный экологизм, был характерен для североевропейского энвайронментализма с начала его развития в 1970-х годах [8].

Начальной точкой предотвращения экологического кризиса Л. Клагес, а за ним В. Сёренсен и А. Несс полагают чувственную интимную связь человека с конкретным местом проживания и окружающей средой. Похожую мысль выражает и британский консервативный философ Роджер Скрутон в эссе “Консерватизм и окружающая среда”: “Если мы обратимся к истории консервативного движения по защите окружающей среды в Британии, мы увидим, что эти консервативные принципы функционировали наиболее успешно не через государство, а через гражданские инициативы, которые бросали вызов государству, начиная с протестов для защиты лесов в XVII в., инициированных Джоном Ивлином, и заканчивая созданием Национального фонда⁹ в конце XIX в. Жизненно важной для этого консервативного экологического движения является любовь к красоте.... Красота, как они (жители Британии. – Н.Б.) осознали, выступает барьером для иерархичного насилия эксплуататоров и социальных инженеров”¹⁰. История американских “зеленых” движений также связана с противостоянием между гражданским обществом и властью корпораций и правительства за защиту прав на благоприятную окружающую среду, которое начиналось с инициатив местных активистов [9]. Экологическое сознание, таким образом, оказывается связанным с местной территориальной идентичностью, топофилией или ойкофилией.

Общей для трех мыслителей также выступает критика идеи экономического и технического прогресса, не учитывающего потребности окружающей среды. Стоит отметить, что эмоциональная, почти сакральная связь человека с природой местности, где он проживает, которой вдохновлялись все три рассматриваемых мыслителя, выступает и основой философии и практики *friluftsliv*¹¹ (буквально этот термин переводится как “жизнь на свежем воздухе”), то есть отдыха на природе, которая популярна не только среди обычных граждан стран Северной Европы, но и продвигается на официальном государственном уровне

⁸ Nielsen J.S. Hvis ikke der kommer et oprør fra midten, kommer der et oprør MOD midten. *Information*, 09.02.2018. Available at: <https://www.information.dk/indland/2018/02/kommer-oproer-midten-kommer-oproer-midten> (accessed 10.01.2023).

⁹ Национальный фонд объектов исторического интереса либо природной красоты.

¹⁰ Scruton R. *Conservatism and the Environment*. Sir Roger Scruton, Writer&Philosopher. Available at: <https://www.rog-scruton.com/articles/281-conservatism-and-the-environment> (accessed 13.10.2022).

¹¹ На датском, норвежском и шведском языках концепция называется одинаково *friluftsliv*. В Норвегии также популярна схожая, но не идентичная практика, именуемая *utmark*. В Норвегии Сетью горных исследований (норв. *Fjell-forsk-nett*) и Норвежским институтом исследований природы (норв. *Norsk institutt for naturforskning, NINA*) издается специальный научный журнал, посвященный исследованиям этой практики, *Tidsskriftet UTMARK*. В Германии также присутствует схожая традиция, но с собственным национальным колоритом – *Natursport*.

и в системе образования. В этом отношении представляется важным проанализировать взаимовлияние идей глубинной экологии и *friluftsliv*, учитывая, что оба феномена зародились именно в Северной Европе и тесно связаны как с национальной идентичностью северных стран, так и с продвижением общего для них регионального бренда *Norden*¹², одной из ключевых составляющих которого выступает именно экология.

В российской политической науке не так много работ, посвященных идеям глубинной экологии и их восприятию или реализации в регионе, где эти идеи и зародились, то есть Северной Европе, а также анализу влияния этих идей на формирование североευропейской социально-экономической модели. Настоящая статья, таким образом, представляет собой попытку рассмотреть преломление идей экософии и глубинной экологии в экологическом и социальном брендинге пространства *Norden*, которая не претендует на исчерпывающий анализ, а скорее выступает приглашением к дальнейшему обсуждению и изучению заявленных проблем философской и идеологической базы “зеленой” политики и ее практической реализации, исследованию связи между природой и национальной и региональной идентичностью, а также сравнительному анализу экологических культур.

Важность изучения конкретных национальных экологических практик и традиций обусловлена и тем, что создание цельной и непротиворечивой теории или концепции развития представляет собой сложную задачу, и теоретические недостатки отчасти будут компенсироваться на стадии практической реализации, где будут применяться идеи и инструментарий самых разных концепций развития [10]. Несмотря на то, что устойчивое развитие критикуется за экологический технократизм и игнорирование морально-нравственной мотивации, важно помнить, что в различных обществах сложились разные экологические культуры, понимаемые как этические основания отношений общества и окружающей среды, и разный уровень укорененности экологической идентичности, поэтому выработка единой глобальной экологической культуры в рамках устойчивого развития или какой-либо другой концепции труднореализуема. Все многообразие эмоциональных переживаний, культурного и этического восприятия природы и экологии во множестве стран невозможно свести к единым глобальным постулатам. Даже на уровне стран ЕС, как в случае Италии и Германии, различаются как практики формирования экологической идентичности, так и состояние экологической культуры [11].

В этом отношении также важно поставить вопрос о том, может ли “зеленая” повестка способствовать консолидации всего общества, а не только людей, обеспокоенных экологической ситуацией, или она скорее становится “заложником” социальных, поколенческих и региональных различий, усугубляя уже существующие антагонизмы? Не способствует ли экологический алармизм появлению новых линий размежевания в обществе, разделяя его на “зеленых” и “незеленых” и консолидируя его наиболее радикальную экоориентированную часть против другой, более озабоченной иными проблемами? Изучение экологических практик как источника солидарности и доверия между различными поколениями и социальными слоями важно и потому, что экологические движения, начинавшиеся с объединения людей с похожими интересами, как, к примеру, “Пятницы ради будущего”, вырабатывают своеобразные представления о том, кто виноват в “сложившемся положении вещей”, а сами движения вызывают резкую поляризацию мнений от безусловной поддержки до категорического неприятия и при этом выдвигают радикальные бескомпромиссные требования, которые сложно удовлетворить [12]. Изучение практики *friluftsliv* и ее соотнесение с идеями глубинной экологии представляет особый

¹² Термины *Norden* и “северные”, буквально “нордические” страны (англ. *Nordic countries*, дат. *nordiske lande*, швед. *nordiska länder*, норв. *nordiske lande*) употребляются практически синонимично для обозначения единого культурного, социального и политического пространства пяти стран Северной Европы и их автономных территорий, а также тесно связанной с этим пространством системы северного сотрудничества, которая находит отражение, в первую очередь, в Северном совете и Совете министров северных стран. При этом использование понятия *Norden* вместо “Северной Европы” может служить и инструментом противопоставления рассматриваемых пяти стран остальным европейским государствам как “неевропейских, некатолических, антипапистских, антиимпериалистических, антиколониальных, неэксплуататорских, мирных и малых демократических государств с развитой системой социального обеспечения”. Подробнее см.: Marjanen J. Nordic Modernities. From Historical Region to Five Exceptions. *International Journal for History, Culture and Modernity*, 2015, vol. 3, no. 1, pp. 91-106; Østergaard U. Nordic Identity Between “Norden” and Europe. *European Peripheries In Interaction: The Nordic Countries And The Iberian Peninsula*. Beltrán L., Bäcksbäck F.J.M., Salo-Lee L., ed. Madrid, 2002, pp. 151-204; Mead W.R. Problems of Norden. *Geographical Journal*, 1985, vol. 151, no. 1, pp. 1-10. DOI: <https://doi.org/10.2307/633273>

интерес, так как она укоренена в национальной идентичности стран Северной Европы, сравнительно популярна среди жителей самых разных возрастных групп, распространена практически на всем пространстве *Norden* и является не радикальным движением, а традицией, частью североευропейского образа жизни, не выступая формой политического или иного активизма, но при этом способна порождать сильную чувственную связь между человеком и окружающей средой.

ПРАКТИКА *FRILUFTSLIV* КАК ЧАСТЬ ПРОСТРАНСТВА *NORDEN*

Если в антиутопии Олдоса Хаксли “О дивный новый мир” мировое правительство задавалось целью внушить населению генетическое отвращение к природе и ее неприятие, то можно сказать, что в странах Северной Европы происходит диаметрально противоположный процесс. Среди исследователей сложилось устойчивое представление о северных странах и в целом Северной Европе как регионе, обладающем экологической исключительностью. В регионе сильно влияние “зеленых” и лево-“зеленых” партий, которые привлекаются политическим мейнстримом для противодействия росту популярности правых популистов [13], северные страны занимают ведущие позиции в различных экологических рейтингах и обладают развитой системой экологического сотрудничества как на уровне пространства *Norden* через Северный совет и Совет министров северных стран, так и в рамках сети партнерств с развивающимися странами¹³.

В контексте такого неформального экологического лидерства Северной Европы рассматриваемая концепция *friluftsliv* как часть культуры северных стран в действительности коррелирует с ощущением связи с природой и важности ее сохранения среди населения. Анализ взаимосвязи между популярностью *friluftsliv* и психологическим ощущением близости к природе, проведенный на основе шведских национальных опросов, в частности, показал, что она проявляется четко среди всех возрастных групп за исключением наиболее молодой, то есть среди детей, что авторы исследования объясняли возможным влиянием урбанизации. Низкий уровень ощущения близости к природе также наблюдался на территориях с высокой плотностью населения [14].

Сам термин *friluftsliv* был впервые использован норвежским драматургом Г. Ибсеном в 1859 г., и является важной частью экологической идентичности и национального образа жизни в странах Северной Европы, хотя в настоящее время культурно-философские аспекты отдыха на открытом воздухе и близости с природой уступают место коммерциализации туризма и спорта. Кроме того, *friluftsliv* тесно связана с так называемым всенародным правом (дат. *allemandsretten*, норв. *allemannsretten*, швед. *allmännsrätten*), которое гарантирует гражданам доступ к природным благам и регулирует аспекты проявления *friluftsliv* на частной территории. К примеру, в Норвегии на дикой местности (норв. *utmark*) разрешено заниматься *friluftsliv* в полном объеме, в то время как на частной, фермерской территории (норв. *innmark*) действуют ограничения: на обработанные земли доступ возможен только зимой, когда земля заснежена, на необработанных фермерских землях разрешено собирательство, но запрещена охота и т.д. [15]

В работе “Зеленые волны. Контуры истории природы и *friluftsliv*” (дат. *De grønne bølger. Træk af natur- og friluftslivets historie*) исследователи Хеннинг Эйхберг и Эйгиль Эсперсен, главным образом на материале европейской истории, предложили разбить историю феномена *friluftsliv* и схожих практик в других европейских странах на три основных периода [16] (табл. 2).

¹³ Сигачев М., Бардин А., Хайнацкая Т. Зеленая политическая повестка в странах североευропейской модели. Российский совет по международным делам. 30.08.2022. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zelyenaya-politicheskaya-povestka-v-stranakh-severoeuropeyskoy-modeli/> (accessed 31.10.2022).

Таблица 2. “Зеленые волны” в классификации Х. Эйхберга и Э. Эсперсена

1770–1820 гг.	1870–1930 гг.	1970 гг. – настоящее время
Преодоление страха перед природой, которая перестает восприниматься как угроза. Походы в горы, леса, на берега рек и морей и т.д. начинают нести ценность сами по себе и становятся источниками удовольствия. Спортивные занятия переносятся из закрытых пространств на природу, в естественное окружение. К примеру, помимо манежной езды и конкура становится популярной верховая езда по пересеченной местности и природному ландшафту.	Появление концепции <i>friluftsliv</i> , молодежного движения скаутов в США, движения <i>The Woodcraft Folk</i> в Британии, немецкоязычных молодежных организаций “Вандерфогель” (нем. <i>Wandervogel</i> , “Перелетная птица”), датского социалистического молодежного спортивного объединения (дат. <i>De Unges Idræt, DUI</i>) и т.д. Расширение доступа к занятиям спортом для рядовых граждан, строительство спортивных сооружений и парковых комплексов в городах.	Политизация экологических вопросов. Популяризация, коммерциализация и институционализация практик <i>friluftsliv</i> , их включение в программы дошкольных учреждений и школ, использование <i>friluftsliv</i> как инструмента маркетинга образовательных курсов, продажи туристических продуктов и т.д.

Источник: составлено автором.

На современном этапе, особенно в период пандемии COVID-19 в 2020–2021 гг., среди датчан наблюдался повышенный интерес к отдыху на свежем воздухе и туристическим маршрутам, летние домики бронировались на несколько месяцев вперед, росли продажи прицепов для кемпинга и другого туристического оборудования. В целом, пандемия, сделав невозможными или затруднительными привычные формы досуга, оживила интерес датчан к отдыху на природе, особенно когда режим локдауна приводил к стрессу, чувству изолированности и отсутствию физических нагрузок. Но в то же время социологические исследования свидетельствовали о том, что общий уровень физической активности населения снизился, и гарантии, что повышенный интерес к природе сохранится и после пандемии, отсутствовали [17]. Аналогичный повышенный интерес к *friluftsliv*, в том числе со стороны иммигрантов разных поколений, наблюдался и в Швеции, где природа стала чуть ли не главным пространством для общения с друзьями и близкими, также наблюдался рост спроса на непопулярные туристические маршруты, но вместе с тем, по словам респондентов, возросла и конфликтность из-за притока новых любителей отдыха на свежем воздухе [18].

Кроме того, по мере роста индивидуализации и коммерциализации *friluftsliv* встал вопрос о том, насколько пагубно она сказывается на окружающей среде и климате, ведь, учитывая объем выбросов парниковых газов, которые выделяются при производстве необходимой туристической экипировки и поездках на природу, *friluftsliv*, по подсчетам норвежских экономистов, оказывается третьим наиболее вредным для климата видом деятельности после поездок в отпуск и визитов к друзьям и родственникам. Так, норвежцы ежегодно тратят на покупку спортивного и туристического снаряжения около 15 млрд норвежских крон¹⁴, в пять раз чаще пользуются авиаперелетами, чем в среднем по ЕС и часто предпочитают личный автотранспорт для поездок на природу¹⁵. Таким образом, саму северную практику *friluftsliv* еще предстоит продолжать “озеленять”.

Стоит отметить, что несмотря на укорененность *friluftsliv* в общественной жизни северных стран, к примеру, в Норвегии политические партии придают разное значение развитию и сохранению этого феномена: если Партия зеленых, Социалистическая левая партия, партия Венстре и Рабочая партия хотят закрепить “всенародное право” в Конституции Норвегии, то их коллеги из Христианской народной партии, Консервативной партии и Центристской партии говорят лишь в общих чертах о его укреплении и поддержке, а Партия прогресса, напротив, заявляет, что необходимо отдавать больший приоритет защите права частной собственности, и даже рассматривает возможность отмены статуса некоторых природоохранных зон. Различаются партии и в степени

¹⁴ Для сравнения, к примеру, совокупный экспорт трески и макрели из Норвегии в 2021 г. составил 15.7 млрд норвежских крон, то есть 12% всего экспорта морепродуктов из Норвегии. Подробнее см.: Budalen A., Lysvold S.S., Rørstad O.M., Forland G. Ny sjømatrekord: I fjor sendte Norge 15 milliarder fiskemåltider ut av landet. *NRK*, 05.01.2022. Available at: <https://www.nrk.no/nordland/norges-sjomatrad-slo-ny-rekord-norge-har-aldri-eksportert-mer-fisk-1.15795259> (accessed 15.01.2023).

¹⁵ Haukeland P.I. Friluftsliv er en av klimaverstingene. *Nettavisen*, 07.06.2019. Available at: <https://www.nettavisen.no/nyheter/friluftsliv-er-en-av-klimaverstingene/s/12-95-3423695105> (accessed 15.01.2023).

конкретизации предложений по продвижению *friluftsliv* в школах, бесплатной аренде туристского снаряжения и ограничения автомобильной езды на природе, на первом месте по этим критериям оказываются все те же Партия зеленых и Социалистическая левая партия¹⁶. Норвежское туристическое объединение (норв. *Den norske turistforening*) считает, что “всенародное право” необходимо как можно быстрее закрепить в Конституции Норвегии¹⁷. Ранее в июне 2020 г. Социалистическая левая партия, Рабочая партия, Консервативная партия, партия Красные, партия Венстре и Партия зеленых большинством в более 2/3 голосов проголосовали за предложение вынести на обсуждение вопрос о конституционном закреплении этого права, в нынешней легислатуре 2021–2025 гг. перед норвежским парламентом – Стортингом – стоит вопрос о конкретной формулировке, которая должна войти в Конституцию¹⁸. Необходимо, чтобы за нее проголосовало большинство в 2/3 голосов, но устраивающей всех словесной формулы пока не выработано.

В Норвегии всенародное право также упоминается в Законе о *friluftsliv* 1957 г., где говорится о том, что как собственник, так и другие граждане не могут строить ограждения, заборы и прочие сооружения, которые бы ограничивали возможности воспользоваться этим правом¹⁹. В шведской Конституции, точнее в Законе о форме правления 1974 г., который выступает одним из четырех основных законов Швеции (швед. *grundlagar*), в гл. 2 п. 15, где также закреплено право частной собственности и его защита, всенародное право закреплено в следующей формулировке: “Все имеют доступ к природе в соответствии с всенародным правом независимо от того, что описано выше”²⁰.

В Дании же принцип *allemandsretten* не закреплен законодательно, а скорее является традицией, которая применяется более ограниченно, чем в соседних северных странах. К примеру, в отличие от Норвегии и Швеции, без согласия владельца формально нельзя ставить палатку, ночевать, готовить еду и даже сходить со специально размеченных дорожек в лесах, являющихся частной собственностью²¹. В государственных лесах, которых в Дании насчитывается более 275, напротив, разрешена ночевка, но с ограничениями по времени и количеству человек.

Таким образом, в странах Северной Европы практическая реализация концепции *friluftsliv* и связанного с ней всенародного права имеет разную степень юридической оформленности. Тем не менее *friluftsliv*, будучи неотъемлемой частью экологической идентичности Северной Европы, может рассматриваться и как инструмент создания общественной солидарности по экологическим вопросам на основе эстетического чувства в формулировке А. Несса.

FRILUFTSLIV КАК ИСТОЧНИК СОЛИДАРНОСТИ

Несмотря на то, что экологический алармизм может объединять самых различных

¹⁶ DNTs partitest – hva mener partiene om friluftsliv? *Den norske turistforening*, 16.08.2017. Available at: <https://www.dnt.no/artikler/nyheter/10104-dnts-partitest-hva-mener-partiene-om-friluftsliv/> (accessed 15.01.2023).

¹⁷ Mener det haster å grunnlovsfeste allemannsretten. *Den norske turistforening*, 02.05.2022. Available at: <https://kommunikasjon.ntb.no/pressemelding/mener-det-haster-a-grunnlovsfeste-allemannsretten?publisherId=17847956&releaseId=17932250> (accessed 15.01.2023).

¹⁸ Amdam C. Flertall i Stortinget for å grunnlovsfeste allemannsretten: – Enormt viktig! *Norsk friluftsliv*, 19.06.2020. Available at: <https://norskfriluftsliv.no/flertall-i-stortinget-for-a-grunnlovsfeste-allemannsretten-enormt-viktig/> (accessed 15.01.2023).

¹⁹ Lov om friluftslivet (friluftsloven). *Lovdata*, 01.07.2021. Available at: <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/1957-06-28-16> (accessed 17.01.2023).

²⁰ Kungörelse (1974:152) om beslutad ny regeringsform. *Regeringskansliets rättsdatabaser*, 01.01.2023. Available at: <https://rkrattsbaser.gov.se/sfst?bet=1974:152> (accessed 17.01.2023).

²¹ В Дании в 2017 г. 82% лесной площади находилось в частном владении, в то время как в Швеции в 2018 г. на частную собственность физических лиц приходилось 48% лесных площадей, 24% принадлежало частным коммерческим предприятиям, 20% – государству, в том числе крупнейшему в стране государственному предприятию лесной промышленности Sveaskog (около 13%), оставшиеся 8% находились во владении местных властей и других собственников, к примеру, Церкви Швеции. Подробнее см.: Sperling A. Heldigvis behøver fri færdsel i naturen ikke gå på kompromis med den private ejendomsret. *Information*, 12.11.2017. Available at: <https://www.information.dk/debat/leder/2017/09/heldigvis-behoever-fri-faerdsel-naturen-gaa-paa-kompromis-private-ejendomsret> (accessed 17.01.2023).

актеров в борьбе против общих угроз, вопрос о соотношении консолидирующего и конфликтного потенциалов экологической повестки на уровне мирового сообщества, как и на уровне отдельных стран, остается острым, поскольку она способна вызвать политическую поляризацию и новые размежевания [19]. В этом свете изучение механизмов достижения компромисса в экологической политике и тех практик, которые способны повлиять на максимально широкое число людей, особенно когда Европейское зеленое движение проявляет все больший прагматизм, представляется особенно актуальным [20].

Кроме того, важно задуматься: возможно ли в условиях отсутствия кризисной ситуации стабильное поступательное развитие “зеленого” движения, не располагающего очевидными политическими преимуществами? Тем более проблематично поддерживать постоянно высокий уровень алармизма: граждане устают от одной и той же многократно транслируемой повестки, появляются другие острые проблемы. Поэтому необходимо обращать внимание на те практики, которые бы побуждали население включаться в “зеленую” повестку не из страха перед будущим, а на основе собственной национальной идентичности, тесно переплетенной с экологической. Экологическая идентичность не будет устойчивой, если она основана преимущественно на алармизме, ее необходимо укоренять и связывать с национальным контекстом. Если проводить аналогии, то глобальную экологическую идентичность, как и универсальность прав человека, трудно установить, ведь для их эффективной реализации необходимо, чтобы они опирались на национальный опыт и традиции каждой отдельной страны. Неслучайно, к примеру, Россия в рамках Совета ООН по правам человека добивалась принятия таких резолюций, как “Поощрение прав человека и основных свобод путем более глубокого понимания традиционных ценностей человечества” в 2009 г. и “О защите семьи” в 2014 г., которые получили поддержку как незападных стран – членов ООН, так и консервативных кругов на Западе [21]. Схожий подход может быть применен Россией и для реализации экологической повестки на глобальном уровне.

Важно отметить, что сам А. Несс подчеркивал, что экологическая идентичность в условиях кризиса, основанная либо на практической пользе, либо на моральном долге, чревата конфликтами, и выдвигал идею о том, что экологическая этика должна переходить в экологическую эстетику, люди должны заботиться о климате и окружающей среде, основываясь на чувстве красоты, привитой склонности к прекрасному: «Если необходимо заставить людей действовать определенным образом в определенной ситуации, главным является следующий вопрос: “Есть ли способы, с помощью которых им можно привить *склонность* действовать (энергично и неагрессивно) желаемым образом?” В мире немного благородных героев, и если людей побуждают вести себя определенным образом, исходя из *склонностей*, то формируется устойчивая привычка, в то время как моральный акт, по крайней мере в представлении Канта, обычно не создает привычек. Если формируется привычка, она ощущается естественной, возникает *склонность*. Вкратце, моральный акт перетекает в акт прекрасного» [22]. Если обратить внимание на те цели и ценности, которые продвигаются в стратегиях по развитию *friluftsliv* в Дании, Норвегии и Швеции как на уровне государства, так и в рамках гражданского общества, то можно заметить, что, с точки зрения идейного содержания, они во многом соответствуют направлению мысли норвежского философа (табл. 3), но практическое влияние этой концепции на позицию и степень сплоченности населения по тем или иным вопросам климатической и экологической повестки еще предстоит оценить.

В 2012 г. шведское правительство сформулировало 10 целей по развитию *friluftsliv*: 1) доступная природа для всех; 2) глубокое вовлечение и сотрудничество для *friluftsliv*; 3) всенародное право; 4) доступ к природе для практики *friluftsliv*; 5) привлекательная природа вблизи населенных пунктов; 6) устойчивый региональный рост и развитие сельской местности; 7) природоохранные зоны как ресурс для *friluftsliv*; 8) насыщенная *friluftsliv* в школе; 9) *friluftsliv* для улучшения общественного здоровья; 10) анализ, сбор статистики и просвещение населения о *friluftsliv*²².

²² Sveriges friluftslivsmål. Naturvårdsverket. Available at: <https://www.naturvardsverket.se/amnesomraden/friluftsliv/sveriges-friluftslivsmal> (accessed 17.01.2023).

В соседней Норвегии на национальном уровне в 2013 г. было поставлено четыре главных задачи в сфере *friluftsliv*: “1) все должны иметь возможность заниматься *friluftsliv*, которая направлена на укрепление здоровья, улучшение самочувствия и является благоприятной для окружающей среды либо вблизи места проживания, либо на природе; 2) районы, представляющие ценность для *friluftsliv*, подлежат охране и управлению при обеспечении сохранения природных особенностей местности; 3) всенародное право необходимо развивать и расширять; 4) планирование на уровне муниципалитетов, фюльке (провинций) и регионов должно способствовать продвижению активной *friluftsliv* и созданию экологически благоприятной окружающей среды, которая укрепляет здоровье и самочувствие”²³.

Наконец, в Дании впервые в 2015 г. были выдвинуты схожие по содержанию цели: “1) *friluftsliv* для всех; 2) мы должны учиться на природе и у природы; 3) *friluftsliv* создает вовлеченность и чувство принадлежности к сообществу; 4) *friluftsliv* укрепляет здоровье и повышает качество жизни; 5) *friluftsliv* способствует экономическому росту и обеспечивает рабочие места; 6) наши города должны быть привлекательными для занятий *friluftsliv*; 7) мы должны использовать природу как пространство для устранения социальной маргинализации и отчужденности; 8) неординарные решения создадут больше возможностей для занятий *friluftsliv*”²⁴.

Таким образом, главные цели подобных стратегий включают, с одной стороны, продвижение солидарности и устранение социальной маргинализации, а с другой – повышение экологической грамотности населения и осознанности образа жизни, в том числе, в рамках школьного образования. Важно отметить, что общие государственные планы также дополняются стратегиями зонтичных объединений, которые включают множество спортивных и туристических кружков и союзов, продвигающих самые различные формы *friluftsliv* от простых пеших прогулок и гимнастики на природе до охоты и альпинизма.

Таблица 3. Задачи национальных стратегий по развитию *friluftsliv* в странах Северной Европы

Страна	Стратегия	Ценностные приоритеты
Швеция	Стратегия развития <i>friluftsliv</i> в Швеции 2019–2025 гг.	<p>“Friluftsliv как общественный дискурс. Для формирования долгосрочных стратегий мы должны более глубоко понимать <i>friluftsliv</i>, туризм на природе и связь с природой как общественный феномен”</p> <p>«Всенародное право является важной частью понятия устойчивости. Использование природы, согласно девизу “не разрушай – не нарушай” является частью устойчивого природопользования и способствует пониманию природного и культурного общения через практический опыт взаимодействия с окружающей средой»</p> <p>“<i>Friluftsliv</i> является масштабным феноменом и, следовательно, охватывает большое число сфер общественной жизни. Развитие сельских территорий, управление лесными ресурсами, природоохранная деятельность и образовательная политика – только некоторые из них. Для общественного здоровья, а также культурной жизни и общественного планирования <i>friluftsliv</i> также имеет центральное значение”</p>

²³ *Nasjonal strategi for et aktivt friluftsliv. En satsing på friluftsliv i hverdagen; 2014–2020.* Oslo, Miljøverndepartementet, 2013. 24 s. Available at: <https://www.regjeringen.no/contentassets/4061fdb13c834bccaebed8b920f9e96b/t-1535.pdf> (accessed 17.01.2023).

²⁴ *Danmarks nationale friluftspolitik.* Miljøministeriet. Available at: <https://naturstyrelsen.dk/naturopolevelser/regler-i-naturen/danmarks-nationale-friluftspolitik/> (accessed 18.01.2023).

Норвегия	Национальная стратегия развития активной <i>friluftsliv</i> . Продвижение <i>friluftsliv</i> в повседневной жизни 2014–2020 гг.	Отличие <i>friluftsliv</i> от спорта и других форм физической активности заключается в том, что она осуществляется на природе или на озелененной местности, в ней, как правило, отсутствует соревновательный аспект, а основной мотивацией выступают эмоции от контакта с природой и приобретение опыта от общения с ней. ... Общение с природой в этом контексте означает понимание и личное ощущение истории ландшафта и природных объектов”
Дания	<i>Friluftsliv</i> для всех. Стратегия Совета по продвижению <i>friluftsliv</i> 2021–2024 гг.	“Природа должна быть богатой и разнообразной. Наша природная среда – это общая рамка для всех форм <i>friluftsliv</i> , и чем эта среда богаче, тем больше у нас возникает возможностей для активной деятельности, приобретения позитивного опыта и осознания того, как важно ее оберегать” Знания о многочисленных возможностях для занятий <i>friluftsliv</i> , которые имеются в Дании, должны быть общедоступны. Мы намерены содействовать активизации <i>friluftsliv</i> , привлечь большее число людей к занятиям, которые укрепляют здоровье, повышают качество жизни, расширяют понимание природы и способствуют продвижению инициатив по охране природы и устойчивому “развитию”

Источник: составлено автором по текстам национальных программ²⁵.

Практика *friluftsliv* может рассматриваться как инструмент создания экологического сознания и идентичности в Северной Европе и солидарности по вопросам экологии и климата на основе, в формулировке А. Несса, прививания населению склонности к прекрасному. Несмотря на это, праворадикальные партии и движения в регионе стремятся использовать эту концепцию для расширения круга сторонников и обретения легитимности в общественном сознании. В заключение представляется важным также описать подобную угрозу использования экологической риторики как прикрытия для достижения других политических целей.

“ЗЕЛЕНАЯ” РИТОРИКА ПРАВЫХ РАДИКАЛОВ В СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЕ

На крайне правом фланге политического спектра и внепарламентских движений в Северной Европе попытки рецепции “зеленой” повестки вызывают неоднозначные последствия. С одной стороны, праворадикальные СМИ в Швеции, к примеру, *Fria Tider*, *Samhällsnytt* и *Nya Tider*, активно отрицают изменение климата, говоря, главным образом, что оно либо вообще не происходит или не вызвано антропогенными причинами (прямое отрицание), либо приводит к положительным последствиям (интерпретационное отрицание) [23]. С другой стороны, по мере увеличения числа экстремальных погодных явлений и роста средней температуры продолжающееся отрицание климатических изменений может стать трудно осуществимым или контрпродуктивным, что вынуждает крайне правые силы переходить на позиции “зеленого” национализма или экофашизма.

К примеру, неонацистское Северное движение сопротивления (СДС) в манифесте “Наш путь: новая политика для нового времени”, опубликованном в 2016 г., прибегает к риторическому инструментарию экофашизма, увязывая деградацию окружающей среды с мультикультурализмом, массовой иммиграцией, теориями заговора глобальной сионистской элиты и т.д. [24] В репортаже датского журналиста Тома Карстенсена в феврале 2020 г. также упоминается попытка датского отделения Северного движения сопротивления провести экологическую акцию по сбору мусора на острове Фюн в рамках Общества охраны природы Дании (дат. *Danmarks Naturfredningsforening*), которое удалило анонс об этой акции под эгидой СДС со своего официального сайта, обосновав

²⁵ *Nasjonal strategi for et aktivt friluftsliv. En satsing på friluftsliv i hverdagen; 2014–2020*. Oslo, Miljøverndepartementet, 2013. 28 s. Available at: <https://www.regjeringen.no/contentassets/4061fdb13c834bccaebed8b920f9e96b/t-1535.pdf> (accessed 17.01.2023); *Strategi för svenskt friluftsliv 2019–2025*. Svenskt Friluftsliv. 2019. Available at: <https://svenskfriluftsliv.se/wp-content/uploads/2019/05/svenskt-friluftslivs-strategi-2019-2025.pdf> (accessed 17.01.2023); *Friluftsliv for alle. Friluftsrådets strategi 2021–2024*. Friluftsrådet. 2021. Available at: https://friluftsradet.dk/files/media/document/Friluftsliv%20for%20alle%20-%20Friluftsr%C3%A5dets%20strategi_2021-2024_SCREEN.pdf (accessed 17.01.2023).

это нежеланием способствовать популярности движения, сочтя его “нацистским”²⁶. Любопытно, что в интервью с Т. Карстенсеном члены СДС также говорили о малых локальных сообществах, независимо живущих за счет собственных ресурсов и “в гармонии с природой”, как об идеальном устройстве общества в едином государстве, объединяющем все страны Северной Европы²⁷. В мае 2018 г. члены датской ветви СДС в качестве акции протеста забросали мусором частный дом на тот момент министра по вопросам окружающей среды и продовольствия Якоба Эллеманна-Йенсена, а также дома нескольких муниципальных политиков и здания органов власти, хотя такие акции в последние годы скорее ассоциируются с радикальными “зелеными” движениями. В качестве обоснования подобных действий СДС опубликовало на официальной странице следующее сообщение: “Бесконечная эксплуатация мультикультурализмом и капитализмом природных ресурсов нарушает естественный порядок и будет беспощадно наказана, когда природа начнет ответную борьбу”²⁸.

Таким образом, идеи представителей глубинной экологии и практика *friluftsliv* могут использоваться самыми разными политическими силами, в том числе и на крайне правом фланге, для наращивания популярности. Вместе с тем такое обращение членов праворадикального движения к идее самодостаточных небольших коммун можно считать, с одной стороны, демонстрацией характерного для экологических движений стремления вернуться к некоему идеализированному гармоничному прошлому, то есть вектора на обратную модернизацию и возврата к природе [25], а с другой – еще одним проявлением архаики в политических стратегиях правых радикалов [26]. Подобная риторика также оказывается близка пессимизму Л. Клагеса, который в том числе обвинял богатую элиту в развязывании “беспримечной оргии опустошения” [2].

Увязка проблем экологии с угрозами иммиграции и образом “захватчиков-иностранцев” становится характерной и для крайне правых партий за пределами Северной Европы, таких как французское Национальное объединение, венгерское движение “Наша Родина”, а также многих других праворадикальных партий в Центральной и Восточной Европе, где помимо иммигрантов проживает и большое число цыган. Экологическая повестка помогает таким движениям и партиям набирать поддержку среди молодежного электората, обеспокоенного вопросами климата. Несмотря на общее неприятие наднациональных механизмов борьбы с климатическими изменениями, климатические программы крайне правых существенно разнятся от подчеркнутого отрицания факта климатических изменений в случае Альтернативы для Германии, стремления к климатическому прагматизму и защиты интересов населения с низкими доходами во время “зеленого перехода” у Австрийской партии свободы до признания “всеобщности” проблем окружающей среды и целого набора мер по укреплению системы общественного транспорта, повышению энергоэффективности и созданию стимулов для покупки гибридных автомобилей и электрокаров у итальянской Лиги²⁹.

В случае Северной Европы крайне правые партии пока отстают от коллег из других европейских стран в освоении экологической повестки. В Дании по итогам провальных для Датской народной партии (ДНП) выборов в Европейский парламент 2019 г. Пия Кьерсгор, основательница партии, объясняя неудачный результат, сказала, что партия потеряла голоса из-за “людей, помешанных исключительно на изменении климата”, “климатических фанатиков” (дат. *klimatosse*), чем еще больше настроила общественное мнение против себя и своей партии³⁰. Последовавшие за

²⁶ Carstensen T. Nordfronten. Episode. 1:2 “1 harmoni med naturen”. *Danmarks Radio*, 26.02.2020. Available at: <https://www.dr.dk/lyd/p1/nordfronten/nordfronten-1-2-i-harmoni-med-naturen> (accessed 07.01.2023).

²⁷ Ibid.

²⁸ Nationalsocialister fylder ministers indkørsel med skrald. *Danmarks Radio*, 28.05.2018. Available at: <https://www.dr.dk/nyheder/politik/nationalsocialister-fylder-ministers-indkørsel-med-skrald> (accessed 07.01.2023).

²⁹ Ruser A., Machin A. Nationalizing the Climate: Is the European Far Right Turning Green? *Green European Journal*, 27.09.2019. Available at: <https://www.greeneuropeanjournal.eu/nationalizing-the-climate-is-the-european-far-right-turning-green/> (accessed 09.10.2022).

³⁰ Lynard E.M., Pedersen M.S. Pia Kjærsgaard langede ud efter “klimatosserne” – bliver nu hånet på sociale medier. *TV2*, 27.05.2019. Available at: <https://nyheder.tv2.dk/politik/2019-05-27-pia-kjaersgaard-langede-ud-efter-klimatosserne-bliver-nu-haanel-paa-sociale> (accessed 26.10.2022).

этим парламентские выборы в июне 2019 г., на которых ДНП получила лишь 8.7% голосов (по сравнению с триумфальными 21.1% в 2015 г.), СМИ вслед за премьер-министром Метте Фредериксен окрестили первыми “климатическими выборами” в истории Дании³¹. По данным шведского объединения защиты природы (швед. *Naturskyddsföreningen*), Шведские демократы в 2018–2022 гг., в целом, практически не выступали с экологическими и климатическими предложениями и в большинстве вопросов либо добивались смягчения экологического законодательства, снижения бюджетов для экологических инициатив, либо просто вели себя пассивно. Кроме того, партия считает, что практическое исполнение положений Орхусской конвенции 1998 г.³² в Швеции заходит слишком далеко, и предлагает ограничить право организаций, занимающихся защитой окружающей среды, обращаться в суды по вопросам природо- и лесопользования³³. Шведские демократы также остаются единственной партией Риксдага, которая не поддерживает достижение климатической нейтральности к 2045 г., считая, что этой цели трудно достичь при сохранении устойчивого социально-экономического развития, и что Швеции скорее нужно оказывать влияние на другие страны, в первую очередь Китай, Индию и США, чтобы они снижали эмиссии парниковых газов³⁴.

Любопытно, что на этом фоне финская “Зеленая лига” проявляет известную степень прагматизма по сравнению со шведскими коллегами из Партии зеленых и оказывается, парадоксальным образом, близка позиции Шведских демократов. Так, “Зеленая лига” стала первой “зеленой” партией в ЕС, которая в мае 2022 г. по итогам ежегодного собрания внесла в программу пункт о том, что ядерная энергетика выступает устойчивым источником энергии, и выдвинула требования о реформе энергетического законодательства с целью ускорить процесс одобрения малых модульных реакторов. Примечательно, что и финская ветвь молодежного движения “Пятницы ради будущего” в декабре 2021 г. отмежевалась от более радикальных заявлений Греты Тунберг и других активистов о недопустимости включения ядерной энергетике в “зеленую” таксономию ЕС³⁵.

При этом то же самое обращение к природе вместо усиления ксенофобии может использоваться и для сближения иммигрантов и коренного населения. К примеру, в Швеции широкое распространение получили методы интеграции иммигрантов, основанные на сближении с природой, которые могут включать как трудоустройство иммигрантов в сфере сельского хозяйства, участие в озеленении городских территорий, так и различные виды отдыха на природе и другие мероприятия, к примеру, проведение уроков шведского языка на пленэре. Особая связь с природой и идея доступности ее ресурсов (ягод, грибов, рыбы и т.д.) для всех независимо от социального положения при таком способе интеграции подается как важная и ценная часть шведского национального характера и образа жизни, а естественная среда – как место встречи различных культур и обмена экологическими знаниями. В этом отношении подобные инициативы актуальны не только для иммигрантов, но и для той части шведского населения, которая чувствует, что теряет связь с природой из-за урбанизации. Однако даже при таком методе интеграции от иммигрантов требуется ассимиляция, то есть принятие уже сложившихся традиционных отношений между шведами и окружающей средой. Речь, таким образом, не идет о попытке создать новое коллективное компромиссное восприятие природы и природопользования. В этом аспекте такие практики могут перекликаться с действиями и риторикой

³¹ Kallestrup C., Eller E. Forskerne har talt: Ja, det blev et klimavalg. *Danmarks Radio*, 12.06.2019. Available at: <https://www.dr.dk/nyheder/politik/folketingsvalg/forskerne-har-talt-ja-det-blev-et-klimavalg> (accessed 26.10.2022).

³² Орхусская конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды, была принята 25 июня 1998 г. на 4-й Конференции министров окружающей среды европейских стран в Орхусе (Дания) и вступила в силу 30 октября 2001 г.

³³ Vi granskar partiernas miljöpolitik: Sverigedemokraterna. *Naturskyddsföreningen*, 30.08.2022. Available at: <https://www.naturskyddsforeningen.se/artiklar/granskning-sverigedemokraternas-miljopolitik/> (accessed 26.10.2022).

³⁴ SD: Därför står vi inte bakom det svenska klimatmålet. *Omni*, 23.06.2022. Available at: <https://omni.se/sd-darfor-star-vi-inte-bakom-det-svenska-klimatmalet/a/z7qaG5> (accessed 27.10.2022).

³⁵ Lynas M. *Finland's Green Party Endorses Nuclear Power*. Alliance for Science. 23.05.2022. Available at: <https://alliancefor-science.cornell.edu/blog/2022/05/finland-green-party-nuclear/> (accessed 20.06.2022).

североевропейских праворадикальных партий и движений, а конфликт между большинством населения и иммигрантами может “распространиться с городских улиц и на леса” [27].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ПОТЕНЦИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР И ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

Настоящая статья – попытка дать представление об одной из философских и ценностных составляющих экологической идентичности Северной Европы, которая традиционно воспринимается в качестве одного из наиболее успешных регионов в вопросах борьбы с изменением климата, применения альтернативной энергетики и реализации Целей устойчивого развития. Безусловно, исследование этого аспекта обществ стран Северной Европы необходимо в дальнейшем дополнить анализом того, как принципы *friluftsliv* внедряются в систему образования северных стран и как они влияют на экологические привычки и поведение населения в соотношении с уровнем дохода, местом проживания, наличием местных “зеленых” движений и других факторов, того, насколько *friluftsliv* популярна среди различных возрастных и этнических групп и того, насколько эта концепция в действительности влияет на позицию граждан по вопросам климатической политики, развития экотуризма, охраны лесов, сохранения флоры и фауны и прочим пунктам экологической повестки. Анализ схожих культурных феноменов, направленных на формирование тесной эмоциональной связи между человеком и окружающей средой на основе эмпирического материала других стран и регионов, мог бы обогатить ведущую научную дискуссию о дискурсах и моделях развития, европейских и неевропейских “зеленых” движениях и радикальном экоактивизме.

Эстетические и этические аспекты экологической политики и сознания населения зачастую отходят на второй план по сравнению с изучением “зеленых” партий, их политических перспектив, климатических и социально-экономических программ. Представляется, что дальнейшее изучение регионоведцами и учеными-международниками национальных и региональных практик взаимодействия человека и природы, экологического измерения систем этики и национальных традиций представляет значительный интерес, так как позволяет более глубоко понять параметры экологической идентичности и ее связь с национальной культурой. В этом отношении особенно заслуживают изучения неевропейские и незападные системы ценностей, к примеру, африканские этические учения убунту и укама, и их применимость к вопросам экологии³⁶, концепция *buen vivir* в странах Латинской Америки, экологическая перспектива даосийских и конфуцианских категорий “да тун” и “чжэн мин”³⁷, экологическая составляющая идеологии индусского национализма³⁸, экологическая этика в исламе и т.д. Изучение подобного национального опыта могло бы дополнить и обогатить концепцию ответственного развития, которая разрабатывается научной школой ИМЭМО РАН и опирается в том числе на морально-нравственные и социокультурные аспекты [10].

При этом помимо изучения традиционных систем ценностей и их связи с экологией необходимо рассматривать, как они воплощаются на практике в системе образования, повседневной жизни, государственной политике и деятельности компаний, как они могут быть встроены в глобальную экологическую повестку, продвигаемую под эгидой ООН. Представляется, что такая исследовательская повестка могла бы существенно обогатить изучение “зеленых” партий и движений, дать более полную картину восприятия экологических проблем в разных регионах мира, реакций на них гражданского общества и возможных методов разрешения экологических проблем и конфликтов, не отменяя при

³⁶ Подробнее см.: Chibvongodze T.D. Ubuntu is Not Only About the Human! An Analysis of the Role of African Philosophy and Ethics in Environment Management. *Journal of Human Ecology*, 2016, vol. 53, no. 2, pp. 157-166. DOI: 10.1080/09709274.2016.11906968; Grange L.L. Ubuntu, Ukama and the Healing of Nature, Self and Society. *Educational Philosophy and Theory*, 2012, vol. 44, no. 2 (sup.), pp. 157-166. DOI: 10.1111/j.1469-5812.2011.00795.x

³⁷ Подробнее см.: Christensen E.J. Building an Environmental Ethics from the Confucian Concepts of Zhengming and Datong. *Asian Philosophy*, 2014, vol. 24, no. 3, pp. 279-293. DOI: 10.1080/09552367.2014.960297

³⁸ Подробнее см.: Ravi Kumar V.M. *Ecological Nationalism in India: A Study On Pandit Deendayal Upadhyaya*. Lucknow, Book Rivers, 2021. 172 p.

этом важности поиска общих теоретических закономерностей экологической политики в условиях глобализации. Как риторически восклицал Л. Клагес: “Куда делись народные праздники и священные обряды, этот не иссякавший тысячелетиями кладезь мифов и поэзии: обход полей, чтобы посева дали урожай, свадебное шествие в Троицын день, бег с факелами по пашням? Где пестрое богатство народных костюмов, в которых каждый народ выражал свою сущность, приспособлявая ее к образу ландшафта?” [2, с. 51]

Итак, изучение экологических культур и идентичностей можно объединить в рамках уже существующего направления исследований, получившего название этноэкология, воспользовавшись накопленными достижениями ученых, работающих в этом русле. Кроме того, учитывая растущий интерес к изучению различных аспектов этничности в российском исследовательском сообществе, в частности, благодаря работам А.И. Тэвдоя-Бурмули и П.В. Осколкова, исследования на стыке этноэкологии и этнополитики могли бы представлять существенный интерес. К примеру, недостаточно изученными остаются попытки “зеленых” партий и движений продвигать образ “зеленой нации”, “нации для природы”, а также стремление правой части политического спектра следовать идее “природы для нации”, экологическая риторика правых популистов, экологическая составляющая аграрного популизма и прочие экологические аспекты этничности. Экологические лозунги и инициативы постепенно перестают быть монополией “зеленых” партий и движений, а начинают использоваться представителями всего политического спектра для достижения самых различных целей, что заслуживает пристального внимания исследователей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Vollgraff M. Postscript. Intersecting Lines: Sergei Eisenstein Writes to Ludwig Klages. *Critical Quarterly*, 2017, vol. 59, no. 1, pp. 113-122. DOI: 10.1111/criq.12325
2. Клагес Л. *Человек и Земля. Сборник статей*. Москва, Тотенбург, 2020. 238 с. [Klages L. *Man and Earth. Collected Articles*. Moscow, Totenburg, 2020. 238 p. (In Russ.)]
3. Ravndal J.A. From Bombs to Books, and Back Again? Mapping Strategies of Right-Wing Revolutionary Resistance. *Studies in Conflict & Terrorism*, April 2021, pp. 1-29. DOI: 10.1080/1057610X.2021.1907897
4. Клагес Л. *Космогония Эроса*. Москва, Тотенбург, 2018. 244 с. [Klages L. *Of Cosmogonic Eros*. Moscow, Totenburg, 2018. 244 p. (In Russ.)]
5. Ylander L. Dybdeøkologi og kosmisk livserotik – Introduktion til Ludwig Klages’ “Menneske og jord”. *Slagmark – Tidsskrift for idehistorie*, 2014, vol. 70, ss. 17-26. [Ylander L. Deep Ecology and Cosmic Life Rhetoric – Introduction to Ludwig Klages’s “Man and Earth”. *Battlefield – Journal for History of Ideas*, 2014, vol. 70, pp. 17-26. (In Dan.)] DOI: 10.7146/sl.v0i70.104410
6. Зубов М.Г. Философские идеи Арне Несса в гуманитарной дипломатии Норвегии. *Вестник МГИМО-Университета*, 2015, № 3 (42), сс. 68-75. [Zubov M.G. Philosophical Ideas of Arne Næss in the Humanitarian Diplomacy of Norway. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2015, no. 3 (42), pp. 68-75. (In Russ.)] DOI: 10.24833/2071-8160-2015-3-42-68-75
7. Støvring K. Kulturkritik på økologisk grundlag – Villy Sørensens naturbegreb. *Slagmark. Tidsskrift for idehistorie*, 2010, vol. 59, ss. 145-163. [Støvring K. Cultural Critique from Ecological Perspective – Villy Sørensen’s Notion of Nature. *Battlefield – Journal for History of Ideas*, 2010, vol. 59, pp. 145-163. (In Dan.)] DOI: 10.7146/sl.v0i59.104718
8. Бардин А.Л., Сигачёв М.И. Зеленый дискурс как разновидность нового левого популизма. *Мировая экономика и международные отношения*, 2020, т. 64, № 11, сс. 96-105. [Bardin A. L., Sigachev M. I. The Green Discourse as a Type of New Left Populism. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020, vol. 64, no. 11, pp. 96-105. (In Russ.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-11-96-105
9. Ровинская Т.Л. История “зеленого движения” в США: опора на гражданское общество. *Мировая экономика и международные отношения*, 2017, т. 61, № 11, сс. 43-56. [Rovinskaya T.L. Development of the U.S. Green Movement: Reliance on Civil Society. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2017, vol. 61, no. 11, pp. 43-56. (In Russ.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-11-43-56
10. Бардин А.Л., Сигачёв М.И. Дискурсы развития: социально-гуманитарный аспект. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2019, № 4, сс. 24-41. [Bardin A.L., Sigachev M.I. Discourses of Development: Social and Humanitarian Aspects. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 2019, no. 4, pp. 24-41. (In Russ.)] Available at: <https://www.afjournal.ru/files/File/2019-4/Bardin.pdf> (accessed 17.01.2023). DOI: 10.20542/afij-2019-4-24-41
11. Хайнацкая Т.И. Формирование экологической идентичности в Германии и Италии: акторы и практики. *Современная Европа*, 2021, № 6, сс. 201-210. [Khaynatskaya T.I. The Shaping of Environmental Identity in Germany and Italy: Actors and Practices. *Contemporary Europe*, 2021, no. 6, pp. 201-210. (In Russ.)] DOI: 10.15211/soveurope62021201210

12. Короткова А.В. Экодвижение “Пятницы ради будущего”: первые итоги. *Мировая экономика и международные отношения*, 2020, т. 64, № 4, сс. 119-131. [Korotkova A.V. Eco-Movement “Fridays for Future”: the First Results. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020, vol. 64, no. 4, pp. 119-131. (In Russ.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-4-119-131
13. Довгиленко Г.А. Зеленое движение в странах Северной Европы: тенденции и перспективы. *Проблемы национальной стратегии*, 2020, № 3 (60), сс. 93-107. [Dovgilenko G.A. The Green Movement in Northern European Countries: Tendencies and Prospects. *Problemy natsional'noi strategii*, 2020, no. 3 (60), pp. 93-107. (In Russ.)]
14. Beery T.H. Nordic in Nature: Friluftsliv and Environmental Connectedness. *Environmental Education Research*, 2013, vol. 19, no. 1, pp. 94-117. DOI: 10.1080/13504622.2012.688799
15. Лашенко П.В. *Проблемы современного скандинавского общества в условиях развитых социальных государств*. Дисс. канд. фил. наук. Мурманск, 2015. 198 с. [Lashenko P.V. *The Problems of Contemporary Scandinavian Society as Developed Welfare States*. Cand. Diss. (Phil.) Murmansk, 2015. 198 p. (In Russ.)]
16. Eichberg H., Jespersen E. *De grønne bølger. Træk af natur- og friluftslivets historie*. Danske gymnastik- og idrætsforeninger, 2001. 482 s. [Eichberg H., Jespersen E. *The Green Waves. Track of Nature- og Friluftslivets History*. Danish Gymnastics and Sports Unions, 2001. 482 s. (In Dan.)]
17. Andkjær S. Danskernes friluftsliv: Bølger og skævheder i udviklingen set i et sundhedsmæssigt perspektiv. *Refleksioner fra en pandemi – En essaysamling om bymiljø, bygninger og livskvalitet i lyset af COVID-19*. Aabo C., ed. København, RealDania, 2022, ss. 143-150. [Andkjær S. The Danes' Friluftsliv: Waves and Flaws in Development Seen from a Healthcare Perspective. *Reflections from a Pandemic – A Collection of Essays on City Environments, Buildings and Life Quality in the Light of Covid-19*. Aabo C., ed. Copenhagen, RealDania, 2022, pp.143-150. (In Dan.)]
18. Hansen A.S., Fredman P., Wolf-Watz D., Beery T. Effekter på friluftslivet från covid-19 pandemin – erfarenheter från Sverige. *Forskning i friluft 2021. Friluftsliv og høstingstradisjoner i 150 år*, 16.09.2022, ss. 75-80. [Hansen A. Effects on the Friluftsliv from the Covid-19 Pandemic – Experiences from Sweden. *Research I Friluft. Friluftsliv and Harvest Traditions in 150 Years*, 16.09.2022, pp. 75-80. (In Swed.)] Available at: <https://norskfriluftsliv.no/forskning-i-friluft-2021-friluftsliv-og-hostingstradisjoner-i-150-ar/> (accessed 17.01.2023).
19. Хайнацкая Т.И. Экологический алармизм как политический дискурс. *Южно-Российский журнал социальных наук*, 2021, т. 22, № 2, сс. 53-73. [Khaynatskaya T.I. Environmental Alarmism as a Political Discourse. *Yuzhno-Rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk*, 2021, vol. 22, no. 2, pp. 53-73. (In Russ.)] DOI: 10.31429/26190567-22-2-53-73
20. Ровинская Т.Л. Европейское зеленое движение в условиях кризиса: новые подходы. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2021, № 4, сс. 24-33. [Rovinskaya T.L. The European Green Movement in Times of Crisis: New Approaches. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 2021, no. 4, pp. 24-33. (In Russ.)] Available at: <https://www.afjournal.ru/files/File/2021-4/ROVINSKAYA.pdf> (accessed 17.01.2023). DOI: 10.20542/afij-2021-4-24-33
21. Stoeckl K., Medvedeva K. Double Bind at the UN: Western Actors, Russia, and the Traditionalist Agenda. *Global Constitutionalism*, 2018, vol. 7, no. 3, pp. 383-421. DOI: 10.1017/S2045381718000163
22. Næss A. Beautiful Action. Its Function in the Ecological Crisis. *Environmental Values*, 1993, vol. 2, no. 1, pp. 67-71.
23. Vowles K., Hultman M. Scare-Quoting Climate. The Rapid Rise of Climate Denial in the Swedish Far-Right Media Ecosystem. *Nordic Journal of Media Studies*, 2021, vol. 3, no. 1, pp. 79-95. DOI: 10.2478/njms-2021-0005
24. Szenes E. Neo-Nazi Environmentalism: The Linguistic Construction of Ecofascism in a Nordic Resistance Movement Manifesto. *Journal for Deradicalization*, 2021, no. 27, pp. 146-192.
25. Надич Д. Европейский взгляд на Vida Verde. *Vida Verde: обратная модернизация как новый вектор инклюзивного роста*. Русакова Т.Ю., ред. Москва, Научный эксперт, 2020, сс. 25-36. [Nadich D. The European Perspective on Vida Verde. *Vida Verde: Reverse Modernization as the New Vector of Inclusive Growth*. Rusakova T.Y., eds. Moscow, Science Expert, 2020, pp. 25-36. (In Russ.)]
26. Харкевич М.С., Музалевский В.А., Осколков П.В. Архаика и современный правый популизм в Европе. *Современная Европа*, 2018, № 1, сс. 59-68. [Kharkevich M.S., Muzalevskiy V.A., Oskolkov P.V. Archaism and the Contemporary Right-Wing Populism in Europe. *Contemporary Europe*, 2018, no. 1, pp. 59-68. (In Russ.)] DOI: 10.15211/soveurope120185968
27. Singleton B.E. Go To the Forest! Exploring the Orderings of Swedish Nature-Based Integration. *Environment And Planning E: Nature and Space*, 2021, vol. 4, iss. 4, pp. 1560-1582. DOI: 10.1177/2514848620962420

ПРОБЛЕМА ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ БРЕКЗИТА (МАРТ 2017–2022 ГГ.)

© АНДРЕЕВА Т.Н., 2023

АНДРЕЕВА Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора политических проблем европейской интеграции отдела европейских политических исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (andreeva@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-4160-8472

Андреева Т.Н. Проблема энергетической безопасности Великобритании во время и после Брекзита (март 2017–2022 гг.). *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2023, № 1, сс. 45-57. DOI: 10.20542/afij-2023-1-45-57

DOI: 10.20542/afij-2023-1-45-57

EDN: VITWHN

УДК: 338.23(410)

Поступила в редакцию 09.01.2023.

После доработки 09.03.2023.

Принята к публикации 22.05.2023.

Автор исследует проблему обеспечения энергетической безопасности Соединенного Королевства во время его выхода из Европейского союза (Брекзит) (28 марта 2017 г. – 31 декабря 2020 г.) и после него (до 2022 г.). Проблема рассматривается в эволюции: от консервативных правительств Терезы Мэй (июль 2016 – июль 2019 гг.) через деятельность кабинетов Бориса Джонсона (июль 2019 – сентябрь 2022 гг.) и до решений в этой области кабинета Лиз Трасс (сентябрь – октябрь 2022 г.) и действующего правительства Риши Сунака (с 25 октября 2022 г.).

Прослеживается мысль, что в исследуемый в статье период диверсификация британского энергетического сектора в сторону приоритетного использования дешевых низкоуглеродных технологий производства электроэнергии – атомной энергетики и генерации на возобновляемых источниках энергии (ВИЭ) – явилась ключом к решению сразу нескольких проблем. Быстрое развитие ВИЭ-генерации (особенно строительство шельфовых ветровых и солнечных электростанций) помогало снизить зависимость страны от импорта углеводородов из нестабильных регионов мира и из ЕС и в этой связи рассматривалось кабинетом Т. Мэй как способ укрепления британских позиций на переговорах о выходе из Евросоюза. Успешное развитие возобновляемой энергетики решало проблему ускоренного сокращения выбросов парниковых газов (в рамках международных усилий по сдерживанию глобального изменения климата) одновременно с быстрым экономическим ростом страны, а также позволило Британии первой в мире взять курс на полную декарбонизацию британской экономики к 2050 г. Делается вывод, что сокращение выбросов парниковых газов и обеспечение самодостаточности британской энергосистемы остаются центральными для энергетической безопасности страны после Брекзита.

Ключевые слова: Великобритания, энергетическая безопасность, Европейский союз, Брекзит, низкоуглеродная генерация, возобновляемая энергетика, климатические изменения.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов финансового и нефинансового характера.

**THE PROBLEM OF THE UK ENERGY SECURITY
DURING AND AFTER BREXIT (MARCH 2017–2022)**

Received 09.01.2023. Revised 09.03.2023. Accepted 22.05.2023.

Tatiana N. ANDREEVA (andreeva@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-4160-8472,
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian
Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

The article is devoted to the problem of the ensuring the UK energy security during the UK exit from the European Union (Brexit) (March 28, 2017 – December 31, 2020) and after it (till 2022). The problem is considered in its evolution: from the cabinets of Theresa May (July 2016 – July 2019), via the activity of the Boris Johnson's cabinets (July 2019 – September 2022), and up to the steps made by Liz Truss's cabinet (September – October 2022) and by the current cabinet of Rishi Sunak (from October 25, 2022 till now) to strengthen the UK energy security.

The article shows that the diversification of the British energy sector into the direction of growing use of low-cost, low-carbon electricity generation (on the nuclear power and the renewable energy sources) was a key for solving simultaneously several problems during and after Brexit. The quick development of the electricity generation by the renewable energy sources (especially by the construction of offshore wind and solar farms) helped to reduce the dependence of British economy on the fossil fuel supply from unstable countries of the world and from the EU and in this regard was considered by T. May's cabinet as a mean to strengthen the UK's position in Brexit negotiation with the EU.

The successful development of electricity generation from renewable energy sources also facilitated the reduction of greenhouse gases emission (as a part of international efforts to mitigate global climate change) along with the UK economic growth and let the UK, as the first country in the world, set course for decarbonization of British economy by 2050. The author comes to the conclusion that the problems of reducing greenhouse gases emission and of reaching self-sufficiency by the British energy system have remained the main ones in ensuring the UK energy security after Brexit.

Keywords: United Kingdom, energy security, European Union, Brexit, low-carbon electricity generation, renewable energy, climate changes.

About the author: Tatiana N. ANDREEVA, Cand. Sci. (Hist.), Senior Researcher, Sector for European Integration Political Aspects, Department for European Political Studies.

Competing interests: no potential competing financial or non-financial interest was reported by the author.

ВВЕДЕНИЕ

Необходимость параллельного решения двух проблем в сфере обеспечения энергетической безопасности Великобритании – сокращения выбросов парниковых газов (ПГ включая CO₂) в атмосферу Земли как важной части международных усилий по сдерживанию климатических изменений и снижения зависимости страны от импорта углеводородов из нестабильных регионов планеты – заставили британцев в конце XX – начале XXI вв. запустить трансформацию энергобаланса страны в сторону преимущественного использования газа и быстрого развития низкоуглеродных технологий генерации электроэнергии – атомной энергетики и генерации на ВИЭ [1]. Энергопереход британской экономики на низкоуглеродные источники энергии на момент проведения в июне 2016 г. общегосударственного референдума о выходе Великобритании из состава Европейского союза (о так называемом Брекзите) был в разгаре. А газовые ТЭС, становившиеся ядром энергосистемы страны по мере закрытия или перевода угольных ТЭС на газ, способствовали его успеху. В таких условиях первостепенным фактором обеспечения энергобезопасности при отсутствии достаточного количества собственного газа в Северном море стал бесперебойный импорт газа (в том числе и из ЕС).

ГЕНЕРАЦИЯ НА НИЗКОУГЛЕРОДНЫХ ИСТОЧНИКАХ ЭНЕРГИИ В ПЕРИОД БРЕКЗИТА

В связи с победой в июне 2016 г. на общегосударственном референдуме курса на Брекзит и его началом в марте 2017 г. консервативному кабинету Терезы Мэй предстояло обратиться к проблеме обеспечения энергобезопасности страны уже с позиции защиты британских интересов как независимого в ближайшем будущем от законодательства и решений ЕС государства. В ряду разнообразных вопросов, связанных с выходом, было необходимо в том числе пересмотреть условия торговли энергией и энергоносителями между Великобританией и ЕС. Приходилось договариваться об использовании после Брекзита европейских резервных мощностей для обеспечения бесперебойного снабжения британских потребителей газом и электричеством при возникновении чрезвычайных ситуаций и возможного энергетического кризиса.

Для укрепления своих позиций на переговорах о выходе Британия попыталась снизить углеводородную зависимость от стран ЕС. Так, в поисках альтернативного надежного, бесперебойного и относительно дешевого источника газа в апреле 2017 г. кабинет Т. Мэй разрешил разработку сланцевого газа в северной, центральной и юго-восточной Англии [2]. Дешевый британский сланцевый газ рассматривался как наиболее экономически выгодный источник энергии, обеспечивающий в период и после Брекзита одновременно реализацию планов снижения выбросов парниковых газов и стабильность цен на электроэнергию на внутреннем рынке. Разработка такого вида газа также помогала Британии следовать американскому курсу на избавление от газовой зависимости от России и тем самым укрепить слабеющие из-за Брекзита «особые отношения» с США. Главный известный в этот период недостаток сланцевого газа заключался в продолжительных сроках организации его коммерческой добычи – шесть и более лет.

Первые позитивные результаты энергоперехода и диверсификации производства электроэнергии, появившиеся в начале Брекзита, позволили британскому правительству взглянуть на низкоуглеродные источники энергии (энергию атома и ВИЭ) как на еще один перспективный способ обеспечения независимости страны от импортных углеводородов и энергии. Следуя курсом на отказ от угля¹ в целях сокращения выбросов ПГ, 7 июня 2017 г. национальный энергетический сектор впервые в своей истории выработал больше электричества на ВИЭ и на атомной энергии, чем на газе и угле вместе взятых². В течение второго квартала 2017 г. на ВИЭ была произведена уже почти 1/3 (29.8%) электричества от всего объема электроэнергии страны³. Эти успехи оказались возможны благодаря значительному снижению стоимости технологий строительства электростанций на ВИЭ (впервые стали дешевле строительства новых АЭС), а также снижению цен на электроэнергию, выработанную из возобновляемых источников. Обязательства по сокращению выбросов ПГ от уровня 1990 г. на 80% к 2050 г. также способствовали ускоренному развитию генерации на ВИЭ. Стремление к сохранению конкурентоспособности страны на рынке квот на выбросы ПГ подтолкнуло британское правительство выделить 900 млн ф. ст. на развитие генерации на ВИЭ и атомную энергетику⁴.

За счет прежде всего диверсификации энергетического сектора с 1990 по 2016 г. Великобритания сократила выбросы на 42% (быстрее других стран Группы семи), тогда как

¹ 21 апреля 2017 г. впервые со времен промышленной революции уголь не использовался на британских ТЭС целый день. Это событие оценивалось в Великобритании как поворотный момент в программе поэтапного отказа от использования угля к 2025 г.

² Johnston I. Solar, Wind and Nuclear Power Each Provide More Electricity Than Gas and Coal Combined for First Time. *The Independent*, 08.06.2017. Available at: <https://www.independent.co.uk/climate-change/news/nuclear-power-solar-wind-provide-more-electricity-gas-coal-combined-first-time-renewable-energy-green-a7778541.html> (accessed 03.08.2022).

³ Johnston I. Renewable Energy Sets New Record by Producing Nearly a Third of UK Electricity. *The Independent*, 28.09.2017. Available at: <http://www.independent.co.uk/news/business/news/renewable-energy-electricity-new-record-uk-wind-solar-a7972266.html> (accessed 03.08.2022).

⁴ Musaddique S. UK Government Pledges £2.5 bn to Tackle Climate Change. *The Independent*, 12.10.2017. Available at: <http://www.independent.co.uk/news/business/news/uk-government-climate-change-pledge-billions-glibal-warming-renewable-energy-emissions-targets-a7997301.html> (accessed 03.08.2022).

британская экономика выросла на 2/3 – на 67%⁵. Ориентируясь на такие успехи, кабинет Т. Мэй в документе “Стратегия чистого роста” (октябрь 2017 г.) поставил задачу провести диверсификацию национальной промышленности в целях сокращения выбросов ПГ при сохранении дальнейшего экономического роста страны. Движение в сторону “чистого” экономического роста и низкоуглеродной “зеленой” экономики должно было стать важным элементом промышленной стратегии. Под “чистым” ростом понимался рост национального дохода при сокращении выбросов ПГ в таких объемах, чтобы оставить окружающую среду следующим поколениям в значительно лучшем состоянии, чем на момент публикации документа.

Планы по сокращению выбросов должны были способствовать укреплению конкурентоспособности британской экономики и ее росту, обеспечивая безопасность и бесперебойность поставок энергии по стабильной цене промышленности, бизнесу и домохозяйствам. В этой связи в “Стратегии чистого роста” предлагалось новое определение энергетической безопасности как “гарантированного обеспечения потребителей безопасными, надежными, бесперебойными поставками энергии, а также наличия энергосистемы, эффективно реагирующей и адаптирующейся к изменениям и шокам” и характеризующейся тремя состояниями: гибкостью, адекватностью и эластичностью⁶.

Такие обозначенные в документе характеристики, как гибкость и эластичность, указывали на готовность проводить в ближайшем будущем значительные изменения либерализованного энергетического сектора в направлении снижения выбросов парниковых газов рыночными методами с привлечением частного капитала. В данном контексте обеспечение энергобезопасности страны становилось делом не только государства и центрального правительства, но и бизнеса, гражданского общества, субнациональных властей и рядовых британцев [3].

При реализации планов по сокращению выбросов ПГ энергетическая безопасность Королевства в целом должна была укрепляться благодаря созданию более разнообразного энергетического баланса, использованию разноплановых, надежных, низкоуглеродных способов выработки энергии. Это становилось возможным при активном развитии низкоуглеродных инновационных технологий и их широком внедрении не только в энергетическом секторе, но и в других секторах экономики (на транспорте, в металлургии и т.д.). Делался упор на бесповоротном переводе генерации на ВИЭ (прежде всего на строительстве шельфовых ветровых электростанций), поскольку значительное удешевление низкоуглеродных технологий при увеличении их надежности и эффективности обеспечило конкурентоспособность ВИЭ-генерации в сравнении с генерацией энергии на угле и газе.

2017 г. оказался для Британии самым “зеленым” годом с начала кампании по снижению выбросов ПГ. На низкоуглеродных источниках энергии (ветер, солнце и атомная энергия) в том году было выработано 54.4% электричества страны (на ВИЭ – 30%)⁷. С 2010 по 2016 гг. Британия потратила на развитие генерации на ВИЭ более 52 млрд ф. ст. и в 2017 г. стала лидером в мире по строительству шельфовых ветровых электростанций, электроэнергия которых была дешевле электроэнергии АЭС. Это обстоятельство явилось главным достижением политики декарбонизации британской экономики и энергетического сектора в частности. Уголь уже обеспечивал меньше 7% генерации электроэнергии страны. В 2018 г. показатели генерации на угле впервые упали ниже показателей доиндустриальной эпохи XIX в. (составили 5.4% произведенного в стране электричества)⁸.

⁵ *The Clean Growth Strategy Leading the Way to a Low Carbon Future*. October 2017, p. 22. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/700496/clean-growth-strategy-correction-april-2018.pdf (accessed 07.03.2023).

⁶ *The Clean Growth Strategy Leading the Way to a Low Carbon Future*. Op. cit., p. 156.

⁷ Gabbatiss J. Renewable Energy Now Makes up Nearly Third of All Electricity Generated in UK. *The Independent*, 21.12.2017. Available at: <https://www.independent.co.uk/climate-change/news/uk-renewable-energy-third-electricity-generated-wind-solar-panel-any-other-forms-mentioned-coal-a8122921.html> (accessed 03.08.2022).

⁸ 19 апреля 2018 г. стало известно, что 55 часов страна жила без использования этого вида ископаемого топлива. А в 2019 г. углем в промышленных масштабах не пользовались уже целую неделю.

Закрытие подземного газохранилища "Раф" (*Rough*) в Северном море в конце 2017 г. и перерывы в январе 2018 г. в поставках газа и нефти из Норвегии (покрывает 40% энергетических потребностей Великобритании⁹) позволили экспертам заговорить о падении ВВП страны на 4%. Приход в феврале 2018 г. на Британские острова холодного циклона "Зверь с Востока" сделал еще очевиднее высокую зависимость страны от импорта газа. Противостояние между США и Ираном в Ормузском проливе, отрезавшее богатый газом и нефтью регион Ближнего Востока от остального мира, а также ожидания начала торговых войн между США и Китаем, США и ЕС, создавали дополнительные риски для энергобезопасности страны.

Ценовой шок, вызванный дефицитом газа зимой 2018 г., показал быстро растущую зависимость Британии от импорта газа и позволил России выйти в 2018 г. на второе место (после Катара) по экспорту сжиженного природного газа (СПГ) на британский рынок (17% всего британского импорта) [4]. Однако попытка отравления на территории Соединенного Королевства 12 марта 2018 г., по утверждению британской стороны, предположительно российскими спецслужбами бывшего полковника ГРУ Сергея Скрипаля и его дочери военным нервно-паралитическим веществом вынудила британское правительство в свете грядущего расширения пакета западных антироссийских санкций (действуют с 2014 г.) практически полностью отказаться от российских газа и нефти и задуматься о поиске других поставщиков энергоресурсов.

Газ и нефть остаются жизненно важной частью британской экономики (в 2017 г. газовые ТЭС вырабатывали 40% объема электроэнергии страны¹⁰) и будут формировать основные энергетические потребности Британии в течение долгого времени. Поэтому была реанимирована идея возобновления разведки и добычи запасов углеводородов на шельфе Северного моря. Годом ранее такое предложение выдвинули главы *BP* и *Royal Dutch Shell*, отметившие, что на электричество приходится менее 20% мировой энергетической системы, тогда как ее львиную долю составляют нефть, нефтепродукты и газ. Кроме того, добыча углеводородов в Северном море вызывала значительно меньше сопротивления экологов и британской общественности, в отличие от добычи сланцевого газа. Однако время между обнаружением залежей углеводородов и их добычей на морском шельфе может составить 8–10 лет.

Предстоящее выведение из эксплуатации к 2025 г. 8 из 15 устаревших атомных реакторов, вырабатывавших 21% низкоуглеродной электроэнергии страны, сделало очевидной острую необходимость строительства новых АЭС, способных стать на 40–50 лет надежными низкоуглеродными источниками атомной энергии для британской промышленности и потребителей. Сдерживающими факторами на этом пути были отсутствие у Великобритании собственных новых технологий в области атомной энергетики и необходимость покупать технологии у иностранных компаний, договариваясь с ними о строительстве АЭС. Сооружение АЭС в Британии традиционно является капиталоемким и долгим делом. Медленная окупаемость капиталовложений и скромное финансовое участие государства в проектах отпугивали частных инвесторов. Так, из четырех проектов строительства АЭС в 2019 г. перспективным выглядело только сооружение АЭС "Хинкли Пойнт С" (*Hinkley Point C*) в графстве Сомерсет государственной энергогенерирующей компанией Франции "Электрисите де Франс" (ЭДФ – *Électricité de France, EDF*) и китайской компанией в сфере атомной энергетики *CGN*. В такой ситуации генерация на газе и на ВИЭ выглядела наиболее надежной, низкоуглеродной и экономически выгодной альтернативой развитию атомной энергетики.

Хотя технологии строительства газовых ТЭС были дешевыми и надежными, их оснащение специальным оборудованием по улавливанию углекислого газа в рамках курса по сокращению выбросов ПГ являлось дорогостоящим. Такие планы существовали с

⁹ Bergman J., Sleire S. Brexit: Norway Says UK Must Safeguard Its Interests If It Cares about Gas Supplies. *The Independent*, 28.11.2017. Available at: <https://www.independent.co.uk/news/business/news/brexit-latest-news-norway-uk-interests-gas-supplies-eea-affairs-michel-barnier-a8079681.html> (accessed 03.08.2022).

¹⁰ Rawlings M. *Climate Change – Speech at Australasian Emissions Reduction Summit 2018*. The British High Commissioner to Australia. 02.02.2018. Available at: <https://www.gov.uk/government/speeches/climate-change-speech-at-australasian-emissions-reduction-summit-2018> (accessed 18.09.2022).

2007 г., но только в ноябре 2018 г. стал впервые внедряться полномасштабный коммерческий проект по улавливанию и складированию CO_2 в Северном море.

Стоимость технологий строительства безуглеродных электростанций на ВИЭ существенно снизилась за последние несколько лет. И поскольку шельфовые ветровые электростанции были признаны крупной промышленной победой Соединенного Королевства, продвигалась идея выработки 30 ГВт·ч на энергии ветра в 2030 г. (в 2018 г. таким образом вырабатывалось 13 ГВт·ч).

Несмотря на выгодность развития генерации на ВИЭ, атомная энергетика сохраняла свою актуальность для страны, дополняя генерацию на ВИЭ. Производство ветровой и солнечной энергии зависело от погодных условий, а бесперебойное снабжение такой электроэнергией потребителей требовало создания дорогостоящих накопительных батарейных подстанций. Производство энергии на АЭС осуществлялось практически безаварийно в течение всего срока службы станции, не зависело от погодных условий или от импорта углеводородов. АЭС практически бесперебойно снабжали потребителей ожидаемым количеством низкоуглеродной энергии по стабильной цене. Дополнительные капложения обычно требовались только при захоронении отходов атомной энергетики, а также непосредственно при консервации старых, окончивших работу электростанций. АЭС нового поколения могли работать без серьезных сбоев до 50 лет, тогда как максимальный срок службы ветряков составлял 10 лет.

В условиях, когда исход Брекзита был еще не понятен, потребительские цены в стране на топливо и электроэнергию были самыми высокими в Европе и продолжали расти, а экологическое движение “Восстание вымирающих” с требованиями дальнейшего ужесточения климатических норм и сокращения выбросов ПГ устраивало в апреле–мае 2019 г. многочисленные массовые демонстрации в Великобритании и за ее пределами, 12 июня 2019 г. Т. Мэй стала первым главой государства в мире, объявившим о готовности своей страны сократить выбросы парниковых газов до нуля к 2050 г.¹¹

На практике это означало дальнейшее стремительное четырехкратное увеличение числа электростанций на ВИЭ (при десятикратном увеличении генерации на шельфовом ветре) для сокращения выбросов ПГ благодаря переводу на электричество и водород таких секторов британской экономики, как тяжелое машиностроение, теплоснабжение, металлургическая, транспортная, судостроительная и авиастроительная отрасли и сельское хозяйство. Кроме того, стремительное развитие генерации на ВИЭ служило укреплению конкурентоспособности британской экономики, способствовало обретению страной большей независимости от импорта топлива и энергии. Так в век безуглеродной энергетики своеобразным ключом к обеспечению энергобезопасности Великобритании стала генерация на ВИЭ.

ГЕНЕРАЦИЯ НА НИЗКОУГЛЕРОДНЫХ ИСТОЧНИКАХ ЭНЕРГИИ В КОНЦЕ И ПОСЛЕ БРЕКЗИТА

Новому консервативному правительству Бориса Джонсона (июль 2019 г. – сентябрь 2022 г.) предстояло окончательно вывести страну из ЕС и, обеспечивая дальнейший экономический рост, сохраняя надежность и бесперебойность энергопоставок потребителям, реализовать ранее озвученные Т. Мэй обязательства по сокращению Британией выбросов парниковых газов до нуля к 2050 г.

Переговорный процесс о выходе Великобритании из ЕС зашел в тупик, и британские эксперты ожидали экономического шока из-за выхода страны из Евросоюза без заключения договора. Переговоры о судьбе будущих торговых отношений Великобритании с ЕС еще даже не начинались, поэтому в случае любого варианта развития Брекзита условия импорта в страну электричества и энергоносителей из стран ЕС еще некоторое время оставались бы неясными.

¹¹ PM Theresa May: We Will End UK Contribution to Climate Change by 2050. 12.06.2019. Available at: <https://www.gov.uk/government/news/pm-theresa-may-we-will-end-uk-contribution-to-climate-change-by-2050> (accessed 18.09.2022).

В условиях растущей конкуренции в мире за ресурсы ЕС и Великобритании испытывали увеличение потребности в импортном газе при неуклонном снижении добычи собственного. Норвегия, являющаяся главным поставщиком газа в Великобританию и Европу, не могла быстро удовлетворить эти запросы. А многолетняя напряженность в отношениях между США и Ираном, переросшая в танкерную войну США и Великобритании с Ираном в 2019 г., угрожала бесперебойности поставок газа и нефти из стран Персидского залива в Великобританию и ЕС. Ухудшение британо-российских отношений мешало дополнительно закупать СПГ у России.

Поскольку газ является основой энергобаланса страны и играет важную роль в обеспечении ее энергобезопасности, правительство Б. Джонсона поставило задачу снизить зависимость от его поставок из нестабильных регионов мира, а также сохранить партнерские отношения с ЕС в период и после Брексита, сделав ставку на собственные ресурсы и возможности.

Однако в преддверии внеочередных парламентских выборов в ноябре 2019 г. новому премьеру пришлось отказаться от идеи добычи дешевого сланцевого газа из-за многочисленных протестов населения, низкой рентабельности фрекинга газа и непредсказуемости последствий от вызываемых им землетрясений¹². Поиск новых месторождений углеводородов в Северном море не сулил быстрых результатов.

Такое стечение обстоятельств позволило Б. Джонсону актуализировать тему строительства новых АЭС. Для достижения безуглеродного экономического развития страны к 2050 г. было необходимо, по его мнению, вырабатывать больше 1/3 электричества на АЭС или оснастить дорогостоящими технологиями улавливания и складирования ПГ газовые ТЭС, металлургическую отрасль, тяжелую промышленность и добычу нефти в Северном море.

Из восьми работавших в 2019 г. АЭС семь должны были закрыться к 2030 г. Ожидалось, что строящаяся АЭС "Хинкли Пойнт С" начнет вырабатывать около 7% общего объема электричества страны в 2026 г. Требовалось строительство еще четырех и более АЭС к 2050 г., однако проблема финансирования была основной, тормозившей их сооружение. Планы строительства новой атомной термоядерной электростанции на водороде в местечке Кулхам (графство Оксфордшир), озвученные британским премьером 27 сентября 2019 г., были капиталоемким вложением в развитие энергетических технологий будущего.

На этом фоне строительство электростанций на ВИЭ (особенно ветровых и солнечных) выглядело наиболее перспективным и быстро окупающимся способом решения проблемы бесперебойного обеспечения растущей британской экономики собственной дешевой "зеленой" энергией при одновременной реализации планов сдерживания глобального изменения климата.

2019 г. стал ключевой вехой в десятилетнем процессе декарбонизации британской энергетической системы. За последние 10 лет произошел революционный рост использования генерации энергии на ветре (с 1 до 19%) и солнце при резком снижении генерации на угле (с 30 до 3%). Было построено 30 ветровых электростанций. Шельфовые ветровые электростанции давали 8.2 ГВт·ч, а в 2023 г. их суммарная мощность должна была вырасти уже до 14 ГВт·ч¹³.

В третьем квартале 2019 г. Британия впервые со времен промышленной революции произвела больше энергии на ВИЭ (29.5 ТВт·ч), чем на всех вместе взятых ископаемых видах

¹² Weston P. Why Fracking Has Finally Fracked off. *The Independent*, 02.11.2019. Available at: <https://www.independent.co.uk/climate-change/news/fracking-suspension-cuadrilla-earthquake-lancaster-uk-a9181796.html> (accessed 03.08.2022).

¹³ *Powering Past Coal to Combat Climate Change: Speech by Simon Smith*. British Ambassador to South Korea Simon Smith Spoke at the 2019 International Conference on Coal Phase-out and Climate Action in Chungcheongnam-do. 24.10.2019. Available at: <https://www.gov.uk/government/speeches/powering-past-coal-working-together-to-combat-climate-change> (accessed 07.03.2023).

топлива (29.1 ТВт·ч)¹⁴. Также оказалось, что в этот же период впервые в истории страны на ВИЭ было выработано больше энергии (38.9%), чем на газе (38.8%), и только 1% энергии страны – на угле¹⁵.

Другим достижением стал успех в сокращении выбросов парниковых газов, обеспеченный переводом энергетического сектора страны с угля на газ и на ВИЭ. По свидетельству Управления национальной статистики (*Office for National Statistics, ONS*), с 1985 г. по 2016 г. выбросы ПГ в стране сократились на 34.2% при росте ВВП на душу населения за тот же период на 70.7%¹⁶.

Дешевизна технологий генерации на ВИЭ и особенно низкая стоимость сооружения и эксплуатации многочисленных ветровых и солнечных электростанций означали снижение в будущем потребительских тарифов на электроэнергию. В целях накопления энергии ветра и солнца и обеспечения ею потребителей по мере необходимости с 2020 г. начали развиваться технологии строительства литий-ионных батарейных станций.

Дальнейшие шаги по укреплению энергобезопасности страны стали частью нового плана “зеленой промышленной революции”¹⁷. В условиях экономического спада 2020 г., вызванного пандемией COVID-19, этот план должен был сделать Великобританию главным мировым центром “зеленых” технологий и финансов. Идеи получили дальнейшее развитие в Белой книге по вопросам энергетики (от 18 декабря 2020 г.)¹⁸. В ней был представлен план перевода британской экономики на “зеленую” энергию при достижении нулевых выбросов ПГ к 2050 г.

Правительство намеревалось обеспечить потребителей доступной “чистой” энергией по низким ценам благодаря созданию более широкой энергетической системы при четырехкратном увеличении производства “чистой” электроэнергии за счет дешевой генерации на ВИЭ (в том числе 60% электроэнергии страны, или 40 ГВт·ч, на шельфовых ветровых электростанциях к 2030 г.) и атомной энергетике. Последний вид генерации рассматривался как важный источник стабильно вырабатываемой энергии, призванной сбалансировать растущее использование энергии ветра и солнца. Акцентировалось внимание и на производстве низкоуглеродного топлива будущего – водорода (5 ГВт·ч к 2030 г.). Озвучивая перспективные планы полного отказа от ископаемых видов топлива в целях декарбонизации британской экономики, документ отводил решающую роль в сохранении энергобезопасности страны газовой низкоуглеродной промышленности.

30 декабря 2020 г. ЕС и Великобритания заключили Договор о торговле и сотрудничестве¹⁹, предусматривавший возможность кооперации между ними в области энергетической безопасности (в том числе и в чрезвычайных ситуациях) после Брексита. Однако во время разразившегося в Европе в 2021 г. энергетического кризиса договор никак не помог Британии.

¹⁴ Weston P. UK Renewable Generate More Electricity than Fossil Fuels for the First Time. *The Independent*, 14.10.2019. Available at: <https://www.independent.co.uk/environment/uk-renewables-electricity-energy-fossil-fuels-a9152586.html> (accessed 03.08.2022).

¹⁵ Beament E. Electricity Generated by Renewable Surpasses Gas for First Time. *The Independent*, 19.12.2019. Available at: <https://www.independent.co.uk/environment/renewable-energy-gas-fossil-fuels-climate-change-a9253591.html> (accessed 03.08.2022).

¹⁶ *The Decoupling of Economic Growth from Carbon Emissions: UK Evidence*. Office for National Statistics. 21.10.2019. Available at: <https://www.ons.gov.uk/economy/nationalaccounts/uksectoraccounts/compendium/economicreview/october2019/thedecouplingofeconomicgrowthfromcarbonemissionsukevidence> (accessed 07.03.2023).

¹⁷ Sharma A., Johnson B. *The Ten Point Plan for a Green Industrial Revolution*. 18.11.2020. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/the-ten-point-plan-for-a-green-industrial-revolution> (accessed 18.09.2022).

¹⁸ *Energy White Paper: Powering Our Net Zero Future*. 18.12.2020. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/energy-white-paper-powering-our-net-zero-future/energy-white-paper-powering-our-net-zero-future-accessible-html-version> (accessed 18.09.2022).

¹⁹ *Trade and Cooperation Agreement between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, of the One Part, and the European Union and the European Atomic Energy Community, of the Other Part*. 30.12.2020. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/982648/TS_8.2021_UK_EU_EAEC_Trade_and_Cooperation_Agreement.pdf (accessed 18.09.2022).

Весной-летом 2021 г. произошел резкий рост спроса на углеводороды из-за оживления мировой экономики после окончания карантинных ограничений, вызванных пандемией COVID-19, что спровоцировало их дефицит и резкое подорожание на мировых, европейских и британском сырьевых рынках. Значительное истощение запасов газа в европейских газохранилищах из-за климатических аномалий зимы – лета 2020–2021 гг. и недостаточные для нужд европейцев поставки газа из России на фоне безветренной погоды, оставившей Великобританию и Европу без электроэнергии ветровой генерации, вызвали дополнительную нехватку и рекордный скачок цен на газ в ЕС и в Великобритании²⁰.

Из-за долгого срока работы и износа в свете борьбы с изменением климата, а также в соответствии с обязательствами по достижению нулевых выбросов парниковых газов к 2050 г. к началу энергетического кризиса 2021 г. большинство угольных, газовых и атомных электростанций в Великобритании оказались закрытыми. Такое стечение обстоятельств сделало страну более зависимой от поставок энергии из Евросоюза и энергоносителей из других стран мира. Пожар в сентябре 2021 г. на одной из британских электрических подстанций и сокращение наполовину подачи электроэнергии из Франции поставили Британию на грань энергетической катастрофы. А рост цен на газ и нефть (на 200%) заставил европейские страны и Великобританию заново включить угольные ТЭС, что привело к рекордному росту цен на уголь (на 100%).

Разразившийся мировой энергетический кризис вызвал повсеместно в европейских странах, и особенно в Британии, резкий рост потребительских тарифов на электроэнергию, цен на топливо, продовольствие и товары широкого потребления, поставил под сомнение быстрый и успешный выход британской экономики из трудностей, связанных с Брекситом и окончанием пандемии. Под угрозой оказалась подача света и газа для отопления домохозяйств осенью и зимой 2021–2022 гг.

Зависимость успешного развития британской экономики от импорта ископаемых видов топлива и электроэнергии заставила кабинет Б. Джонсона принять решение (раньше, чем это сделал Евросоюз) об ускоренном переходе к “зеленой энергетике”. Такой переход отвечал задачам декарбонизации британской экономики к 2050 г., а также повышал энергобезопасность страны благодаря преимущественному использованию таких традиционных для Британии источников генерации, как ветер и атомная энергия²¹. В 2021 г. британские АЭС вырабатывали 15% от общих объемов электроэнергии страны. Введение в эксплуатацию в 2026 г. на смену закрывающимся к 2030 г. старым АЭС новой крупной АЭС “Хинкли Пойнт С” в графстве Сомерсет со сроком службы в 60 лет полностью не решало проблему бесперебойного обеспечения энергией растущей экономики страны. Поэтому британское правительство задумалось о строительстве еще одной крупной АЭС “Сайзвел С” (*Sizewell C*)²², а также о финансировании научно-исследовательских работ фирмы “Роллс-Ройс” (*Rolls Royce*) по строительству малых модульных реакторов. Налаживалось производство другого низкоуглеродного топлива, способного заменить газ и нефть, – водорода.

Поскольку новые британские АЭС строятся медленно, производство электроэнергии на ветряках при отсутствии ветра падает с 50 до 4%, а солнечные, биотопливные, геотермальные и гидроэлектростанции не решают проблемы обеспечения потребителей бесперебойными и достаточными поставками электроэнергии, генерация на газе остается важным элементом энергетического баланса страны (40% производства электроэнергии). В целях снижения зависимости от импорта газа настойчиво продвигались планы бурения шести новых скважин в Северном море. Быстрое развитие технологий по улавливанию и складированию CO₂ также должно было компенсировать использование генерации на газе.

²⁰ Газ является сырьем, цены на которое определяются на мировых рынках. В сентябре–ноябре 2021 г. более 90% британского газа Северного моря уходило на экспорт странам, готовым купить его по высоким мировым ценам, а не на внутренний рынок для стабилизации цен на электроэнергию и отопление.

²¹ В 2020 г. АЭС производили 20% энергии страны на 13 реакторах, тогда как генерация на ВИЭ давала 47.8%. Часть реакторов закроется уже к 2024 г.

²² Также рассматривалась возможность строительства еще одной АЭС “Брэдвелл” (*Bradwell*).

Начало Россией в феврале 2022 г. специальной военной операции на Украине окончательно придало начавшемуся еще в 2021 г. топливному (газовому) кризису в Европе политическое измерение, переводя его в разряд так называемой энергетической войны между Западом и Россией [5].

Хотя Британия импортировала из России меньше углеводородов, чем страны Евросоюза²³, цена на электроэнергию в стране определяется стоимостью газа. В свою очередь, цены на газ определяются ценами на мировых сырьевых рынках, а в 2022 г. они стремительно росли в свете российской спецоперации на Украине. Ожидавшееся в этой связи дальнейшее увеличение тарифов на энергию и газ в стране²⁴ вело к рекордному росту инфляции, кризису прожиточного минимума, обнищанию значительного числа домохозяйств и могло вызвать серьезные социальные потрясения (85% домохозяйств, или 28 млн домов, в Британии отапливаются газом). Дополнительной проблемой был рост цен на продовольствие.

Под лозунгом “обретения независимости от российского газа” 7 апреля 2022 г. была опубликована новая Стратегия энергетической безопасности Соединенного Королевства²⁵. Решение проблемы массового обнищания и разорения населения и бизнеса в связи со стремительным ростом цен на топливо и электроэнергию в документе по своей важности встало в один ряд с решением проблемы декарбонизации энергетического сектора страны к 2035 г., а британской экономики – к 2050 г.

По мнению кабинета Б. Джонсона, ускоренный “зеленый переход” энергосистемы страны²⁶, опирающийся на использование собственных, британских ресурсов, делал национальный энергетический сектор более надежным и самодостаточным и помогал снизить зависимость от импорта газа. Программы по увеличению энергоэффективности жилья и офисов, переводу домохозяйств с газового на электрическое отопление способствовали такому энергопереходу.

Самодостаточность британской энергосистемы должна была избавить внутренние цены на энергоносители и энергию от влияния волатильности цен на мировых рынках, способствовать замедлению роста квартплаты и тарифов на электричество и газ для потребителей.

Энергопереход обеспечивали газовые ТЭС, работающие на дополнительно разведанных и добытых газе и нефти Северного моря. Темпы перехода зависели от скорости строительства электростанций на ВИЭ. Акцент вновь делался на развитии шельфовых ветровых электростанций. К 2030 г. они должны были вырабатывать половину генерации на ВИЭ (50 ГВт·ч), при этом 5 ГВт·ч из этого объема приходилось на плавучую ветровую электростанцию. Этих мощностей должно было хватить, чтобы обеспечить энергией каждое домохозяйство в стране. Планировалось пятикратное увеличение (от текущих 14 ГВт·ч) использования солнечной энергетики, технологии которой подешевели за последние 10 лет на 85%. В планах стояло использование энергии приливов и геотермальных источников.

Атомная низкоуглеродная энергетика подавалась как основа энергетической безопасности страны на ближайшие годы, дополняющая генерацию на ВИЭ. АЭС признавались безопасными, чистыми и надежными источниками постоянной энергии, которые должны были производить четвертую часть (24 ГВт·ч) потребляемой в стране

²³ Из России поступало 8% нефти и 4% газа. См.: *UK to Phase out Russian Oil Imports*. 08.03.2022. Available at: <https://www.gov.uk/government/news/uk-to-phase-out-russian-oil-imports> (accessed 07.03.2023).

²⁴ В марте 2022 г. счет за энергию среднестатистического домохозяйства вырос на 54%. См. подробнее: Harvey F. *A Guide to the UK Energy Security Strategy*. *The Guardian*, 19.03.2022. Available at: <https://www.theguardian.com/environment/2022/mar/19/a-guide-to-the-uk-energy-security-strategy-cost-of-living-crisis> (accessed 21.03.2022).

²⁵ *British Energy Security Strategy. Policy Paper*. 07.04.2022. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/british-energy-security-strategy> (accessed 18.09.2022).

²⁶ Энергосистема страны должна была стать низкоуглеродной на 95% к 2030 г. и безуглеродной – к 2035 г.

энергии к 2050 г. Помимо новой АЭС в графстве Сомерсет, в парламенте нового созыва планировалось решить судьбу еще нескольких проектов в области атомной энергетики²⁷.

Великобритания намеревалась удвоить (10 ГВт·ч) к 2030 г. производство трех видов наиболее чистого, простого при складировании и транспортировке, низкоуглеродного супертоплива будущего – “розового”, “зеленого” и “голубого” водорода. Его можно использовать в промышленных целях, на транспорте, обогревать им дома, а также экспортировать.

Стратегия определяла шаги по укреплению энергетической безопасности в будущем, но в условиях разразившегося в Европе газового кризиса не решала проблему отсутствия самодостаточности национальной энергетической системы. Стремясь увеличить поставки углеводородов и электроэнергии, Британия (больше не связанная с ЕС обязательствами членства) обратилась к странам Персидского залива, Норвегии, Бельгии и США.

В свете значительного сокращения поставок газа из России и снижения производства электроэнергии на французских АЭС из-за аномальной жары летом 2022 г. Энергосети Соединенного Королевства (*National Grid*) заявили о возможных веерных отключениях электроэнергии в январе–феврале 2023 г. Ожидался дальнейший резкий скачок цен на газ, 80%-й рост цен на электроэнергию к апрелю 2023 г.²⁸ при значительном снижении уровня жизни населения и широком распространении в стране энергетической бедности²⁹.

Пришедшая к власти в сентябре 2022 г. новый британский премьер Лиз Трасс (5 сентября – 20 октября 2022 г.) поставила задачу укрепить энергобезопасность страны и предотвратить грядущую социальную и экономическую катастрофу из-за эскалации энергетической (наиболее чувствительной для Великобритании и Европы газовой ее составляющей) войны между Россией и Западом. Решая проблемы надежного газо- и энергоснабжения на среднесрочную перспективу, она пренебрегла обязательствами по декарбонизации британской экономики к 2050 г. и сделала ставку на собственные ресурсы страны³⁰: на разработку и добычу газа и нефти Северного моря и на ускоренную добычу сланцевого газа (через шесть месяцев). Конечной целью было сделать Соединенное Королевство нетто-экспортером энергии к 2040 г. Л. Трасс также попыталась договориться с Катаром и с Норвегией об увеличении поставок газа и наладить сотрудничество в энергетической области с ЕС и отдельно с Францией.

Сменивший Л. Трасс на посту премьер-министра Риши Сунак (с 25 октября 2022 г.) вновь поставил в центр обеспечения энергобезопасности страны ускоренный перевод британской энергетической системы на ВИЭ³¹. При этом он запретил добычу сланцевого газа, несмотря на рост оптовых цен на газ на 137% по сравнению с 2021 г.³² из-за дальнейшего значительного сокращения поставок российского газа в Европу в связи с диверсией в сентябре 2022 г. на двух российских газопроводах “Северный поток” и “Северный поток-2”. Ожидалось, что при полном отказе от российского газа поставки СПГ из США (по заключенному в ноябре 2022 г. соглашению о новом “партнерстве в области энергобезопасности”) и из Мозамбика (осуществляются впервые) помешают углублению внутренних социального и экономического кризисов зимой 2022–2023 гг. Также велись

²⁷ Kwarteng K., Johnson B. *Nuclear Energy: What You Need to Know*. 06.04.2022. Available at: <https://www.gov.uk/government/news/nuclear-energy-what-you-need-to-know> (accessed 18.09.2022).

²⁸ Chapman B. UK Faces ‘Catastrophe’ after Energy Bills Soar 80% amid Warning Price Cap Could Hit £7,000. *The Independent*, 27.08.2022. Available at: <https://www.independent.co.uk/news/business/uk-energy-bills-gas-electricity-price-cap-b2153549.html> (accessed 18.09.2022).

²⁹ Lovett S. Millions Facing ‘Significant Humanitarian Crisis’ Due to Rising Cost of Living, Leading Experts Warn. *The Independent*, 01.09.2022. Available at: <https://www.independent.co.uk/news/health/energy-bills-cost-of-living-uk-b2156557.html> (accessed 18.09.2022).

³⁰ PM Liz Truss’s Opening Speech on the Energy Policy Debate. 08.09.2022. Available at: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-liz-truss-opening-speech-on-the-energy-policy-debate> (accessed 16.10.2022).

³¹ Sunak R. PM Pledges to Make UK a Clean Energy Superpower Ahead of COP27. 07.11.2022. Available at: <https://www.gov.uk/government/news/pm-pledges-to-make-uk-a-clean-energy-superpower-ahead-of-cop27> (accessed 15.12.2022).

³² Kirka D. BP Profit Soar in 3Q as Pressure Increases for Windfall Tax. *The Independent*, 01.11.2022. Available at: <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/russia-ap-london-ukraine-exxon-mobil-b2214955.html> (accessed 15.12.2022).

переговоры об увеличении поставок СПГ из Катара и Норвегии.

В конце ноября 2022 г., даже несмотря на разразившуюся в стране глубокую рецессию и неблагоприятный инвестиционный климат, британское правительство форсировало развитие генерации на низкоуглеродной атомной энергии, подтвердив выделение 700 млн ф. ст. на строительство новой АЭС "Сайзвел С" в Сафолке³³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первые позитивные результаты энергоперехода, ставшие очевидными еще в начале Брекзита, позволили кабинету Т. Мэй рассматривать низкоуглеродные источники энергии (ВИЭ-генерацию и атомную энергетику) как наиболее дешевый и перспективный способ обеспечения энергобезопасности страны во время выхода страны из ЕС. Такие источники энергии имели сугубо британское происхождение, существенно снижали зависимость от импорта углеводородов и электроэнергии, служили усилению британских позиций на переговорах о Брекзите и укреплению "особых отношений" с США (благодаря отказу от российских углеводородов).

Успешное развитие дешевой генерации на ВИЭ (особенно генерации на ветре) позволили кабинету Т. Мэй взять курс на дальнейшее снижение выбросов ПГ при укреплении конкурентоспособности страны и сохранении ее экономического роста, а кабинету Б. Джонсона озвучить планы "зеленой промышленной революции": перевода британской экономики на "зеленую энергию" (на ВИЭ) при ее полной декарбонизации к 2050 г. Атомная энергетика, слабо развивавшаяся в течение 25 лет, сохраняла актуальность для обеспечения энергобезопасности страны, дополняя генерацию на ВИЭ.

В свете разразившегося в Европе в 2021 г. энергетического кризиса и отказа Великобритании и стран ЕС от закупок российских углеводородов из-за начала Россией в 2022 г. специальной военной операции на Украине бесперебойное снабжение потребителей гарантированной электроэнергией и топливом по доступным и стабильным ценам оказалось настоящим вызовом для энергобезопасности и развития британской экономики. В такой ситуации задача обеспечения самодостаточности национальной энергосистемы стала центральной для энергетической безопасности страны, поскольку ее выполнение решает проблемы зависимости национальной экономики от поставок ископаемого топлива из нестабильных регионов мира и диктата цен мировых сырьевых рынков при формировании цен на энергию и энергоносители в Соединенном Королевстве. Выход из ЕС также способствовал укреплению энергобезопасности Великобритании благодаря ускорению процесса принятия решений правительством и расширению набора инструментов и возможностей для внешне- и внутривластного маневра.

Взятый кабинетом Б. Джонсона курс ускоренного перевода британской энергосистемы на преимущественное использование генерации на традиционных для Британии и дешевых при строительстве и эксплуатации ВИЭ (особенно энергии ветра) и атомной энергии был призван стать залогом обеспечения экономического роста при достижении углеродной нейтральности национальной экономики к 2050 г. В вопросах обеспечения энергобезопасности Великобритании действующий британский премьер Р. Сунак во многом следует курсом, взятым кабинетами Т. Мэй и Б. Джонсона.

Перевод британского энергобаланса на преимущественное использование ВИЭ в недалекой перспективе во многом решит остающиеся актуальными после Брекзита проблемы декарбонизации британской экономики и снижения зависимости страны от импорта топлива. Однако при этом на первый план обязательно выйдут другие, пока

³³ Woodcock A., Beament E. Millions Paid to Buy China out of Sizewell C as Nuclear Plant Gets £700m Green Light. *The Independent*, 29.11.2022. Available at: <https://www.independent.co.uk/business/sizewell-c-nuclear-plant-approved-b2235111.html> (accessed 15.12.2022).

менее актуальные и мало изученные угрозы для энергобезопасности Великобритании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Андреева Т.Н. Проблема энергетической безопасности Великобритании до референдума о Брексите. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2022, № 4, сс. 24-34. [Andreeva T.N. The Problem of the UK Energy Security Before the Referendum on Brexit. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 2022, no. 4, pp. 24-34. (In Russ.)] Available at: https://www.afjournal.ru/index.php?page_id=636 (accessed 28.02.2023). DOI: 10.20542/afij-2022-4-24-34
2. Keeler T.S.J. The Politics of Shale Gas and Anti-fracking Movements in France and the UK. *The Global Impact of Unconventional Shale Gas Development: Economics, Policy, and Interdependence*. Wang Y., Hefley W.E., eds. Switzerland, International Publishing, Springer, 2016, pp. 54-74.
3. Watson J.E., Ketsopoulou I., Dodds P., et all. *The Security of UK Energy Futures*. London, UK Energy Research Centre, March 2018. 44 p. Available at: https://ukerc.rl.ac.uk/UCAT/PUBLICATIONS/UKERC_Security_of_UK_Energy_Futures.pdf (accessed 05.01.2023).
4. Сумин А.М. Энергетика как определяющий фактор энергетической политики и энергетической безопасности Великобритании. *Актуальные проблемы нефти и газа*, 2019, вып. 3 (26). [Sumin A.M. Energy Sector as a Determining Factor in Energy Policy and Energy Security of the UK. *Actual Problems of Oil and Gas*, 2019, iss. 3 (26). (In Russ.)] Available at: http://oilgasjournal.ru/issue_26/sumin.html (accessed 12.09.2022). DOI: 10.29222/ipng.2078-5712.2019-26.art18
5. Scott Cato M. *Energy Security, and Climate: Rethinking the UK's Place Within Europe*. London School of Economics and Political Science. 26.05.2022. Available at: <https://blogs.lse.ac.uk/politicsandpolicy/energy-security-climate-post-brexite/> (accessed 28.02.2023).

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ПО ВОПРОСУ “ЖЕСТКОГО”
БРЕКЗИТА В ПЕРИОД ПРЕМЬЕРСТВА ТЕРЕЗЫ МЭЙ**

© ПАЛАЧАНИН И.А., 2023

ПАЛАЧАНИН Иван Анатольевич, аспирант факультета мировой экономики и мировой политики.

Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, РФ, 101000 Москва, ул. Мясницкая, 20 (ipalachanin1995@gmail.com), ORCID: 0000-0002-0249-2016

Палачанин И.А. Политическая борьба по вопросу “жесткого” Брекзита в период премьерства Терезы Мэй. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2023, № 1, сс. 58-75. DOI: 10.20542/afij-2023-1-58-75

DOI: 10.20542/afij-2023-1-58-75

EDN: VSRVEB

УДК: 329.8(410)

Поступила в редакцию 06.09.2022.

После доработки 03.04.2023.

Принята к публикации 22.05.2023.

В статье рассматривается борьба различных политических сил в Великобритании по вопросу “жесткого” Брекзита в период с обнародования итогов референдума о членстве Соединенного Королевства (СК) в Европейском союзе (ЕС), прошедшего 23 июня 2016 г., до объявления о смене первой британской стратегии по выходу СК из ЕС, состоявшегося 5 июля 2018 г. Ввиду примерно равного раскола граждан по вопросу участия страны в европейском интеграционном проекте, размежевания членов ведущих партий на еврооптимистов и европессимистов, наличия нерешенных внутривнутриполитических проблем осуществление изначального плана консерваторов по Брекзиту встретило ощутимое сопротивление со стороны проевропейски настроенной части британского общества и выражавших их интересы парламентариев. В целом рассматриваемый период был временем постепенного накопления противоречий между различными политическими силами в Соединенном Королевстве по вопросу “жесткого” Брекзита, которые в дальнейшем вылились в один из наиболее глубоких политических кризисов в новейшей истории страны.

Ключевые слова: Брекзит, Соединенное Королевство, Европейский союз, политическая борьба, партии, стратегия, еврооптимисты, европессимисты.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов финансового и нефинансового характера.

**THE POLITICAL STRUGGLE WITH THE ISSUE OF A ‘HARD’ BREXIT
DURING THERESA MAY PREMIERSHIP**

Received 06.09.2022. Revised 03.04.2023. Accepted 22.05.2023.

Ivan A. PALACHANIN (ipalachanin1995@gmail.com), ORCID: 0000-0002-0249-2016, National Research University ‘Higher School of Economics’, 20, Myasnitckaya Str., Moscow 101000, Russian Federation.

The article examines the struggle of various political forces in Great Britain with the issue of a ‘hard’ Brexit during the period from the moment the results of the referendum on the membership

of the United Kingdom (UK) in the European Union (EU), held on June 23, 2016, appeared until the announcement of the change of the first British strategy for the UK's exit from the EU, held on July 5, 2018. Due to the approximately equal split between citizens regarding the participation of the country in the European integration project, split among members of leading parties into euro-optimists and euro-pessimists, existence of unresolved domestic political problems, executing the original Brexit plan made by the Conservatives met resistance from the pro-European part of the British society and the parliamentarians who represented its interests. Generally, the given period was a time of gradual accumulation of contradictions between various political forces in the United Kingdom on the issue of a 'hard' Brexit, which later resulted in one of the deepest political crises in the modern history of the country.

Keywords: Brexit, United Kingdom, European Union, political struggle, parties, strategy, euro-optimists, euro-pessimists.

About the author: Ivan A. PALACHANIN, Postgraduate Student of the Faculty of World Economy and International Affairs.

Competing interests: no potential competing financial or non-financial interest was reported by the author.

ВВЕДЕНИЕ

Объявление итогов прошедшего 23 июня 2016 г. референдума о членстве Соединенного Королевства в Европейском союзе стало одним из важнейших событий европейской истории. Так, ЕС впервые столкнулся с намерением одного из государств-членов выйти из своего состава. В свою очередь, СК оказалось расколотым на два примерно равных по числу участников лагеря с противоположными взглядами на участие страны в европейской интеграции.

По итогам плебисцита 2016 г., 51.9% избирателей проголосовали за выход СК из ЕС, 48.1% – за продолжение участия страны в европейском интеграционном проекте. При этом большинство электората Северной Ирландии и Шотландии высказалось против Брексита¹. В условиях асимметричной и не доведенной до логического завершения деволуции это грозило обострением отношений между центральными и региональными властями.

Следует отметить, что соотношение сил между еврооптимистами и европессимистами внутри британской политической элиты было несколько иным. Накануне референдума 2016 г. из 650 депутатов Палаты общин о приверженности продолжению участия Великобритании в европейском интеграционном проекте заявили 479 (218 членов Лейбористской партии, 185 членов Консервативной партии, 54 члена Шотландской национальной партии (ШНП), восемь членов Партии либеральных демократов (ПЛД), 14 членов других партий), о поддержке выхода СК из ЕС – 158 (138 членов Консервативной партии, 10 членов Лейбористской партии, восемь членов Демократической юнионистской партии (ДЮП), два члена других партий)². Это означало, что парламентариям, которые в подавляющем большинстве не желали Брексита, предстояло осуществить волю избирателей, выраженную на плебисците 2016 г. Сверхзадача заключалась в том, чтобы в условиях существовавших социально-политических противоречий выработать и успешно реализовать эффективную стратегию по прекращению участия страны в европейском интеграционном проекте.

Статья имеет цель обозначить позиции различных политических сил Соединенного Королевства по вопросу Брексита и выявить их роль в разработке и осуществлении

¹ Pilling S., Cracknell R. *UK Election Statistics: 1918–2021: A Century of Elections*. London, House of Commons Library, 2021, p. 105.

² *Brexit: the People vs. Parliament?* UK Parliament, House of Commons Library. 08.06.2016. Available at: <https://commonslibrary.parliament.uk/brexit-the-people-vs-parliament/> (accessed 30.03.2023).

британской стратегии по выходу СК из ЕС в 2016–2018 гг. Достижению поставленной цели служат следующие задачи. Во-первых, раскрыть взгляды британских политиков на возможные варианты реализации Брекзита и оценить их влияние на выработку первой стратегии кабинета Терезы Мэй по выходу СК из ЕС. Во-вторых, проанализировать позиции партий по курсу правительства на “жесткий” Брекзит в ходе дебатов в парламенте и охарактеризовать их способность повлиять на его корректировку. В-третьих, выявить мнения различных политических сил в отношении “жесткого” выхода СК из ЕС и оценить их действия, направленные на изменение первой стратегии кабинета Т. Мэй по Брекзиту на фоне досрочных всеобщих выборов 2017 г.

В своей работе автор опирался на зарубежные и российские исследования, посвященные проблематике прекращения участия Великобритании в европейском интеграционном проекте. Рассматривая зарубежную историографию, прежде всего необходимо отметить четырехтомное исследование “Юридические и политические аспекты Брекзита” [1; 2; 3; 4]. Особый интерес для исследователей стратегии кабинета Т. Мэй по выходу СК из ЕС представляет второй том, прежде всего, введение, написанное Ф. Фаббрини, и глава о британо-европейских переговорах, написанная Э. Джоунз. Том издан на основе специального выпуска журнала “Европейский журнал юридических исследований” под названием “Переговоры по Брекзиту и правительство Мэй” [5; 6]. Исследуемый вопрос также затрагивается в монографиях Р. Адама [7] и Л. МакГоуэна [8], статьях Э. Аврил [9], Н. Аллена [10], Э. Гамбла [11], А. МакКоннелла и С. Торми [12], А. Сигана [13], Р. Хейтона [14], Р. Ху и Ю. Лу [15]. Российская историография на данную тему представлена рядом докладов и статей. Так, Брекзит был одной из главных тем ежегодных докладов по Соединенному Королевству Института Европы Российской академии наук за 2017 и 2018 гг. [16; 17] Кроме того, тема настоящей статьи освещается в статьях российских специалистов Е.В. Ананьевой [18; 19; 20], К.А. Годованюк [21], И.Г. Ковалева [22; 23], А.Е. Морозовой [24].

ДИЛЕММЫ ВЫБОРА СТРАТЕГИИ ПО БРЕКЗИТУ

Еще до референдума 2016 г. Европейский союз заключил с не входящими в него странами ряд соглашений, которые могли послужить примерными ориентирами для построения британо-европейских отношений после выхода СК из ЕС. В этой связи британские политики на этапе разработки переговорной позиции Лондона пытались оценить положительные и отрицательные стороны различных вариантов взаимодействия Брюсселя с внешними партнерами.

Например, “норвежская модель” предусматривала продолжение участия СК в едином внутреннем рынке ЕС и выход из таможенного союза ЕС. Она обязывала Великобританию соблюдать законодательство и “четыре свободы” европейского интеграционного проекта, однако позволяла стране проводить собственную внешнюю торговую политику³.

В руководстве Консервативной партии существовали заметные разногласия в отношении данной модели. Премьер-министр Т. Мэй, выступая на партийной конференции 2016 г., отвергла ее⁴. Однако министр по выходу из Европейского союза Дэвид Дэвис и министр финансов Филипп Хэммонд допустили, что в будущем СК может платить взносы в бюджет ЕС в обмен на доступ к единому внутреннему рынку ЕС⁵. Кроме того, министр иностранных дел и по делам Содружества Борис Джонсон

³ *The Options for the UK's Trading Relationship with the EU*. Institute for Government. 16.01.2017. Available at: <https://www.instituteforgovernment.org.uk/explainers/options-uk-trading-relationship-eu> (accessed 30.03.2023); *Brexit Brief: Options for the UK's Future Trade Relationship with the EU*. Institute for Government. Available at: <https://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/Brexit%20Options%20A3%20November%20update.pdf> (accessed 30.03.2023).

⁴ Theresa May – Her Full Brexit Speech to Conservative Conference. *The Independent*, 02.10.2016. Available at: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/theresa-may-conference-speech-article-50-brexit-eu-a7341926.html> (accessed 30.03.2023).

⁵ Elgot J., Carrell S., Rankin J. David Davis Suggests UK Could Pay for Single Market Access. *The Guardian*, 01.12.2016. Available at: <https://www.theguardian.com/politics/2016/dec/01/brexit-secretary-suggests-uk-would-consider-paying-for-sin->

выступил за сохранение доступа СК к некоторым элементам единого внутреннего рынка ЕС, например, к “паспортным” правам для ведения бизнеса⁶. Председатель Лейбористской партии Джереми Корбин благосклонно отнесся к “норвежской модели”, однако выступил против ее полного копирования. Он объявил, что лейбористы будут добиваться сохранения полного доступа СК к единому внутреннему рынку ЕС для товаров и услуг, но без взятия Великобританией на себя обязательств по оказанию государственной помощи компаниям, либерализации и приватизации в секторе общественных услуг⁷. Теневой министр по выходу из Европейского союза Кир Стармер пошел еще дальше и заявил, что СК должно иметь “наиболее полный из возможных” доступ к единому внутреннему рынку ЕС⁸. Лидер Партии либеральных демократов Тимоти Фаррон сообщил, что считает “норвежскую модель” наилучшим образцом для построения британо-европейских отношений после Брекзита⁹. Лидер Шотландской национальной партии Никола Стерджен заявила, что СК должно продолжить участие в едином внутреннем рынке ЕС¹⁰. Не менее оживленные дискуссии развернулись и при обсуждении “турецкой модели”, которая означала выход СК из единого внутреннего рынка ЕС и таможенного союза ЕС и создание нового таможенного союза СК и ЕС. Она предоставляла Лондону возможность вести с Брюсселем беспошлинную торговлю промышленными и некоторыми сельскохозяйственными товарами и не соблюдать свободу передвижения лиц. Однако данная модель не распространялась на сферу услуг, обязывала СК соблюдать законодательство ЕС и ограничивала возможность Великобритании заключать новые торговые сделки с другими странами¹¹.

Большинство высших функционеров Консервативной партии заняло крайне осторожную позицию в отношении данной модели. Т. Мэй отметила, что продолжение участия СК в таможенном союзе ЕС или выход страны из него “не является бинарным решением”¹². Д. Дэвис сообщил, что рассматривает “турецкую модель” наряду с другими вариантами построения британо-европейских отношений после Брекзита¹³. Б. Джонсон заявил, что СК, возможно, выйдет из таможенного союза ЕС¹⁴. Министр международной торговли Лиам Фокс дал понять, что является сторонником свободной торговли¹⁵. Ф. Хэммонд указал на экономический ущерб от выхода СК из таможенного союза ЕС¹⁶. Лидеры оппозиционных партий, наоборот, считали, что “турецкая модель” обладает массой достоинств. К. Стармер заявил, что лейбористы выступают за продолжение участия СК в

[gle-market-access](#) (accessed 30.03.2023).

⁶ Boris Johnson – May Have to Leave EU Customs Union But Can Maintain Free Trade. *Reuters*, 15.11.2016. Available at: <https://www.reuters.com/article/uk-britain-eu-johnson-idUKKBN13A2F1> (accessed 30.03.2023).

⁷ Peck T. Corbyn Favours ‘Norway Model’ Post Brexit. *The Independent*, 15.09.2016. Available at: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/corbyn-favours-norway-model-post-brex-it-a7309861.html> (accessed 30.03.2023).

⁸ Walker P., Stewart H. Keir Starmer: Labour Will Not Block Article 50 But Must Know Plan. *The Guardian*, 07.11.2016. Available at: <https://www.theguardian.com/politics/2016/nov/07/keir-starmer-labour-will-not-block-article-50-but-must-know-plan> (accessed 30.03.2023).

⁹ Rankin J. Liberal Democrats Will Fight Election on Halting Brexit, Says Farron. *The Guardian*, 28.06.2016. Available at: <https://www.theguardian.com/politics/2016/jun/28/liberal-democrats-fight-election-halting-brex-it-tim-farron> (accessed 30.03.2023).

¹⁰ *Scotland’s Place in Europe. Foreword by the First Minister*. Scottish Government. Riaghaltas na h-Alba. 20.12.2016. Available at: <https://www.gov.scot/publications/scotlands-place-europe/pages/1/> (accessed 30.03.2023).

¹¹ *The Options for the UK’s Trading Relationship with the EU*. Op. cit.; *Brexit Brief: Options for the UK’s Future Trade Relationship*. Op. cit.

¹² Walker P. May Defends EU Plan as Corbyn Accuses Her of Brexit Shambles. *The Guardian*, 16.11.2016. Available at: <https://www.theguardian.com/politics/2016/nov/16/theresa-may-eu-plan-corb-yn-brex-it-shambles-pmq> (accessed 30.03.2023).

¹³ Ross T., Penny T., O’Donnell S. U.K.’s Davis Open to Brexit Transition Deal If Final Goal Is Set. *Bloomberg*, 14.12.2016. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2016-12-14/u-k-wants-brex-it-deal-to-be-clear-before-any-transition-talks> (accessed 30.03.2023).

¹⁴ Boris Johnson – May Have to Leave EU Customs Union. Op. cit.

¹⁵ Dallison P. Liam Fox Wary of Transitional Brexit Deal. *Politico*, 18.12.2016. Available at: <https://www.politico.eu/article/liam-fox-transitional-brex-it-deal-osborne-andrew-marr-show/> (accessed 30.03.2023).

¹⁶ Kennedy S., Hamilton S. U.K.’s Hammond Says Leaving EU Customs Union Would Impose Costs. *Bloomberg*, 06.10.2016. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2016-10-06/u-k-s-hammond-says-leaving-eu-customs-union-would-impose-costs> (accessed 30.03.2023).

таможенном союзе ЕС¹⁷. Аналогичную позицию заняли лидеры либеральных демократов и шотландских националистов¹⁸.

Очевидно, что “норвежская” и “турецкая” модели, предполагавшие сохранение тесных торгово-экономических связей между Лондоном и Брюсселем, были привлекательны для той части британской политической элиты, которая выступала против выхода Великобритании из европейского интеграционного проекта или стремилась осуществить “Брекзит только по названию”.

Наряду с описанными моделями британские политики обсуждали и варианты “жесткого” Брекзита. В частности, “канадская модель” предусматривала выход СК из единого внутреннего рынка ЕС и таможенного союза ЕС и заключение двустороннего британо-европейского соглашения о свободной торговле. Она предоставляла Лондону возможность вести с Брюсселем беспошлинную торговлю промышленными и некоторыми сельскохозяйственными товарами, однако давала СК ограниченный доступ к единому внутреннему рынку ЕС для услуг. При этом данная модель разрешала СК не соблюдать законодательство ЕС и свободу передвижения лиц и давала возможность проводить собственную внешнюю торговую политику. Еще одна модель – “швейцарская” – означала выход СК из единого внутреннего рынка ЕС и таможенного союза ЕС и заключение многочисленных двусторонних британо-европейских соглашений. Она предоставляла СК доступ к единому внутреннему рынку ЕС для всей несельскохозяйственной продукции и ряда других товаров, однако давала СК ограниченный доступ к единому внутреннему рынку ЕС для услуг. Кроме того, “швейцарская” модель обязывала СК соблюдать законодательство ЕС и свободу передвижения лиц. В то же время она позволяла стране проводить собственную внешнюю торговую политику¹⁹.

В первые месяцы после референдума 2016 г. “канадская” и “швейцарская” модели не рассматривались в качестве приоритетных. Так, Д. Дэвис отметил, что считает построение британо-европейских отношений после выхода СК из ЕС по “канадской модели” наилучшим сценарием²⁰. В свою очередь, Б. Джонсон еще накануне плебисцита 2016 г. заявил, что “мы (британцы. – И.П.) можем заключить такую же сделку, как канадцы... это очень, очень светлое будущее, которое я вижу”²¹. Кроме того, Т. Мэй, выступая на партийной конференции 2016 г., отвергла “швейцарскую модель”²². Однако Д. Дэвис положительно отозвался о ней, хотя и отметил, что данная модель обладает существенным недостатком: накладывает на страну обязательство соблюдать свободу передвижения лиц²³.

Очевидно, что “канадская” и “швейцарская” модели, предполагавшие значительное ослабление торгово-экономических связей между Лондоном и Брюсселем, представляли интерес для тех британских политиков, которые ратовали за “возврат контроля” над полномочиями, переданными в прошлом Великобританией в ведение европейского интеграционного проекта.

Отдельно следует выделить модель Всемирной торговой организации (ВТО), которая означала выход СК из единого внутреннего рынка ЕС и таможенного союза ЕС без сделки и

¹⁷ Walker P., Stewart H. Op. cit.

¹⁸ Supporting the Single Market Not ‘Free Trade Dogma’. Tim Farron. 20.09.2016. Available at: <https://timfarron.co.uk/en/article/2016/1186945/supporting-the-single-market-not-free-trade-dogma> (accessed 30.03.2023); Scotland’s Place in Europe. Op. cit.

¹⁹ The Options for the UK’s Trading Relationship with the EU. Op. cit.; Brexit Brief: Options for the UK’s Future Trade Relationship. Op. cit.

²⁰ Wintour P. Global Trade Deals Will Be Bigger outside than in the EU, Says David Davis. *The Guardian*, 14.07.2016. Available at: <https://www.theguardian.com/politics/2016/jul/14/global-bilateral-trade-deals-bigger-eu-single-market-david-davis> (accessed 30.03.2023).

²¹ Mason R. Boris Johnson on Brexit: ‘We Can Be like Canada’. *The Guardian*, 11.03.2016. Available at: <https://www.theguardian.com/politics/2016/mar/11/boris-johnson-on-brexit-we-can-be-like-canada> (accessed 30.03.2023).

²² Theresa May – Her Full Brexit Speech. Op. cit.

²³ Wintour P. Op. cit.

переход к торговле по правилам ВТО²⁴.

Этот сценарий не получил поддержки среди руководства Консервативной партии. Так, Д. Дэвис отметил, что считает Брекзит без сделки маловероятным вариантом развития событий²⁵. В свою очередь, Ф. Хэммонд заявил, что реализация модели ВТО не является наилучшим сценарием²⁶. Большинство оппозиционных партий также заняли негативную позицию в отношении данной модели. Например, Дж. Корбин отметил, что «мы (британцы. – И.П.) не должны откатиться к торговой сделке с Европой по принципам ВТО, поскольку это потенциально может нанести вред государственным финансам и привести к значительным потерям рабочих мест»²⁷. Н. Стерджен высказала аналогичную точку зрения: «Чем больше позиция правительства СК приближается к позиции ВТО, тем больше вреда будет нанесено экономике и обществу СК и Шотландии»²⁸. Однако лидер Партии независимости Соединенного Королевства (ПНСК) Найджел Фараж еще накануне плебисцита 2016 г. заявил, что «отсутствие сделки (по Брекзиту. – И.П.), но продолжение (британо-европейских отношений. – И.П.) по правилам ВТО было бы лучше и дешевле для этой страны, чем то, где мы сейчас находимся»²⁹.

Необходимо подчеркнуть, что изучение британской политической элитой опыта взаимодействия Брюсселя с внешними партнерами вовсе не означало, что какая-либо из уже существовавших моделей будет полностью скопирована или взята за основу. Специфика британской социально-экономической модели, особенности участия Великобритании в европейском интеграционном проекте, комплекс внутренних факторов диктовали необходимость выработки и реализации Лондоном оригинальной стратегии по Брекзиту. Вместе с тем высказывания членов правительства в первые месяцы после референдума 2016 г. давали основания надеяться на то, что план консерваторов по выходу СК из ЕС будет предусматривать минимизацию потерь от разрыва сложившихся за несколько десятилетий торгово-экономических связей между двумя сторонами.

КУРС НА РЕШИТЕЛЬНЫЙ РАЗРЫВ

Кабинету Т. Мэй потребовалось почти семь месяцев для того, чтобы в условиях существовавших расколов выработать и обнародовать первую стратегию по выходу СК из ЕС. Ее основные положения были сначала изложены в речи премьер-министра в Ланкастер-хаус от 17 января 2017 г. и затем опубликованы в Белой книге «Выход Соединенного Королевства из Европейского союза и новое партнерство Соединенного Королевства и Европейского союза» от 2 февраля 2017 г. Основными пунктами изначального плана консерваторов были: выход СК из единого внутреннего рынка ЕС и таможенного союза ЕС, заключение британо-европейского соглашения о свободной торговле и таможенного соглашения, отмена юрисдикции Суда ЕС в СК³⁰. Таким образом, вопреки ожиданиям многих экспертов, которые были основаны на заявлениях высших

²⁴ *The Options for the UK's Trading Relationship with the EU*. Op. cit.; *Brexit Brief: Options for the UK's Future Trade Relationship*. Op. cit.

²⁵ Mason R. David Davis Admits Possibility of UK Exiting EU without Trade Deal. *The Guardian*, 13.09.2016. Available at: <https://www.theguardian.com/politics/2016/sep/13/david-davis-admits-possibility-of-uk-exiting-eu-without-trade-deal> (accessed 30.03.2023).

²⁶ Pickard J., Allen K. Hammond Critical of WTO Option for Brexit Britain. *The Financial Times*, 16.12.2016. Available at: <https://www.ft.com/content/358a54c0-c37f-11e6-9bca-2b93a6856354> (accessed 30.03.2023).

²⁷ Peck T. Op. cit.

²⁸ *Scotland's Place in Europe. Chapter Three: Protecting Scotland's Interests*. Scottish Government. Riaghaltas na h-Alba. 20.12.2016. Available at: <https://www.gov.scot/publications/scotlands-place-europe/pages/4/> (accessed 30.03.2023).

²⁹ Bloom D. Nigel Farage Says £45bn Brexit 'Worst Case Scenario' Would Still Be Better than Staying in the EU. *Mirror*, 03.06.2016. Available at: <https://www.mirror.co.uk/news/uk-news/nigel-farage-says-45bn-brexit-8108662> (accessed 30.03.2023).

³⁰ *The Government's Negotiating Objectives for Exiting the EU: PM Speech*. GOV.UK. 17.01.2017. Available at: <https://www.gov.uk/government/speeches/the-governments-negotiating-objectives-for-exiting-the-eu-pm-speech> (accessed 30.03.2023); *The United Kingdom's Exit from and New Partnership with the European Union*. GOV.UK. 2017. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/589189/The_United_Kingdoms_exit_from_and_partnership_with_the_EU_Print.pdf (accessed 30.03.2023).

функционеров Консервативной партии в первые месяцы после плебисцита 2016 г., правительство взяло курс на “жесткий” Брекзит.

Представляется, что данный выбор был вполне оправдан. Во-первых, Т. Мэй было необходимо иметь пространство для маневров в ходе предстоявших переговоров с Брюсселем [22, с. 189; 23, с. 156]. В этой связи выдвижение жестких требований открывало возможности для торга и поиска компромиссов в ходе британо-европейских переговоров. Во-вторых, не следует сбрасывать со счетов стремление премьер-министра удержать “жестких” брекзитеров в рядах консерваторов. Напомним, что референдум 2016 г. был проведен во многом из-за оттока европессимистически настроенного электората Консервативной партии к Партии независимости Соединенного Королевства и усиления европессимизма среди самих консерваторов. В-третьих, важную роль сыграло желание Т. Мэй продемонстрировать британцам и всему миру перспективы роста влияния Лондона. Так, уже 24 июня 2016 г. Б. Джонсон заявил, что “Британия продолжит быть великой европейской державой”³¹. Однако из-за примерно равного раскола электората в отношении членства СК в ЕС, разделения членов Консервативной и Лейбористской партий на еврооптимистов и европессимистов, существования нерешенных внутривнутриполитических проблем первая стратегия кабинета Т. Мэй по Брекзиту мгновенно стала объектом острой политической борьбы.

Так, еще до обнародования изначального плана консерваторов по Брекзиту намерение правительства инициировать без согласия парламента выход страны из состава ЕС в соответствии со ст. 50 Договора о Европейском союзе (ДЕС) было оспорено в судебном порядке. Финансистка Джина Миллер подала иск в Высокий суд Англии и Уэльса, утверждая, что кабинет Т. Мэй не вправе “запустить” статью без согласия законодательной власти. В итоге 3 ноября 2016 г. указанный суд постановил, что для применения ст. 50 ДЕС требуется согласие парламента³².

Вердикт вызвал всплеск критики со стороны британских СМИ. Газеты *Financial Times* и *Guardian* назвали постановление Высокого суда Англии и Уэльса “ударом” по правительственным планам³³. *Daily Telegraph* разместила на первой полосе портреты судей этого суда с надписью “судьи против народа”, а *Daily Mail* – схожий материал с заголовком “враги народа”³⁴. Все это свидетельствовало не только о расколе британского общества в отношении выхода СК из ЕС, но и о вовлечении судебной власти в политическую борьбу, которая обычно была сконцентрирована в парламенте.

Правительство не смирилось с поражением и оспорило постановление Высокого суда Англии и Уэльса в Верховном суде Соединенного Королевства. В результате 24 января 2017 г. высшая судебная инстанция страны отклонила апелляцию кабинета Т. Мэй и подтвердила предыдущий вердикт³⁵. Таким образом, правительство было вынуждено подготовить и представить парламентау законопроект о “запуске” ст. 50 ДЕС.

26 января 2017 г. кабинет Т. Мэй инициировал Законопроект об уведомлении о выходе из Европейского союза, который состоял всего из двух статей: “1. В соответствии со статьей 50 (2) Договора о Европейском союзе премьер-министр может уведомить о намерении Соединенного Королевства выйти из ЕС. 2. Данный раздел действует, несмотря на любые положения, вытекающие из или содержащиеся в Законе о

³¹ Boris Johnson’s Brexit Victory Speech: Full Transcript. *Newsweek*, 24.06.2016. Available at: <https://www.newsweek.com/boris-johnsons-brexit-victory-speech-full-transcript-474086> (accessed 30.03.2023).

³² *England and Wales High Court (Administrative Court) Decisions. Bailii*, British and Irish Legal Information Institute. Available at: <http://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Admin/2016/2768.html> (accessed 30.04.2023).

³³ Blitz J. Brexit Briefing: A Thunderbolt from the Judges. *The Financial Times*, 03.11.2016. Available at: <https://www.ft.com/content/4b6bf020-a1bd-11e6-82c3-4351ce86813f> (accessed 30.03.2023); Bowcott O., Elgot J. Brexit Plans in Disarray as High Court Rules Parliament Must Have Its Say. *The Guardian*, 03.11.2016. Available at: <https://www.theguardian.com/politics/2016/nov/03/parliament-must-trigger-brexit-high-court-rules> (accessed 30.03.2023).

³⁴ Phipps C. British Newspapers React to Judges’ Brexit Ruling: ‘Enemies of the People’. *The Guardian*, 04.11.2016. Available at: <https://www.theguardian.com/politics/2016/nov/04/enemies-of-the-people-british-newspapers-react-judges-brexit-ruling> (accessed 30.03.2023).

³⁵ *R (on the Application of Miller and Another) (Respondents) v Secretary of State for Exiting the European Union (Appellant)*. Supreme Court. 24.01.2017. Available at: <https://www.supremecourt.uk/cases/uksc-2016-0196.html> (accessed 30.03.2023).

европейских сообществах 1972 г. или любых других законодательных актах”³⁶. Несмотря на свою лаконичность, в парламенте указанный законопроект вызвал бурные дебаты, во время которых партии в целом и различные группировки внутри партий в частности выражали свои позиции по курсу правительства на “жесткий” Брекзит и пытались сформулировать весомые аргументы по ключевым вопросам на предстоявших британо-европейских переговорах.

Необходимо подчеркнуть, что в Палате общин партийные депутаты, как правило, дебатуют и голосуют в соответствии с указаниями своего партийного руководства, поскольку в противном случае они рискуют быть исключенными из своих партий и, соответственно, иметь гораздо более низкие шансы быть повторно избранными в нижнюю палату. В этой связи анализ дебатов в Палате общин не позволяет в полной мере выявить имевшиеся меж- и внутрипартийные противоречия в отношении первой стратегии кабинета Т. Мэй по Брекзиту.

Прежде всего внимание членов нижней палаты привлек вопрос об участии СК в едином внутреннем рынке ЕС и таможенном союзе ЕС.

Оппозиционные партии выступали за сохранение связей Великобритании с ЕС в этих сферах. Так, лейборист Пол Блумфилд заявил, что выход СК из единого внутреннего рынка ЕС и таможенного союза ЕС ставит под угрозу уровень жизни и рабочие места в стране³⁷. Шотландский националист Джоанна Черри отметила ошибочность мнения консерваторов о том, что участие СК в едином внутреннем рынке ЕС не позволяет стране проводить “разумную” политику в области рыболовства. В частности, она указала, что Норвегия участвует в едином внутреннем рынке ЕС и проводит собственную политику в сфере рыболовства. Дж. Черри сообщила, что в этой связи выступает за достижение британо-европейских договоренностей, похожих на “норвежскую модель”³⁸. Таким образом, в ходе обоснования своей точки зрения оппозиционные партии приводили исключительно экономические аргументы.

Консервативная партия же настаивала на выходе СК из единого внутреннего рынка ЕС и таможенного союза ЕС. Например, консерватор Джон Редвуд заявил, что на его взгляд, Брюссель не согласится на построение британо-европейских отношений после Брекзита по “норвежской модели”, поэтому выход СК из ЕС означает выход СК из единого внутреннего рынка ЕС. Он также подчеркнул, что реализация “норвежской модели” предполагает отсутствие у Великобритании контроля над своими границами, что неприемлемо для консерваторов. Кроме того, Дж. Редвуд отметил, что, по его мнению, британцы не хотят, чтобы Великобритания, как Норвегия, платила большие взносы в бюджет европейского интеграционного проекта³⁹. Другой член правящей партии – Сью-Эллен Фернандес – выразила уверенность в том, что СК получит большую выгоду от выхода из таможенного союза ЕС и наращивания торговли со странами вне Евросоюза, чем от продолжения участия в таможенном союзе ЕС и развития торговых отношений с государствами – членами ЕС⁴⁰. Однако это утверждение противоречило данным статистики: в 2016 г. 42.9% экспорта и 53.0% импорта товаров и услуг СК приходилось на ЕС⁴¹. Таким образом, позиция консерваторов выглядела явно слабее позиции их оппонентов, хотя Консервативная партия и приводила экономические доводы в защиту своего мнения.

³⁶ *European Union (Notification of Withdrawal) Bill*. UK Parliament. 26.01.2017. Available at: <https://publications.parliament.uk/pa/bills/cbill/2016-2017/0132/17132.pdf> (accessed 30.03.2023).

³⁷ *Great Britain. The Parliamentary Debates. House of Commons. Sixth Series. Vol. 621*. London, Hansard, 2017, col. 443.

³⁸ *Ibid.*, col. 452, 462.

³⁹ *Ibid.*, col. 452-453.

⁴⁰ *Ibid.*, col. 499-501.

⁴¹ Ward M. *Statistics on UK-EU Trade*. London, House of Commons Library, 2021, p. 24.

Депутаты также затронули вопрос о сохранении свободы передвижения лиц между Соединенным Королевством и Европейским союзом.

Оппозиция ратовала за сохранение данной свободы. В частности, лейборист П. Блумфилд подчеркнул, что существенное снижение иммиграции из ЕС в СК подорвет экономику страны⁴². В свою очередь, его однопартиец Адриан Бейли указал на позицию британских торговых делегаций в Индии и Китае, которые заявили, что любое торговое соглашение Великобритании с этими странами почти наверняка будет включать смягчение визового режима, поэтому «все, что мы делаем, представляет собой замещение миграции, а не ее сокращение»⁴³. Таким образом, как и в случае с предыдущим вопросом, в ходе обоснования своей точки зрения оппозиция опиралась исключительно на экономические аргументы.

Позиция консерваторов была противоположной. К примеру, консерватор Кристофер Малтхаус сообщил, что выступает против сохранения свободы передвижения лиц между СК и ЕС, так как хочет дать Т. Мэй пространство для маневра в ходе британо-европейских переговоров⁴⁴. Представляется, что это была не единственная причина. Консерваторы явно посылали сигнал своим избирателям, которые были недовольны тем, что граждане восточноевропейских стран – членов ЕС «отнимают» рабочие места у коренного населения СК. При этом консерватор Чарльз Элфик заявил, что свобода передвижения лиц между Соединенным Королевством и Республикой Ирландия должна быть сохранена⁴⁵. Другой член правящей партии – Мириам Дэвис – сообщила, что согласна с необходимостью предоставления СК и ЕС взаимных гарантий сохранения прав своих граждан на территории друг друга⁴⁶. Следовательно, хотя точка зрения правящей партии была противоположна мнению оппозиции, консерваторы все же не выступали за полное прекращение передвижения лиц между СК и ЕС.

Кроме того, внимание членов нижней палаты привлек вопрос о членстве Соединенного Королевства в Европейском сообществе по атомной энергии (Евратоме).

Оппозиция настаивала на сохранении членства. Лейборист П. Блумфилд подчеркнул большое экономическое значение членства в этой международной организации для страны и указал, что Европейское сообщество по атомной энергии и Европейское экономическое сообщество (предшественник Европейского союза) были созданы по разным договорам⁴⁷. Его однопартиец Альберт Оуэн выразил озабоченность тем, что в случае упоминания намерения СК выйти из Евратома в уведомлении об инициировании ст. 50 ДЕС и отсутствия сделки по итогам британо-европейских переговоров в стране могут возникнуть сложности с реализацией уже существующих исследовательских проектов в сфере атомной энергетики, а также с инвестированием в отрасль⁴⁸.

Консервативная партия же выступала за выход СК из Евратома. Например, консерватор Ч. Элфик заявил, что Европейское сообщество по атомной энергии настолько тесно связано с Европейским союзом, что для СК будет сложно одновременно сохранить членство в Евратоме и выйти из ЕС⁴⁹. Другой член правящей партии – К. Малтхаус – указал, что в ближайшей перспективе финансирование Европейского сообщества по атомной энергии, скорее всего, будет сокращаться, поэтому сохранение членства СК в Евратоме может привести к сокращению расходов на британские научные исследования в этой сфере. В качестве альтернативы сохранению членства СК

⁴² *Great Britain. The Parliamentary Debates. House of Commons. Sixth Series. Vol. 621. Op. cit., col. 446.*

⁴³ *Ibid.*

⁴⁴ *Ibid., col. 486.*

⁴⁵ *Ibid., col. 507.*

⁴⁶ *Ibid., col. 517.*

⁴⁷ *Ibid., col. 449-450.*

⁴⁸ *Ibid., col. 450.*

⁴⁹ *Ibid., col. 472.*

в Евратоме он предложил развивать двустороннее сотрудничество Великобритании с другими странами в области мирного атома, например, с Францией⁵⁰.

Фактически сценарий противостояния различных политических сил в Палате общин оставался неизменным. Консервативная партия не собиралась менять свой план по Брекситу, а оппозиционные партии предпринимали отчаянные попытки не допустить развития событий по “жесткому” сценарию. При этом обе противоборствующие стороны в основном прибегали к аргументам, обосновывавшим экономическую целесообразность своих предложений.

Следует отметить, что дебаты в Палате лордов, по сравнению с дискуссиями в Палате общин, протекают в совершенно ином ключе. Состав верхней палаты, в отличие от нижней, не избирается, поэтому члены Палаты лордов не связаны какой-либо партийной дисциплиной и (или) обещаниями, и в этой связи дебатировать и голосуют исключительно в соответствии со своими взглядами. Таким образом, анализ дискуссий в Палате лордов дает возможность полностью выявить накопившиеся меж- и внутрипартийные противоречия в отношении курса правительства на “жесткий” выход СК из ЕС.

Оценивая первую стратегию кабинета Т. Мэй по Брекситу, пэры прежде всего поставили под сомнение право исполнительной власти действовать в этом вопросе самостоятельно. Так, в ходе дебатов по данному законопроекту лидер либеральных демократов в Палате лордов барон Ньюби Ротуэллский выдвинул поправку о том, что никакое британо-европейское соглашение, вытекающее из полномочия премьер-министра уведомить о намерении СК выйти из ЕС, “не может быть ратифицировано до тех пор, пока оно не будет одобрено на общенациональном референдуме”⁵¹.

Аргументируя необходимость принятия своей поправки, барон заявил, что, поскольку решение о начале Брексита было принято по результатам плебисцита, достигнутую сделку также следует вынести на референдум⁵². Его однопартиец барон Ашдаун Нортон-сэб-Хэмдонский отметил, что правительство не имеет мандата на реализацию “жесткого” Брексита, в частности на вывод СК из состава единого внутреннего рынка ЕС⁵³. Наиболее развернутое обоснование необходимости принятия данной поправки дал кроссбенчер барон Уорнер Броклиский. Во-первых, он указал, что кабинет Т. Мэй присваивает себе “более широкий мандат” на осуществление Брексита, нежели тот, который он имеет по результатам референдума 2016 г., поскольку по итогам голосования брекзитеры победили с небольшим перевесом голосов; избиратели, проголосовавшие за выход СК из ЕС, не указали, как именно должен быть реализован Брексит; мнение 28% британских избирателей, не участвовавших в плебисците 2016 г., осталось неизвестным и т.д. Во-вторых, барон заявил, что, с его точки зрения, британцы все больше демонстрируют свое недовольство курсом правительства на “жесткий” Брексит. В-третьих, он выразил опасение, что кабинет Т. Мэй намеревается осуществить выход СК из ЕС без сделки⁵⁴.

В отличие от нижней палаты, в которой оппозиционные партии обычно согласованно противостояли реализации намерения консерваторов осуществить “жесткий” Брексит, в верхней палате оппозиционные силы часто не могли прийти к согласию в отношении курса правительства на “жесткий” выход СК из ЕС. Например, теневой лидер Палаты лордов лейбористка баронесса Смит Бэйзилдонская не поддержала инициативу либеральных демократов. Так, она указала, что после двух лет британо-европейских переговоров, которые могут быть очень трудными, референдум фактически станет голосованием не по достигнутой сделке по Брекситу, а по отношению

⁵⁰ *Great Britain. The Parliamentary Debates. House of Commons. Sixth Series. Vol. 621. Op. cit., col. 473, 485.*

⁵¹ *Great Britain. The Parliamentary Debates. House of Lords. Fifth Series. Vol. 779. London, Hansard, 2017, col. 1203.*

⁵² *Ibid.*

⁵³ *Ibid., col. 1231.*

⁵⁴ *Ibid., col. 1207-1208.*

граждан СК к остальным государствам – членам ЕС. При этом баронесса отметила, что в случае изменения общественного мнения правительству следует скорректировать свой курс в отношении Брекзита⁵⁵.

Со стороны Консервативной партии развернутый ответ на аргументы сторонников данной поправки дал парламентский секретарь министерства по выходу из Европейского союза барон Бриджейз Хедлский. Во-первых, он указал, что ни в бюллетене на референдуме 2016 г., ни в парламенте перед голосованием ничего не говорилось о еще одном плебисците в случае принятия решения о выходе СК из ЕС по итогам референдума 2016 г. Во-вторых, барон заявил, что идея о недостаточной информированности британцев для принятия обоснованного решения на плебисците 2016 г. является проявлением высокомерия: в ходе агитационной кампании перед голосованием консерваторы четко дали понять, что принятие решения о Брекзите будет означать выход СК из единого внутреннего рынка ЕС. В-третьих, выступавший отметил, что еще один референдум о членстве СК в ЕС лишь углубит раскол британского общества⁵⁶. Другой член правящей партии – барон Хамилтон Эпсомский – заявил, что в случае принятия рассматриваемой поправки Брюссель будет заинтересован в заключении максимально невыгодной для Лондона сделки, поскольку в этом случае у европейской бюрократии появятся максимальные шансы на то, что британцы отвергнут достигнутую сделку и Великобритания продолжит участие в европейском интеграционном проекте⁵⁷.

Следует отметить, что в рядах консерваторов было высказано несогласие с официальной позицией партии. Так, баронесса Уиткрофт Блэкхитская заявила, что поддерживает рассматриваемую поправку и согласна с тем, что процесс Брекзита, начатый референдумом, разумно также завершить референдумом⁵⁸. Это высказывание ярко продемонстрировало слабость партийной дисциплины в верхней палате.

В целом, аргументы Консервативной партии, в отличие от доводов оппозиционных партий, оказались более убедительными, поскольку в итоге указанная поправка была отклонена: 336 членов верхней палаты проголосовали “против”, 131 – “за”⁵⁹.

Потерпев поражение в попытке инициировать еще один референдум, противники курса правительства на “жесткий” Брекзит не потеряли надежду на смягчение британской стратегии по выходу СК из ЕС. Так, кроссбенчер барон Панник Радлеттский выдвинул поправку о том, что: “1. Премьер-министр не может заключить соглашение (о выходе СК из ЕС. – **И.П.**)... без согласия обеих палат парламента (Соединенного Королевства. – **И.П.**). 2. Данное согласие должно быть получено до проведения дебатов и голосования в отношении данного соглашения в Европейском парламенте. 3. Предварительное согласие обеих палат парламента (Соединенного Королевства. – **И.П.**) также необходимо в отношении соглашения о будущих британо-европейских отношениях. 4. Предварительное согласие обеих палат парламента (Соединенного Королевства. – **И.П.**) также необходимо в отношении любого решения премьер-министра вывести СК из состава ЕС без соглашения на приемлемых условиях”⁶⁰. Очевидно, что одобрение данной инициативы означало бы передачу всего процесса Брекзита под полный и жесткий контроль законодательной власти, лишение исполнительной власти любой возможности реализовывать свою стратегию по выходу СК из ЕС и даже оперативно реагировать на внезапно изменившиеся обстоятельства.

Примечательно, что данную поправку поддержали все оппозиционные

⁵⁵ *Great Britain. The Parliamentary Debates. House of Lords. Fifth Series. Vol. 779. Op. cit., col. 1226-1229.*

⁵⁶ *Ibid., col. 1229-1230.*

⁵⁷ *Ibid., col. 1217.*

⁵⁸ *Ibid., col. 1211.*

⁵⁹ *European Union (Notification of Withdrawal) Bill. Division 1: Held on Tuesday 7 March 2017. UK Parliament. 07.03.2017. Available at: [https://hansard.parliament.uk/Lords/2017-03-07/division/56C21ABF-3970-4D25-9D7B-68F30D1235CB/EuropeanUnion\(NotificationOfWithdrawal\)Bill?outputType=Names](https://hansard.parliament.uk/Lords/2017-03-07/division/56C21ABF-3970-4D25-9D7B-68F30D1235CB/EuropeanUnion(NotificationOfWithdrawal)Bill?outputType=Names) (accessed 30.03.2023).*

⁶⁰ *Great Britain. The Parliamentary Debates. House of Lords. Fifth Series. Vol. 779. Op. cit., col. 1250-1251.*

партии в верхней палате. В частности, лейбористка баронесса Кеннеди Шоуская отметила, что Верховный суд Соединенного Королевства в постановлении по делу “Миллер против министра по выходу из Европейского союза” указал, что любое фундаментальное изменение британских законов, которое неизбежно изменяет или отменяет индивидуальные права, требует согласия парламента, и что в этой связи рассматриваемая поправка должна быть принята, так как Брекзит без сделки влечет за собой изменение или отмену некоторых прав британцев⁶¹. Очевидно, что ссыла на судебный прецедент была не только весомым аргументом в пользу принятия данной поправки, но и явной угрозой в адрес кабинета Т. Мэй.

Несмотря на это, Консервативная партия, отстаивая курс правительства на “жесткий” Брекзит, выдвинула свои контраргументы. Так, консерватор барон Форсайт Драмлинский заявил, что второй параграф рассматриваемой поправки ставит невыполнимую задачу перед правительством Соединенного Королевства, поскольку оно не контролирует расписание дебатов в Европейском парламенте. Он также указал, что третий параграф поправки фактически дает Палате общин и Палате лордов право вето на Брекзит, несмотря на итоги референдума 2016 г. Кроме того, барон отметил, что четвертый параграф рассматриваемой поправки связывает руки британским переговорщикам, так как в случае ее принятия те не смогут угрожать европейским партнерам своим уходом из-за стола переговоров⁶².

Впрочем, усилия консерваторов, несмотря на их постоянные отсылки к итогам плебисцита 2016 г., оказались тщетными. В результате указанная поправка была принята: 366 членов верхней палаты проголосовали “за”, 268 — “против”⁶³. Однако в дальнейшем она была отклонена нижней палатой 331 голосом против 286⁶⁴.

В целом, дебаты по указанному законопроекту в обеих палатах парламента продемонстрировали, что в условиях существовавших расколов курс правительства на “жесткий” Брекзит не имел безусловной поддержки. Значительная часть парламентариев, осознавая, что решение избирателей, принятое на референдуме 2016 г., придется выполнять, не хотела резкого разрыва торгово-экономических связей между Лондоном и Брюсселем, которые сформировались за несколько десятилетий участия Великобритании в европейском интеграционном проекте. Оппозиционные партии, обращаясь к экономическим и юридическим аргументам, старались если не заблокировать Брекзит, то по крайней мере смягчить британскую стратегию по выходу СК из ЕС. Консервативная партия, наоборот, стремилась доказать правильность своего изначального плана по Брекзиту. В результате существовавшие меж- и внутривластные разногласия в отношении выхода СК из ЕС оказались недостаточно сильными, чтобы привести к провалу законопроекта по итогам голосования в обеих палатах парламента: он получил парламентское одобрение 13 марта 2017 г. и королевское согласие 16 марта 2017 г.⁶⁵

Несмотря на успешное прохождение законопроекта об уведомлении о выходе из Европейского союза через Палату общин и Палату лордов, положение премьер-министра было неустойчивым. Еще до принятия указанного законопроекта парламентом позиция Т. Мэй по Брекзиту подверглась критике со стороны бывших премьер-министров. 17 февраля 2017 г. лейборист Энтони Блэр призвал к проведению

⁶¹ *Great Britain. The Parliamentary Debates. House of Lords. Fifth Series. Vol. 779. Op. cit., col. 1270-1271.*

⁶² *Ibid., col. 1259-1260.*

⁶³ *European Union (Notification of Withdrawal) Bill. Division 2: Held on Tuesday 7 March 2017. UK Parliament. 07.03.2017. Available at: [https://hansard.parliament.uk/Lords/2017-03-07/division/5F7C7B15-AD41-4C81-B2BD-222455D1233A/EuropeanUnion\(NotificationOfWithdrawal\)Bill?outputType=Names](https://hansard.parliament.uk/Lords/2017-03-07/division/5F7C7B15-AD41-4C81-B2BD-222455D1233A/EuropeanUnion(NotificationOfWithdrawal)Bill?outputType=Names) (accessed 30.03.2023).*

⁶⁴ *European Union (Notification of Withdrawal) Bill. Division 179: Held on Monday 13 March 2017. UK Parliament. 13.03.2017. Available at: [https://hansard.parliament.uk/Commons/2017-03-13/division/26150670-516F-4C6A-90A1-634D22C33FC9/EuropeanUnion\(NotificationOfWithdrawal\)Bill?outputType=Names](https://hansard.parliament.uk/Commons/2017-03-13/division/26150670-516F-4C6A-90A1-634D22C33FC9/EuropeanUnion(NotificationOfWithdrawal)Bill?outputType=Names) (accessed 30.03.2023).*

⁶⁵ *European Union (Notification of Withdrawal) Act 2017. Government Bill. UK Parliament. Available at: <https://bills.parliament.uk/bills/1952/stages> (accessed 30.03.2023).*

нового референдума о членстве СК в ЕС⁶⁶. 27 февраля 2017 г. консерватор Джон Мейджор раскрыл Т. Мэй за распространение среди британцев нереалистичных и излишне оптимистических ожиданий в отношении Брекзита⁶⁷. Почувствовав угрозу своим планам, в Консервативной партии активизировались брекзитеры. 21 марта 2017 г. 72 депутата, большинство из которых составляли консерваторы, обвинили BBC в негативном отношении к сторонникам выхода СК из ЕС⁶⁸. 28 марта 2017 г. около трети членов специального комитета Палаты общин по выходу из Европейского союза покинули его заседание, поскольку посчитали, что доклад, подготовленный этим комитетом, слишком негативно оценивает будущее Великобритании вне европейского интеграционного проекта⁶⁹. Таким образом, ситуация медленно, но верно развивалась в направлении возникновения политического кризиса.

ДОСРОЧНЫЕ ВСЕОБЩИЕ ВЫБОРЫ 2017 Г. И НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

В условиях набиравшего обороты противостояния 18 апреля 2017 г. премьер-министр неожиданно объявила о намерении провести досрочные всеобщие выборы 8 июня 2017 г. и объяснила это несколькими причинами. Во-первых, необходимостью ликвидировать раскол в парламенте, обусловленный незначительным абсолютным большинством консерваторов. Во-вторых, потребностью избежать новых плановых всеобщих выборов в период наиболее сложных переговоров с Брюсселем. В-третьих, необходимостью принести стабильность и уверенность стране. В-четвертых, удачным моментом, так как ЕС еще только вырабатывал свою переговорную позицию и британо-европейские переговоры пока не начались⁷⁰.

Кроме того, существовали и другие причины этого решения. Так, Т. Мэй не имела "народного мандата", поскольку стала премьер-министром в результате отставки своего предшественника Дэвида Кэмерона, а не победы своей партии на всеобщих выборах [22, с. 190; 23, с. 157]. В этой связи она нуждалась в электоральной победе для успешного отстаивания своей первой стратегии по Брекзиту как внутри СК, так и перед ЕС [7, р. 145; 18, с. 116]. Кроме того, в правительстве стали нарастать разногласия в отношении Брекзита. Так, 12 марта 2017 г. Л. Фокс заявил, что выход СК из ЕС без сделки "будет плохим (сценарием. – И.П.) как для СК, так и для ЕС"⁷¹. В тот же день Б. Джонсон со своей стороны высказал противоположное мнение⁷². Не стоит сбрасывать со счетов и то, что все опросы общественного мнения, проведенные весной 2017 г., показывали, что консерваторы значительно опережают лейбористов⁷³. В этой связи Т. Мэй хотела использовать сложившуюся ситуацию и увеличить абсолютное

⁶⁶ Allen K. Tony Blair Calls for Fight against Theresa May's Brexit Plan. *The Financial Times*, 17.02.2017. Available at: <https://www.ft.com/content/9b25c738-f471-11e6-8758-6876151821a6> (accessed 30.03.2023).

⁶⁷ Stewart H. John Major Attacks Government over Approach to Brexit. *The Guardian*, 27.02.2017. Available at: <https://www.theguardian.com/politics/2017/feb/27/john-major-attacks-government-over-approach-to-brexit> (accessed 30.03.2023).

⁶⁸ 'Biased' BBC's 'Pessimistic & Skewed' Brexit Coverage Could Damage Britain, 70 MPs Warn. *Express*, 21.03.2017. Available at: <https://www.express.co.uk/news/uk/781748/bbc-bias-pessimistic-skewed-brexit-coverage-damage-britain-tory-labour-mps-warn-leave> (accessed 30.03.2023).

⁶⁹ Mason R. Pro-Brexit Tory MPs Walk out of Parliamentary Meeting. *The Guardian*, 28.03.2017. Available at: <https://www.theguardian.com/politics/2017/mar/28/pro-brexit-tory-mps-walk-out-of-parliamentary-meeting-hilary-benn> (accessed 30.03.2023).

⁷⁰ Read the Transcript of Theresa May's Speech Calling for a General Election. *Time*, 18.04.2017. Available at: <https://time.com/4744216/read-theresa-may-statement-general-election/> (accessed 30.03.2023).

⁷¹ Liam Fox Says No Brexit Deal 'Would Be Bad' for UK. *Sky News*, 12.03.2017. Available at: <https://news.sky.com/story/liam-fox-says-10799493> (accessed 30.03.2023).

⁷² Stone J. Collapse of Brexit Talks with the EU Would Be Fine, Boris Johnson Says. *The Independent*, 12.03.2017. Available at: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/brexit-article-50-boris-johnson-wto-would-absolutely-ok-a7625641.html> (accessed 30.03.2023).

⁷³ *Political Polling? 11th April 2017*. Opinium. 14.04.2017. Available at: <https://www.opinium.com/resource-center/political-polling-11th-april-2017/> (accessed 30.03.2023); UK General Election 2017 Poll Tracker. *The Financial Times*, 20.08.2017. Available at: <https://ig.ft.com/elections/uk/2017/polls/> (accessed 30.03.2023); YouGov / *The Times Survey Results*. YouGov. April 2017. Available at: https://d25d2506sfb94s.cloudfront.net/cumulus_uploads/document/zs2ifb9u3g/Times-Results_170413_VI_Trackers.pdf (accessed 30.03.2023); *ICM Guardian Poll — April (2) Poll*. ICM Unlimited. April 2017. Available at: https://www.icmunlimited.com/wp-content/uploads/2017/04/2017_april2-pre-campaign-guardian-poll.pdf (accessed 30.03.2023).

большинство Консервативной партии в Палате общин [7, р. 144; 22, с. 190; 23, сс. 156-157]. Наконец, по итогам всеобщих выборов 2015 г. в стране проявилась тенденция к увеличению поддержки избирателями двух ведущих партий и уменьшению электоральной поддержки третьих и малых партий⁷⁴. Вследствие этого премьер-министр рассчитывала, что удачные для нее итоги волеизъявления граждан пошатнут позиции ШНП, требовавшей проведения нового референдума о независимости Шотландии от Соединенного Королевства [18, с. 116].

Вопрос выхода Великобритании из европейского интеграционного проекта стал одной из основных тем предвыборной кампании и был отражен в манифестах партий.

Консервативная партия продолжала настаивать на осуществлении “жесткого” Брексита и в очередной раз повторила положения, изложенные в речи в Ланкастер-хаус и Белой книге “Выход Соединенного Королевства из Европейского союза и новое партнерство Соединенного Королевства и Европейского союза”⁷⁵.

Все остальные партии предложили избирателям различные альтернативные планы по Брекситу.

Лейбористская партия объявила, что исключает возможность проведения нового референдума о членстве СК в ЕС, однако возражает против подхода кабинета Т. Мэй в отношении Брексита и намеревается выработать новую британскую переговорную стратегию, которая поставит во главу угла выгоды от единого внутреннего рынка ЕС и таможенного союза ЕС. Лейбористы также высказались за предоставление гарантий сохранения прав граждан ЕС в СК и граждан СК в ЕС. Кроме того, партия отметила, что Брексит без сделки является наихудшим вариантом развития событий, и что она будет стремиться не допустить реализации данного сценария. Наконец, лейбористы обязались не допустить возникновения “жесткой” границы между Соединенным Королевством и Республикой Ирландия⁷⁶. Таким образом, партия стремилась осуществить “мягкий” Брексит.

Партия либеральных демократов заявила о неприемлемости реализации “жесткого” выхода СК из ЕС и пообещала добиться вынесения будущей сделки на референдум с альтернативным вопросом о продолжении участия Великобритании в европейском интеграционном проекте. Она также выступила за продолжение участия СК в едином внутреннем рынке ЕС и таможенном союзе ЕС и предоставление СК и ЕС взаимных гарантий сохранения прав своих граждан на территории друг друга⁷⁷. Из этого следует, что либеральные демократы были готовы повернуть вспять процесс Брексита и надеялись на поддержку наиболее проевропейски настроенной части британского общества.

Шотландская национальная партия потребовала обеспечить “место для Шотландии за столом (британо-европейских. – И.П.) переговоров” и включить пункт о продолжении участия Шотландии в едином внутреннем рынке ЕС в переговорную позицию СК⁷⁸. Таким образом, ШНП выступила за реализацию “мягкого” Брексита.

⁷⁴ Pilling S., Cracknell R. Op. cit. Pp. 16-17.

⁷⁵ *Forward, Together. Our Plan for a Stronger Britain and a Prosperous Future. The Conservative and Unionist Party Manifesto 2017*. UCREL. Available at: <http://ucrel.lancs.ac.uk/wmatrix/ukmanifestos2017/localpdf/Conservatives.pdf> (accessed 30.03.2023).

⁷⁶ *For the Many Not the Few. The Labour Party Manifesto 2017*. Internet Archive. Available at: <https://web.archive.org/web/20170610174732/http://www.labour.org.uk/page/-/images/manifesto-2017/labour-manifesto-2017.pdf> (accessed 30.03.2023).

⁷⁷ *Change Britain's Future. Liberal Democrat Manifesto 2017*. Available at: https://d3n8a8pro7vhmx.cloudfront.net/libdems/pages/1811/attachments/original/1515517284/2017_Manifesto.pdf?1515517284 (accessed 30.03.2023).

⁷⁸ *Stronger for Scotland. Manifesto 2017*. Available at: https://d3n8a8pro7vhmx.cloudfront.net/thesnp/pages/9544/attachments/original/1496320559/Manifesto_06_01_17.pdf?1496320559 (accessed 30.03.2023).

Требования смягчения британской стратегии по выходу СК из ЕС содержались и в предвыборных манифестах Шинн Фейн и Плайд Камри⁷⁹.

Лишь Партия независимости Соединенного Королевства утверждала, что СК имеет право и должно в одностороннем порядке выйти из ЕС с немедленной отменой Закона о европейских сообществах 1972 г. и без инициирования ст. 50 ДЕС, так как Брюссель не заинтересован в заключении выгодной для Лондона сделки, поскольку ЕС не хочет допустить выхода СК из своего состава⁸⁰. Из этого следует, что ПНСК выступила за реализацию Брекзита без сделки.

Таким образом, предвыборные манифесты партий, за исключением программы консерваторов, содержали альтернативные планы по выходу СК из ЕС. Это свидетельствовало о том, что первая стратегия кабинета Т. Мэй по Брекзиту все больше не устраивала различные политические силы. Кроме того, это говорило о фрагментации британского партийного спектра по вопросу выхода СК из ЕС.

Результаты досрочных всеобщих выборов 2017 г. не оправдали ожиданий премьер-министра: консерваторы утратили 13 мест и абсолютное большинство в Палате общин, при этом ни одна другая партия не смогла получить более половины мест в нижней палате⁸¹. В сложившейся ситуации с целью сохранения власти Консервативная партия была вынуждена провести переговоры и заключить соглашение о доверии и поддержке с Демократической юнионистской партией⁸².

Новое соотношение сил в Палате общин фактически делало невозможным осуществление “жесткого” выхода СК из ЕС. В начале работы обновленной нижней палаты из 650 депутатов первую стратегию кабинета Т. Мэй по Брекзиту поддерживали 297 (292 члена Консервативной партии и пять членов Лейбористской партии), переход к “мягкому” Брекзиту – 342 (255 членов Лейбористской партии, 25 членов Консервативной партии, 10 членов Демократической юнионистской партии, 52 члена других партий)⁸³.

Итоги голосования способствовали активизации сторонников “мягкого” выхода СК из ЕС. 13 июня 2017 г. министр по делам окружающей среды, продовольствия и сельских районов Майкл Гоув, бывший прежде убежденным европессимистом, заявил, что правительство должно искать “максимально возможный консенсус” в отношении Брекзита в свете результатов недавних досрочных всеобщих выборов⁸⁴. На следующий день Ф. Хэммонд отметил, что СК должно остаться в таможенном союзе ЕС⁸⁵, что прямо противоречило позиции Т. Мэй.

Тем не менее премьер-министр еще некоторое время надеялась сохранить первую стратегию Соединенного Королевства по Брекзиту. В ее втором кабинете, сформированном 11 июня 2017 г., все убежденные европессимисты, в том числе Д. Дэвис, Л. Фокс, Б. Джонсон, сохранили свои посты. Перелом наметился к осени

⁷⁹ Sinn Féin Westminster Election Manifesto 2017. Sinn Féin. Available at: <https://www.sinnfein.ie/files/2017/2017WestminsterManifesto.pdf> (accessed 30.03.2023); Plaid Cymru. Action Plan 2017. UCREL. Available at: <https://ucrel.lanacs.ac.uk/wmatrix/ukmanifestos2017/localpdf/PlaidCymru.pdf> (accessed 30.03.2023).

⁸⁰ Britain Together. UKIP 2017 Manifesto. Available at: https://d3n8a8pro7vhmx.cloudfront.net/ukipdev/pages/3944/attachments/original/1495695469/UKIP_Manifesto_June2017Opt.pdf (accessed 30.03.2023).

⁸¹ Pilling S., Cracknell R. Op. cit. P. 17.

⁸² Agreement between the Conservative and Unionist Party and the Democratic Unionist Party on Support for the Government in Parliament. GOV.UK. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/621794/Confidence_and_Supply_Agreement_between_the_Conservative_Party_and_the_DUP.pdf (accessed 30.03.2023).

⁸³ Lilico A. What Could Labour Push for on a “Softer Brexit” and Would Conservative MPs Support It? *Reaction*, 13.06.2017. Available at: <https://reaction.life/labour-push-softer-brexite-conservative-mps-support/> (accessed 30.03.2023).

⁸⁴ Michael Gove: UK Needs ‘Maximum Possible Consensus’ on Brexit. *Politico*, 13.06.2017. Available at: <https://www.politico.eu/article/michael-gove-uk-needs-maximum-possible-consensus-on-brexite/> (accessed 30.03.2023).

⁸⁵ Bulman M. Brexit: Philip Hammond ‘Wants UK to Stay in Customs Union’. *The Independent*, 14.06.2017. Available at: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/brexit-philip-hammond-customs-union-eu-uk-stay-theresa-may-tories-chancellor-a7788786.html> (accessed 30.03.2023).

2017 г. Давление противников “жесткого” Брекзита постоянно нарастало, Лондону не удалось добиться от Брюсселя никаких уступок в ходе британо-европейских переговоров, рейтинг доверия британцев к премьер-министру постоянно падал. Так, согласно опросу, проведенному в начале июля 2017 г., деятельность Т. Мэй как лидера Консервативной партии одобряли 31% респондентов, не одобряли – 51%⁸⁶. Проблема, однако, заключалась в том, что резкая смена британской стратегии по выходу СК из ЕС была чревата углублением существовавших расколов, поэтому премьер-министр действовала крайне осторожно.

22 сентября 2017 г. во Флоренции Т. Мэй произнесла речь, в которой наметилось смягчение стратегии Соединенного Королевства по Брекзиту. Во-первых, премьер-министр не упомянула возможность выхода СК из ЕС без сделки и, более того, заявила об опасности реализации данного сценария. Во-вторых, она сообщила, что в течение переходного периода “доступ на рынки друг друга должен сохраняться на текущих условиях, и Британия также должна продолжать участвовать в существующих мерах безопасности”, и что оптимальным сроком переходного периода ей представляется временной промежутком около двух лет. В-третьих, Т. Мэй отметила, что Великобритания будет соблюдать свои обязательства, вытекающие из участия в европейском интеграционном проекте, в частности, в отношении платежей в его бюджет. В-четвертых, премьер-министр подчеркнула, что СК может продолжить участвовать в определенных политиках и программах ЕС и, соответственно, платить за них взносы, если они будут взаимовыгодными для Лондона и Брюсселя⁸⁷.

Несмотря на то, что официального отказа от курса на “жесткий” Брекзит не произошло, выступление премьер-министра вызвало недовольство сторонников “жесткого” выхода СК из ЕС. Так, незадолго до партийной конференции консерваторов в Манчестере Б. Джонсон назвал свои четыре “красные линии” в отношении Брекзита для Т. Мэй. Наиболее важной из них была продолжительность переходного периода максимум в два года “и не секундой больше”⁸⁸. Эта “красная линия” была жестче позиции премьер-министра, так как Т. Мэй в речи во Флоренции заявила о продолжительности переходного периода около двух лет⁸⁹. Три остальных “красных линии” включали в себя отказ СК соблюдать новое законодательство ЕС и новые постановления Суда ЕС в течение переходного периода, отсутствие платы со стороны СК за доступ к единому внутреннему рынку ЕС после окончания переходного периода, отказ СК от соблюдения законодательства ЕС для получения доступа к единому внутреннему рынку ЕС⁹⁰. Уже на самой партийной конференции, вопреки заявлению Т. Мэй в речи во Флоренции об опасности осуществления Брекзита без сделки, Д. Дэвис допустил возможность такого варианта развития событий, если Лондон не добьется желаемого по итогам переговоров с Брюсселем⁹¹.

Осознавая силу “жестких” брекзитеров в Консервативной партии, Т. Мэй стала не спеша и тщательно готовить почву для смены буксававшего курса на “жесткий” выход СК из ЕС. После досрочных всеобщих выборов 2017 г. премьер-министр начала постепенно менять сторонников “жесткого” Брекзита на лояльных себе молодых функционеров в правительстве, и к январю 2018 г. на 71% обновила состав министров и заместителей министров⁹². Наконец, 5 июля 2018 г. Т. Мэй официально объявила о смене британской

⁸⁶ Helm T. Theresa May's Ratings Slump in Wake of General Election – Poll. *Guardian*, 02.07.2017. Available at: <https://www.theguardian.com/politics/2017/jul/01/over-60-of-voters-view-theresa-may-as-pm-negatively-poll> (accessed 30.03.2023).

⁸⁷ PM's Florence Speech: A New Era of Cooperation and Partnership Between the UK and the EU. GOV.UK. 22.09.2017. Available at: <https://www.gov.uk/government/speeches/pms-florence-speech-a-new-era-of-cooperation-and-partnership-between-the-uk-and-the-eu> (accessed 30.03.2023).

⁸⁸ Newton Dunn T. Brexity Beast Boris Johnson Reveals His Four Brexit 'Red Lines' for Theresa May. *Sun*, 29.09.2017. Available at: <https://www.thesun.co.uk/news/4580334/boris-johnson-pm-brexite-red-lines/> (accessed 30.03.2023).

⁸⁹ PM's Florence Speech: A New Era of Cooperation... Op. cit.

⁹⁰ Newton Dunn T. Op. cit.

⁹¹ David Davis — 2017 Speech at Conservative Party Conference. UKPOL.CO.UK. 08.10.2017. Available at: <https://www.ukpol.co.uk/david-davis-2017-speech-at-conservative-party-conference/> (accessed 30.03.2023).

⁹² Freeguard G., Campbell L., Cheung A., Lilly A., Baker Ch. *Whitehall Monitor 2018: The General Election, Brexit and beyond*. Institute for Government, 2018, pp. 5, 15, 19. Available at: <https://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/>

стратегии по выходу СК из ЕС на заседании кабинета в своей загородной резиденции Чекерс. При этом позиции сторонников “жесткого” Брексита в высших эшелонах власти оставались сильны, поскольку премьер-министру потребовалось 12 часов на убеждение министров в необходимости данного шага⁹³ и юридического оформления их согласия на изменение стратегии Соединенного Королевства по Брекситу как заявления правительства⁹⁴. В дальнейшем новый план консерваторов по выходу СК из ЕС был подробно раскрыт в опубликованной 12 июля 2018 г. Белой книге “Будущие отношения между Соединенным Королевством и Европейским союзом”⁹⁵.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ политической борьбы от обнародования кабинетом Т. Мэй своей первой стратегии по Брекситу в январе–феврале 2017 г. и до ее смены в июле 2018 г. позволяет утверждать, что на протяжении этого периода она развивалась по нарастающей. Различное понимание текущих и будущих отношений между Лондоном и Брюсселем в британском обществе и ряд других факторов стали причиной того, что изначальный план консерваторов по Брекситу формировался достаточно долго, и сразу после своего обнародования стал объектом серьезной критики. Так, противники курса правительства на “жесткий” выход Соединенного Королевства из Европейского союза в парламенте последовательно приводили весомые экономические и юридические аргументы в пользу его несостоятельности. В свою очередь, консерваторы, опираясь на абсолютное большинство в Палате общин, отчаянно пытались отбить все нападки и доказать разумность своего изначального плана по Брекситу. Ключевую роль в битве за “жесткий” выход Великобритании из Евросоюза сыграли досрочные всеобщие выборы 2017 г. В условиях “подвешенного” парламента, отсутствия прогресса на британо-европейских переговорах, нараставшей критики правительства со стороны оппозиционных партий, постоянного падения рейтинга доверия к премьер-министру среди британцев Т. Мэй была вынуждена смягчить стратегию Соединенного Королевства по Брекситу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Fabbrini F., ed. *The Law & Politics of Brexit*. Oxford, Oxford University Press, 2017. 336 p.
2. Fabbrini F., ed. *The Law & Politics of Brexit: Volume II: The Withdrawal Agreement*. Oxford, Oxford University Press, 2020. 336 p.
3. Fabbrini F., ed. *The Law & Politics of Brexit: Volume III: The Framework of New EU–UK Relations*. Oxford, Oxford University Press, 2021. 336 p.
4. Fabbrini F., ed. *The Law & Politics of Brexit: Volume IV: The Protocol on Ireland / Northern Ireland*. Oxford, Oxford University Press, 2022. 320 p.
5. Fabbrini F. The Brexit Negotiations and the May Government. *European Journal of Legal Studies*, 2019, Special Issue: The Brexit Negotiations and the May Government, pp. 1–22.
6. Jones E. The Negotiations: Hampered by the UK’s Weak Strategy. *European Journal of Legal Studies*, 2019, Special Issue: The Brexit Negotiations and the May Government, pp. 23–58.
7. Adam R. *Brexit: Causes and Consequences*. Cham, Springer, 2020. 300 p.
8. McGowan L. *Preparing for Brexit: Actors, Negotiations and Consequences*. London, Palgrave Macmillan, 2018. 133 p.
9. Avril E. Labour and the Interplay of Brexit and Electoral Politics. *Journal of Contemporary European Studies*, 2021, vol. 29, no. 3, pp. 335–350. DOI: 10.1080/14782804.2020.1846505
10. Allen N. “Brexit Means Brexit”: Theresa May and Post-Referendum British Politics. *British Politics*, 2018, vol. 13, iss. 1, Special Issue: The Politics of Brexit, pp. 105–120. DOI: 10.1057/s41293-017-0067-3
11. Gamble A. Taking Back Control: The Political Implications of Brexit. *Journal of European Public Policy*, 2018, vol. 25, no. 8, pp. 1215–1232. DOI: 10.1080/13501763.2018.1467952
12. McConnell A., Tormey S. Explanations for the Brexit Policy Fiasco: Near-Impossible Challenge,

[publications/5890%20IFG%20-%20Whitehall%20Monitor%202018%20web.pdf](#) (accessed 30.03.2023).

⁹³ What the Cabinet Has Agreed at Chequers Brexit Meeting. *The Guardian*, 07.07.2018. Available at: <https://www.theguardian.com/politics/2018/jul/06/what-the-cabinet-has-agreed-at-chequers-brexit-meeting> (accessed 30.03.2023).

⁹⁴ Statement from HM Government. GOV.UK. 06.07.2018. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/723460/CHEQUERS_STATEMENT_-_FINAL.PDF (accessed 30.03.2023).

⁹⁵ *The Future Relationship between the United Kingdom and the European Union*. GOV.UK. July 2018. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/786626/The_Future_Relationship_between_the_United_Kingdom_and_the_European_Union_120319.pdf (accessed 30.03.2023).

- Leadership Failure or Westminster Pathology? *Journal of European Public Policy*, 2020, vol. 27, no. 5, Special Issue: The Brexit Policy Fiasco, pp. 685-702. DOI: 10.1080/13501763.2019.1657485
13. Cygan A. Legislating for Brexit: "The People" versus Parliament? *Global Policy*, 2022, vol. 3, supplement 2, Special Issue: Brexit – Past, Present and Future, pp. 47-57. DOI: 10.1111/1758-5899.13066
  14. Hayton R. Brexit and Party Change: The Conservatives and Labour at Westminster. *International Political Science Review*, 2022, vol. 43, iss. 3, Special Issue: The Brexit Effect: Political Implications of the Exit of the United Kingdom from the European Union, pp. 345-358. DOI: 10.1177/01925121211003787
  15. Xu R., Lu Y. Intra-Party Dissent over Brexit in the British Conservative Party. *British Politics*, 2022, vol. 17, iss. 3, pp. 274-297. DOI: 10.1057/s41293-021-00165-9
  16. Ананьева Е.В., отв. ред. *Правительство Т. Мэй – год у власти. Досрочные выборы 2017 г.* Москва, Институт Европы РАН, 2017. 140 с. [Ananieva E.V., ed. *T. May's Government – a Year in Power. Snap General Elections–2017*. Moscow, Institute of Europe RAS, 2017. 140 p. (In Russ.)]
  17. Ананьева Е.В., отв. ред. *Правительство меньшинства Терезы Мэй – год у власти.* Москва, Институт Европы РАН, 2018. 122 с. [Ananieva E.V., ed. *The May's Minority Government – a Year in Power*. Moscow, Institute of Europe RAS, 2018. 122 p. (In Russ.)]
  18. Ананьева Е.В. Брекзит: причины, политический фон, последствия. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 2017, т. 10, № 6, сс. 98-119. [Ananieva E.V. Brexit: Reasons, Political Background, Implications. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 2017, vol. 10, no. 6, pp. 98-119. (In Russ.)] DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-6-98-119
  19. Ананьева Е.В. Разобценная Британия. *Современная Европа*, 2017, № 5 (77), сс. 5-15. [Ananieva E.V. Divided Britain. *Contemporary Europe*, 2017, no. 5 (77), pp. 5-15. (In Russ.)]
  20. Ананьева Е.В. Путь Британии к "жесткому" брекзиту. *Современная Европа*, 2020, № 7 (100), сс. 16-26. [Ananieva E.V. The Path of UK to the "Hard" Brexit. *Contemporary Europe*, 2020, no. 7 (100), pp. 16-26. (In Russ.)]
  21. Годованюк К.А. Брекзит как ключевой фактор британской политической жизни. *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*, 2018, № 2 (16), сс. 71-84. [Godovanyuk K.A. Brexit as the Key Factor of British Political Life. *Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World*, 2018, no. 2 (16), pp. 71-84. (In Russ.)]
  22. Ковалев И.Г. Стратегия только по названию. *Россия в глобальной политике*, 2018, т. 16, № 5, сс. 185-197. [Kovalev I.G. Strategy in Name Only. *Russia in Global Affairs*, 2018, vol. 16, no. 5, pp. 185-197. (In Russ.)]
  23. Ковалев И.Г. Великобритания и Европейский союз: сложный путь к постбрекзиту. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 2019, т. 12, № 3, сс. 151-169. [Kovalev I.G. Britain and the European Union: A Difficult Path to Post-Brexit. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 2019, vol. 12, no. 3, pp. 151-169. (In Russ.)] DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-151-169
  24. Морозова А.Е. Вопрос Брекзита в предвыборной риторике британских политических партий и их лидеров накануне досрочных парламентских выборов 8 июня 2017 г. *Вестник Томского государственного университета. История*, 2018, № 52, сс. 43-48. [Morozova A.E. Question of Brexit in Pre-Election Rhetoric of the British Political Parties and Their Leaders on the Eve of Snap Parliamentary Elections on June 8 2017. *Tomsk State University Journal of History*, 2018, no. 52, pp. 43-48. (In Russ.)] DOI: 10.17223/19988613/52/8

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПОСЛЕ ВСЕОБЩИХ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 2019 Г.

© КОВАЛЕВ И.Г., НАЗРУК Т.В., 2023

КОВАЛЕВ Игорь Георгиевич, доктор исторических наук, профессор, первый заместитель декана факультета мировой экономики и мировой политики. Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", РФ, 109028 Москва, Покровский бульвар, 11 (ikovalev@hse.ru), ORCID: 0000-0001-6848-8389

НАЗРУК Татьяна Валерьевна, аспирант Аспирантской школы по международным отношениям и зарубежным региональным исследованиям. Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", РФ, 109028 Москва, Покровский бульвар, 11 (tnazaruk@hse.ru), ORCID: 0000-0003-0819-8122

Ковалев И.Г., Назарук Т.В. Основные тенденции в развитии партийно-политической системы Великобритании после всеобщих парламентских выборов 2019 г. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2023, № 1, сс. 76-86. DOI: 10.20542/afij-2023-1-76-86

DOI: 10.20542/afij-2023-1-76-86

EDN: VMMAGW

УДК: 329.63(410)

Поступила в редакцию 12.09.2022.

После доработки 02.02.2023.

Принята к публикации 22.05.2023.

Всеобщие парламентские выборы 2019 г. в Великобритании проходили в условиях затянувшегося общественно-политического кризиса: это были вторые досрочные выборы за три года, что крайне нетипично для Британии. Голосование состоялось после отставки Т. Мэй, которая, исчерпав все возможности обеспечить поддержку своего проекта Соглашения о выходе Британии из ЕС в Палате общин, приняла решение покинуть пост премьер-министра и лидера консерваторов. Вскоре после победы тори выход страны из ЕС, который был главным камнем преткновения в политическом дискурсе целых три года, был наконец завершен новым лидером партии Б. Джонсоном. Тогда казалось, что основные противоречия преодолены, однако пандемия COVID-19 стала еще одной проверкой на прочность для политической системы страны, а сам Б. Джонсон оказался вовлечен в ряд скандалов, которые привели не просто к снижению уровня доверия к премьер-министру, а к его отставке. На фоне нестабильности в политической жизни страны также менялась роль региональных партий, которые в качестве сил оппозиционного давления оказывают существенное влияние на внутривнутриполитическую повестку. В статье исследованы особенности развития партийно-политической системы Великобритании в преддверии и после всеобщих парламентских выборов 2019 г. В первую очередь внимание уделяется анализу итогов выборов, исследованию политики Б. Джонсона в условиях кризиса, оценке подходов Лейбористской партии при К. Стармере и анализу трансформации роли региональных партий в стране. В статье также выделяются факторы развития современной партийно-политической системы Великобритании. Главный вывод состоит в том, что, несмотря на глубокий и продолжительный политический кризис в стране, система остается устойчивой. Более того, Консервативной партии удается в этих обстоятельствах сохранять в ней доминирующую роль.

Ключевые слова: парламентские выборы 2019 г., консерваторы, лейбористы, Брексит, Борис Джонсон, внутрипартийный раскол, региональные партии.

Вклад авторов: Ковалев И.Г. – концептуализация, написание-рецензирование и редактирование, утверждение окончательного варианта статьи.
Назарук Т.В. – написание-оригинальный проект, формирование выводов исследования.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов финансового и нефинансового характера.

THE MAIN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE UK PARTY-POLITICAL SYSTEM AFTER THE 2019 GENERAL PARLIAMENTARY ELECTIONS

Received 12.09.2022. Revised 02.02.2023. Accepted 22.05.2023.

Igor G. KOVALEV (ikovalev@hse.ru), ORCID: 0000-0001-6848-8389,
National Research University 'Higher School of Economics', 11, Pokrovsky Bulvar, Moscow 109028, Russian Federation.

Tatiana V. NAZARUK (tnazaruk@hse.ru), ORCID: 0000-0003-0819-8122,
National Research University 'Higher School of Economics', 11, Pokrovsky Bulvar, Moscow 109028, Russian Federation.

The 2019 general parliamentary elections in the UK took place in the context of a prolonged socio-political crisis: it was the second early election in three years, which is extremely atypical for Britain. Elections were held after resignation of T. May, who after several attempts failed to get support for her draft Agreement on Britain's withdrawal from the EU in the House of Commons and decided to leave the post of prime minister and leader of the Conservatives. Shortly after the victory of the Tories, the exit of the country from the EU, which was the main stumbling block in political discourse for three whole years, was finally completed by the new Tory leader B. Johnson. Then it seemed that the main contradictions had been overcome, but the coronavirus pandemic became another test of strength for the country's political system, and B. Johnson himself fell into a series of scandals that led not only to a declining trust in the prime minister, but to his resignation. Against the backdrop of instability in the political life of the country, the role of regional parties has also changed, which, as forces of opposition pressure, have a significant impact on the domestic political agenda. This article examines features of the development of the UK party-political system on the eve and after the 2019 general parliamentary elections. First of all, attention is paid to analyzing the election results, to the study of B. Johnson's policy in a period of crisis, the assessment of the approaches of the Labour Party under K. Starmer, and the analysis of the transforming role of regional parties in the country. The article also highlights the factors in the development of the modern party-political system in Great Britain. The main conclusion of the article is that despite the deep and prolonged political crisis in the country, the system remains stable and, moreover, the Conservative Party manages to maintain its dominance in these circumstances.

Keywords: 2019 parliamentary elections, Conservatives, Labour, Brexit, Boris Johnson, intra-party split, regional parties.

About the author: Igor G. KOVALEV, Doct. Sci. (Hist.), Professor, First Deputy Dean, Faculty of World Economy and International Affairs.

Tatiana V. NAZARUK, Postgraduate, Doctoral School of International Relations and Regional Studies.

Authors contribution: Kovalev I.G. – conceptualization, writing - reviewing and editing, approval of the final version of the article.

Nazaruk T.V. – writing - an original project, interpretation of the research results.

Competing interests: no potential competing financial or non-financial interest was reported by the authors.

ВВЕДЕНИЕ

Английская двухпартийная система, возникшая в последней трети XVII в., впоследствии не только стала образцом для значительной части других государств мира, но и на протяжении нескольких столетий была ключевым элементом всей структуры государственного управления Великобритании, обеспечивая ее относительную стабильность и предсказуемость. Вместе с тем очевидно, что за все время своего существования она была подвержена постоянным изменениям, приспосабливаясь к меняющимся социально-экономическим реалиям, реагируя на вызовы времени. Порой это приводило к довольно существенным трансформациям. Так, после Первой мировой войны Либеральная партия постепенно утратила позицию одной из ведущих политических сил в стране, уступив эту роль лейбористам. Основным катализатором, вызывавшим периодические трансформации партийной системы Соединенного Королевства, как правило, были серьезные кризисы, ставившие под сомнение способность прежних политических элит разрешать возникшие проблемы и обеспечивать дальнейшее поступательное развитие страны.

На рубеже первых двух десятилетий текущего столетия сформировался целый комплекс новых внутренних и внешних факторов, ставших серьезными вызовами для британского истеблишмента. Сложный и не до конца понятный процесс формирования новой многополярной системы международных отношений, Брекзит, постепенно переросший в острейший из случившихся за последнее столетие политический кризис, серьезные социальные и экономические проблемы, вызванные пандемией COVID-19, требовали от властей страны быстрой и эффективной реакции.

Однако на фоне указанных вызовов динамика развития партийно-политической системы выглядела, на первый взгляд, скорее регрессивной. Итоги всеобщих парламентских выборов 2015 г. продемонстрировали, что рост популярности среди избирателей третьих и малых партий, отмечавшийся с последней трети XX в., прекратился. На этом фоне активные дискуссии о переходе Соединенного Королевства к двухсполовинной партийной системе, которые велись в экспертном и научном сообществах на протяжении нескольких десятилетий, окончательно канули в небытие. С другой стороны, нарастающий комплекс новых проблем создавал предпосылки для обострения политической борьбы, поиска иных инструментов и механизмов для разрешения кризисных ситуаций.

УГЛУБЛЕНИЕ КРИЗИСА

Центральным вопросом, оказывавшим существенное влияние на всю партийно-политическую систему Соединенного Королевства в конце первого десятилетия XXI в., бесспорно, стал Брекзит. Завершение сложного и болезненного процесса выхода из европейского интеграционного проекта должно было не только продемонстрировать, что политики реализуют на практике волю народа, высказанную на референдуме 2016 г., но и подтвердить наметившуюся тенденцию к возрождению классической бипартийности. Вместе с тем итоги досрочных всеобщих парламентских выборов 2017 г. нельзя было однозначно трактовать как подтверждение укрепления традиционной системы. Несмотря на то, что за две ведущие партии проголосовало 82.3% избирателей, итоговое распределение депутатских мандатов зафиксировало ситуацию “подвешенного парламента” [1]. Консерваторы, потеряв 13 депутатских мандатов, утратили абсолютное большинство в Палате общин [2].

Кабинет Терезы Мэй устоял только благодаря спешно заключенному соглашению о сотрудничестве с Демократической юнионистской партией. Парадокс заключался в том, что при сохранении тенденции к сокращению представительства в законодательном органе страны третьих партий (по итогам выборов 2017 г. они обладали всего 71 мандатом, в то время как в 2005 г. – 93 [2]), именно поддержка небольшой региональной партии позволила сохранить относительную работоспособность парламента в условиях набравшего обороты кризиса.

Существенным вызовом для возрождавшейся двухпартийности было и сохранение глубоких меж- и внутрипартийных расколов по ключевому вопросу повестки дня. В новом составе Палаты общин из 650 депутатов правительственную стратегию “жесткого Брекзита” кабинета Т. Мэй готовы были поддержать только 297 парламентариев (292 консерватора и пять лейбористов). В то же время за переход к “мягкому” варианту разрыва отношений с ЕС выступали 342 народных избранника (255 лейбористов, 25 консерваторов и 62 члена других парламентских партий)¹. Согласование в ноябре 2018 г. проекта Соглашения о выходе из ЕС² (Великобритания была вынуждена согласиться практически на все требования Брюсселя) не смогло изменить ситуацию в лучшую сторону, так как оно “носило компромиссный, половинчатый характер” и в итоге не удовлетворило ни брекзитеров, ни бремейнеров [3, с. 161].

Отчаянные попытки кабинета Т. Мэй добиться одобрения “Соглашения...” парламентариями закончились фиаско. Во время голосования, состоявшегося 15 января 2019 г., против предложения правящей партии выступили 432 депутата, причем 118 из них были консерваторами. Беспрецедентное за всю историю Соединенного Королевства поражение правительства с перевесом в 230 голосов ярко отражало масштабы и глубину политического кризиса³.

В итоге из-за провала всех попыток согласовать текст “Соглашения...” с Палатой общин правительство было вынуждено просить Брюссель об отсрочке ранее зафиксированной даты выхода Великобритании из ЕС. Таки не сумев преодолеть глубокий внутрипартийный раскол, Т. Мэй, исчерпавшая к тому же все возможности получить необходимую для завершения реализации Брекзита поддержку парламентариев, 24 мая 2019 г. объявила об уходе с поста лидера тори. Новым главой Консервативной партии, премьер-министром и человеком, призванным вывести Великобританию из острейшего партийно-политического кризиса, стал убежденный брекзитер Борис Джонсон.

ВЫБОРЫ КАК ВОЗМОЖНОСТЬ

Ситуация, сложившаяся вокруг процесса Брекзита к осени 2019 г., многим казалась абсолютно неразрешимой. Осознавая, что непреклонная позиция переговорщиков со стороны ЕС, соотношение сил в Палате общин, а также раскол внутри правящей партии вряд ли позволят реализовать прежний план разрыва отношений с бывшими партнерами по европейскому интеграционному проекту, Б. Джонсон предпринял ряд экстраординарных шагов, оказавших существенное влияние на исторически сложившиеся взаимоотношения внутри партийно-политической системы страны.

В своей первой речи после вступления в должность премьер-министра он пообещал, что Соединенное Королевство покинет ЕС в соответствии с “Соглашением...” или без него не позднее 31 октября 2019 г.⁴ Затем правительство тори анонсировало выделение 2.1 млрд ф. ст. на подготовку к Брекзиту без “Соглашения...”⁵. Столь радикальные планы, по замыслу премьер-министра, должны были сделать более сговорчивыми его политических оппонентов. Лидер консерваторов демонстрировал решимость добиться выхода Великобритании из ЕС, невзирая ни на какие обстоятельства и препоны. Б. Джонсон даже убедил королеву Елизавету II одобрить его план о приостановке работы парламента с 10 сентября по 14 октября 2019 г., аргументируя это необходимостью

¹ Lilico A. What Could Labour Push for on a “Softer Brexit” and Would Conservative MPs Support It? *Reaction*, 13.06.2017. Available at: <https://reaction.life/labour-push-softer-brexite-conservative-mps-support/> (accessed 20.01.2023).

² Далее – “Соглашение...”.

³ Stewart H., Boffey D. Theresa May Suffers Historic Defeat in Vote as Tories Turn Against Her. *The Guardian*, 16.01.2019. Available at: <https://www.theguardian.com/politics/2019/jan/15/theresa-may-suffers-historic-defeat-as-tories-turn-against-her> (accessed 20.01.2023).

⁴ *Boris Johnson's First Speech as Prime Minister: 24 July 2019*. Government of the United Kingdom. 24.07.2019. Available at: <https://www.gov.uk/government/speeches/boris-johnsons-first-speech-as-prime-minister-24-july-2019> (accessed 20.01.2023).

⁵ Sodha S. £2.1bn on No-Deal Preparations? It Will Seem Like Peanuts if Britain Crashes Out. *The Guardian*, 01.08.2019. Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/aug/01/no-deal-preparations-britain-boris-johnson-eu> (accessed 10.12.2022).

подготовки новой программы законотворческой деятельности⁶. Фактически это была попытка отстранить оппозицию, а также противников внутри собственной партии от обсуждения и реализации правительственной стратегии Брекзита.

Неудивительно, что такой шаг Б. Джонсона вызвал не только многотысячные акции протеста, состоявшиеся в крупнейших городах Великобритании, но и подачу трех судебных исков, в которых ставилось под сомнение право премьер-министра добиваться приостановки работы парламента⁷. Точку в этом громком скандале поставил Верховный суд Соединенного Королевства, который единогласным решением коллегии судей признал инициативу премьер-министра “незаконной и бесполезной” и отменил ее⁸. Депутаты после возобновления работы парламента перешли в контрнаступление и одобрили большинством голосов законопроект, запрещающий выход страны из ЕС без “Соглашения...”⁹. В этих условиях Б. Джонсону не оставалось ничего иного, кроме как добиваться “народного мандата” на выполнение своего плана “жесткого Брекзита”. Премьер-министр предложил провести вторые подряд внеочередные всеобщие парламентские выборы, но не смог заручиться поддержкой двух третей депутатов Палаты общин, необходимой для реализации такой инициативы согласно норме Акта о фиксированном сроке полномочий парламента 2011 г.¹⁰

Выход из сложившейся патовой ситуации неожиданно для многих предложили Либерально-демократическая партия и шотландские националисты. Они инициировали законопроект о досрочных всеобщих парламентских выборах 2019 г., для одобрения которого было достаточно простого большинства голосов. По сути, правящая партия постоянными угрозами реализации проекта “жесткого Брекзита” и выхода из ЕС без сделки, что было абсолютно неприемлемо для представителей этих двух парламентских партий, обладавших в сумме всего 47 мандатами в Палате общин, спровоцировала их на выдвижение билля, позволявшего обойти, казалось бы, непреодолимые законодательные ограничения. В итоге к 31 октября он был одобрен обеими палатами парламента и принят, открыв для тори возможность прямого обращения к избирателям по ключевому вопросу повестки дня¹¹.

Следует отметить, что в рамках предвыборной кампании, стартовавшей 6 ноября 2019 г., помимо ожесточенных дискуссий о том, как осуществлять Брекзит и стоит ли вообще разрывать отношения с ЕС, консерваторы выдвинули ряд идей, способных оказать существенное влияние на дальнейшее функционирование партийно-политической системы Соединенного Королевства. В манифесте “Сделаем Брекзит реальностью” они предложили несколько новаций, призванных сохранить и укрепить их доминирующее положение. Например, в программном документе тори предлагалось отменить Акт о фиксированном сроке полномочий парламента 2011 г. Также они заявили о намерении сохранить действующую на общенациональном уровне мажоритарную систему относительного большинства и выступили категорически против снижения 18-летнего

⁶ Perraudin F., Quinn B., Jedidajah O. Suspension of Parliament: Mps React with Fury and Davidson Set to Quit After Johnson Move – As It Happened. *The Guardian*, 28.08.2019. Available at: <https://www.theguardian.com/politics/live/2019/aug/28/pending-review-set-for-next-week-fuels-election-speculation-live?page=with:block-5d668a668f08ea59f447a9f1#block-5d668a668f08ea59f447a9f1> (accessed 12.12.2022).

⁷ UK Parliament Suspension: Thousands Protest, Chanting ‘Stop the Coup’ 2019. *The Irish Times*, 31.08.2019. Available at: <https://www.irishtimes.com/news/world/uk/uk-parliament-suspension-thousands-protest-chanting-stop-the-coup-1.4003802> (accessed 10.12.2022); MacAskill A., James W. Factbox: UK Government Ensnared in Court Battles over Suspending Parliament. *Reuters*, 30.08.2019. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-britain-eu-courtcases-factbox-idUSKCN-1VK1LK> (accessed 10.12.2022).

⁸ *Judgment R (on the Application of Miller) (Appellant) v The Prime Minister (Respondent) Cherry and Others (Respondents) v Advocate General for Scotland (Appellant) (Scotland)*. Supreme Court of the United Kingdom. 2019. Available at: <https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2019-0192-judgment.pdf> (accessed 20.01.2023).

⁹ *European Union (Withdrawal) (No.6) Bill: Commons Stages*. UK Parliament. 04.09.2019. Available at: <https://www.parliament.uk/business/news/2019/september/commons-european-union-withdrawal-no6-bill/> (accessed 15.12.2022).

¹⁰ Mps Reject Boris Johnson’s Call for General Election On 15 October – Video. *The Guardian*, 04.09.2019. Available at: <https://www.theguardian.com/politics/video/2019/sep/04/mps-vote-to-reject-early-general-election-video> (accessed 20.01.2023).

¹¹ *Royal Assent*. UK Parliament. 31.10.2019. Available at: <https://hansard.parliament.uk/lords/2019-10-31/debates/E095C72C-BD9D-489F-BD54-CB67D51A195E/RoyalAssent> (accessed 15.12.2022).

возрастного ценза для избирателей. Наконец, консерваторы пообещали пересмотреть границы существующих одномандатных округов с целью выравнивания количества избирателей в них¹². Вне всякого сомнения, кабинет Б. Джонсона сделал выводы из предшествующего противостояния с оппозицией и пытался найти инструменты, которые дали бы дополнительные конкурентные преимущества правящей партии.

Вместе с тем, стремясь обезопасить себя от критики со стороны политических оппонентов и надеясь расширить свою электоральную базу, консерваторы предложили и ряд откровенно популистских мер, направленных на устранение некоторых практик в избирательном процессе, несоответствующих современным представлениям о демократии. Например, они заявили, что будут добиваться отказа от практики голосования по почте, намеревались отменить 15-летний срок ограничения избирательных прав для экспатов, а также пообещали ввести правило, согласно которому избирательные бюллетени будут выдаваться гражданам только после идентификации их личности¹³.

Чрезвычайно интересными и отчасти неожиданными оказались итоги парламентских выборов 2019 г. Консерваторы сумели опровергнуть тезис о том, что расколотые партии выборы не выигрывают, и одержали убедительную победу. Их представительство в Палате общин увеличилось на 48 депутатов, а по доле проголосовавших за них граждан (43.6%) тори показали лучший результат после 1979 г. [4]. Победа консерваторов во многом стала возможной из-за усталости населения от неопределенностей, связанных с Брекситом, поэтому проведение предвыборной кампании под уверенным лозунгом “Сделаем Brexit реальностью” стало для тори удачной стратегией [5, с. 83]. Таким образом, консерваторы не только сохранили власть в своих руках, но и вновь обрели абсолютное большинство в нижней палате парламента. Более того, теперь у них был вожденный “народный мандат” на реализацию своего плана выхода из ЕС.

Лейбористская партия смогла завоевать всего 202 мандата, и ее фракция сократилась на 60 депутатов, что стало худшим результатом после 1935 г. [4] Главный тезис предвыборного манифеста лейбористов – обещание провести повторный референдум о членстве Великобритании в ЕС для того, чтобы британский народ смог принять “окончательное решение”, поскольку “проект соглашения Бориса Джонсона еще хуже проекта Терезы Мэй” оказался ошибочным¹⁴. По мнению профессоров Манчестерского университета М. Соболевской и Р. Форда, выборы 2019 г. в полной мере продемонстрировали тенденции, которые формировались последние два десятилетия. В частности, это ярко проявилось в борьбе за так называемый электорат красной стены или традиционных сторонников лейбористов, которых тори смогли привлечь на свою сторону. Произошло это, как считают британские исследователи, прежде всего за счет мобилизации белых избирателей, которые впервые получили право принимать участие в голосовании на выборах и которые неформально выступали “за” выход Великобритании из ЕС, но не имели возможности высказаться по этому вопросу на референдуме в 2016 г. [6, p. 5]

Важно также отметить, что итоги выборов 2019 г. в целом не давали оснований говорить о серьезных проблемах в функционировании двухпартийной системы страны. Несмотря на то, что по сравнению с выборами 2017 г. доля избирателей, проголосовавших за две ведущие партии, сократилась до 75.71%, а представительство третьих партий в Палате общин выросло до 82 депутатов, было очевидно, что основная политическая борьба будет разворачиваться именно между консерваторами и лейбористами [4]. Из третьих парламентских партий успеха в 2019 г. смогли добиться только шотландские националисты, которые увеличили свое представительство в Палате общин на 13 мест. Все остальные третьи партии либо сохранили свои прежние позиции, либо потеряли несколько мандатов [4].

¹² *Get Brexit Done. Unleash Britain's Potential. The Conservative and Unionist Party Manifesto 2019*. Internet Archive. 24.11.2019. Available at: <https://archive.org/details/ConservativeandUnionistPartyManifesto2019> (accessed 23.01.2023).

¹³ Ibid.

¹⁴ *The Labour Party Manifesto 2019. It's Time for Real Change*. Internet Archive. 21.11.2019. Available at: <https://archive.org/details/2019labourpartymanifesto> (accessed 20.01.2023).

Главные триумфаторы всеобщих парламентских выборов 2019 г. – консерваторы, казалось, в полной мере воспользовались своей победой. Процесс Брекзита был доведен до логического конца, и 31 января 2020 г. Соединенное Королевство вышло из ЕС. Политическое доминирование тори считалось прочным и незыблемым, а обещания обеспечить британцам процветание и рост благосостояния, вновь превратить страну в глобальную державу многим представлялись вполне реалистичными. Однако действительность оказалась не столь радужной.

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

В начале второго десятилетия текущего века Великобритания, на первый взгляд, преодолевшая один из самых острых и затяжных политических кризисов в своей истории, вызванный Брекзитом, столкнулась с целым комплексом острых проблем. Прежде всего необходимо отметить, что европейская повестка по-прежнему оставалась важной темой внутри- и межпартийной политической борьбы. Раскол в Консервативной партии на евроскептиков и еврооптимистов не исчез, и даже после выхода Соединенного Королевства из ЕС многие тори негативно относились к Б. Джонсону и не считали его жесткий курс единственно верным [7].

Серьезной проблемой для правящей партии было и то, что проигравшие выборы лейбористы начали работу над ошибками. Вместо придерживавшегося крайне левых взглядов Дж. Корбина новым главой оппозиции стал более умеренный политик Кир Стармер¹⁵. Бывший теневой министр по выходу из Евросоюза и сторонник проведения повторного референдума о членстве Великобритании в ЕС, в новых исторических условиях он заявил о необходимости “признать реальность” и неуместности дополнительного плебисцита¹⁶. Это означало, что лейбористы попытаются бросить вызов тори и постараются доказать избирателям, что оппозиция сможет выстроить более приемлемые и выгодные для Соединенного Королевства отношения с прежними партнерами по европейскому интеграционному проекту.

Следует также отметить, что соотношение двух ведущих сил в партийной системе страны в период после Брекзита будет зависеть от того, насколько успешной окажется попытка лейбористов пересмотреть свои ценностные ориентиры и предложить избирателям программу, отвечающую их насущным интересам. Очевидно, что новый лидер пытается отказаться от “слишком левой” стратегии Дж. Корбина. По мнению профессора Ю. Гоуза, К. Стармер является сторонником деидеологизации политики и стремится сформулировать программу, которая будет привлекательна для широкого круга избирателей, включая тех, кто в 2017 и 2019 гг. голосовал за консерваторов [8, р. 177]. Руководитель Центра британских исследований Института Европы РАН Е.В. Ананьева указывает на то, что К. Стармера действительно “воспринимают именно как центриста и представителя истеблишмента”, что в нынешних обстоятельствах выгодно отличает его от Дж. Корбина, который выбрал неактуальную стратегию и “слишком идеологизировал партию в надежде, что она сможет завоевать власть с радикально левой программой” [9, сс. 71-72]. Однако стоит напомнить, что еще со времен Энтони Блэра “новые лейбористы” позиционировали себя как “партию всех британцев”. Кроме того, учитывая сохраняющееся большое значение профсоюзов как коллективных членов партии, подобный подход может вызвать недовольство ряда внутренних течений и группировок лейбористов и даже стать причиной раскола.

Нельзя сбрасывать со счетов и фактор усталости электората от длительного нахождения консерваторов у руля государственного руководства (с 2010 г. в коалиции с либеральными демократами, а с 2015 г. – самостоятельно). Как следствие, даже при

¹⁵ Cowburn A. Keir Starmer Declares ‘New Era’ For Labour After Landslide Victory In Leadership Contest. *The Independent*, 04.04.2020. Available at: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/labour-leader-winner-starmer-vote-share-deputy-a9447156.html> (accessed 20.01.2023).

¹⁶ Sabin L. Keir Starmer Changes His Tune on Leaving The EU. *Morning Star*, 05.01.2020. Available at: <https://morningstaronline.co.uk/article/h/lead-keir-starmer-changes-tune-leaving-eu> (accessed 20.01.2023).

отсутствию у лейбористов четкой и детальной новой политической программы, они уже опережают тори по популярности среди граждан. Опрос, проведенный 6–7 сентября 2022 г. компанией YouGov, зафиксировал, что рейтинг доверия Лейбористской партии составляет 44%, а Консервативной партии – всего 29% всех опрошенных¹⁷. На наш взгляд, определенную лепту в такой результат внесли просчеты в политике правительства Б. Джонсона, а также серия скандалов, в которые оказались вовлечены видные партийные функционеры тори. Перспективы лейбористов на ближайших всеобщих парламентских выборах во многом будут зависеть от того, насколько эффективно нынешний премьер-министр и лидер консерваторов Риши Сунак будет справляться с кризисом, который сейчас переживает экономика Великобритании. По оценкам экономистов, в 2023 г. уровень безработицы в стране вырастет на 2.4%, а инфляция, которая на конец 2022 г. составила 11.1%, будет оставаться выше целевого уровня до конца 2024 г.¹⁸ Если лейбористы смогут воспользоваться падением популярности тори и предложат избирателям программу с планом выхода из кризиса, их шансы на победу будут весьма высокими.

Говоря об основных направлениях развития современной партийной системы Великобритании, также необходимо отметить и обострившиеся после завершения процедуры Брексита отношения кабинета Б. Джонсона с региональными партиями в Северной Ирландии и Шотландии. В частности, Демократическая юнионистская партия была крайне недовольна тем, что частью принятого Соглашения о выходе Великобритании из ЕС стал Североирландский протокол. Согласно этому документу, граница между Северной Ирландией и Республикой Ирландия оставалась свободной от таможенных проверок, а товары, пересекающие границу между Великобританией и Северной Ирландией, подлежали проверкам. Эта норма, принятая с целью защиты единого рынка ЕС, абсолютно не устроила юнионистов. Они посчитали ее неприемлемой уступкой со стороны Б. Джонсона Брюсселю, которая приведет к началу “постепенной аннексии” провинции [10, с. 20]. В Палате общин нового созыва тори больше не нуждались в поддержке со стороны североирландских юнионистов, но потеря прежнего союзника грозила обернуться новыми проблемами в деле обеспечения мира и стабильности в Северной Ирландии.

После победы на региональных выборах 2022 г. в Северной Ирландии националистической партии Шинн Фейн политическая ситуация в провинции вновь обострилась. Демократическая юнионистская партия отказалась участвовать в формировании местной исполнительной власти до тех пор, пока со стороны Лондона не последуют “решительные действия” по пересмотру Североирландского протокола¹⁹. Для разрешения кризиса в июне 2022 г. правительство Б. Джонсона внесло на рассмотрение в Парламент специальный законопроект. В нем предусмотрено создание “зеленого коридора” для товаров, доставляемых из Великобритании в Северную Ирландию и не пересекающих границу с Республикой Ирландия²⁰. Несмотря на это, юнионисты продолжают критиковать Лондон, считая такие уступки недостаточными. Они указывают, что Североирландский протокол и Соглашение Страстной пятницы противоречат друг другу и не могут применяться одновременно, потому что протокол подрывает

¹⁷ YouGov / *The Times Survey Results*. YouGov. 2022. Available at: https://docs.cdn.yougov.com/reln10bpe/1/TheTimes_VI_220907_W.pdf (accessed 05.12.2022).

¹⁸ Aldrick P., Tetley L. UK Faces Recession and Lost Decade Without Growth Plan, CBI Says. *Bloomberg*, 05.12.2022. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-12-05/uk-faces-recession-and-lost-decade-without-growth-plan-cbi-says> (accessed 31.01.2023).

¹⁹ Black R. ‘I Will Judge UK Government Against Its Actions And Not Words’ – Donaldson. *The Independent*, 16.05.2022. Available at: <https://www.independent.co.uk/news/uk/boris-johnson-dup-government-stormont-micheal-martin-b2079935.html> (accessed 20.01.2023).

²⁰ *Government Introduces Bill to Fix the Northern Ireland Protocol*. Government of the United Kingdom. 13.06.2022. Available at: <https://www.gov.uk/government/news/government-introduces-bill-to-fix-the-northern-ireland-protocol> (accessed 20.01.2023).

межобщинный консенсус в регионе^{21,22}. Таким образом, будучи региональной партией, демократические юнионисты не только играют важную роль в решении проблем развития Северной Ирландии, но и, оказывая давление на центральное правительство, пытаются внести коррективы в новые взаимоотношения Великобритании с ЕС.

Существенную роль в современной партийно-политической системе Великобритании продолжает играть и Шотландская национальная партия (ШНП). Как уже отмечалось, она оказалась единственной третьей партией, которая по итогам выборов 2019 г. смогла увеличить свое представительство в Палате общин. Кроме того, успех сопутствовал националистам и на региональных выборах в 2021 г. Они в четвертый раз одержали победу и стали самой многочисленной фракцией в шотландском парламенте – 64 депутата²³. Являясь последовательным противником выхода Соединенного Королевства из ЕС, ШНП и после завершения процедуры Брекзита продолжала оказывать постоянное давление на консервативное правительство.

Прежде всего, шотландские националисты потребовали от кабинета Б. Джонсона возместить все потери, которые понесет региональная экономика в результате разрыва отношений с ЕС. Выступая в Палате общин в январе 2020 г., лидер парламентской фракции ШНП Айан Блэкфорд заявил: “Правительство Великобритании теперь должно предоставить срочный многомиллиардный пакет компенсаций Шотландии, чтобы смягчить длительный ущерб, нанесенный Брекзитом шотландским предприятиям, отраслям промышленности и сообществам”²⁴.

Помимо этого, выход Соединенного Королевства из ЕС стал дополнительным импульсом в стремлении националистов провести повторный референдум о независимости Шотландии. В июне 2022 г. шотландское правительство опубликовало законопроект о референдуме о независимости Шотландии и предложило провести его 19 октября 2023 г.²⁵ Однако для проведения плебисцита требуется принятие специального закона Вестминстерским парламентом. Б. Джонсон на соответствующую просьбу шотландских властей ответил категорическим отказом. “Поскольку наша страна сталкивается с беспрецедентными вызовами внутри страны и за рубежом, – аргументировал свою позицию премьер-министр, – я не могу согласиться с тем, что сейчас подходящее время для возвращения к вопросу, на который народ Шотландии дал четкий ответ в 2014 году”²⁶. В этой связи стоит отметить, что нарастающее противостояние между консерваторами и шотландскими националистами может не только стать фактором, оказывающим существенное влияние на функционирование партийной системы Великобритании, но и внести серьезные коррективы в незавершенный процесс деволюции, ослабить единство государства.

²¹ Carroll R. DUP Rebuffs UK Appeal to Restore Power Sharing in Northern Ireland. *The Guardian*, 14.06.2022. Available at: <https://www.theguardian.com/uk-news/2022/jun/14/dup-rebuffs-uk-appeal-to-restore-power-sharing-in-northern-ireland> (accessed 20.01.2023).

²² Соглашение Страстной пятницы (Белфастское соглашение) было подписано в 1998 г. в рамках урегулирования многолетнего политического кризиса в Северной Ирландии. В 1999 г. во исполнение его положений Республика Ирландия приняла поправку к Конституции, по которой страна отказывалась от территориальных претензий к Северной Ирландии. При этом граница между ними фактически оставалась открытой, так как и Северная Ирландия, и Республика Ирландия участвуют в Европейском едином рынке. Соглашение по Брекзиту и Североирландский протокол предусматривают сохранение такого режима и прохождение фактической границы по Ирландскому морю. Таким образом, Северная Ирландия осталась в едином рынке и таможенном пространстве ЕС, и в начале 2021 г. в североирландских портах начались проверки грузов из Великобритании. В этих обстоятельствах юнионисты выражают протест в связи с тем, что между территорией Великобритании и Северной Ирландии теперь осуществляются таможенные проверки, а это подрывает целостность страны.

²³ *Full Votes and Seats by Party etc.* – SPE21. Electoral Management Board for Scotland. 09.05.2021. Available at: <https://www.emb.scot/news/article/22/full-votes-and-seats-by-party-etc-spe21> (accessed 20.01.2023).

²⁴ SNP Demand Billions in ‘Brexit Compensation’ for Scotland. *The Guardian*, 10.01.2021. Available at: <https://www.theguardian.com/politics/2021/jan/10/snp-demand-billions-in-brexit-compensation-for-scotland> (accessed 21.01.2023).

²⁵ McLaughlin M. Scottish Independence Referendum: Nicola Sturgeon Picks 2023 Date. *The Times*, 28.06.2022. Available at: <https://www.thetimes.co.uk/article/scottish-independence-referendum-nicola-sturgeon-picks-2023-date-8k3wqlkr> (accessed 21.01.2023).

²⁶ Green C. Scottish Independence Referendum: Boris Johnson Rejects Nicola Sturgeon’s Request for Indyref2. *i*, 06.07.2022. Available at: <https://inews.co.uk/news/scotland/scottish-independence-boris-johnson-rejects-nicola-sturgeons-request-for-indyref2-1727724> (accessed 20.01.2023).

Специфическое влияние на партийно-политическую систему Соединенного Королевства оказал и такой новый вызов, как пандемия COVID-19. С одной стороны, можно привести примеры удивительного единения правительства и оппозиции в деле борьбы с общей бедой. В декабре 2021 г., когда в Палате общин проводилось голосование по вопросу об ужесточении антиковидных мер и введении сертификатов вакцинации, инициативу кабинета поддержали 142 лейбориста, которые поставили «национальные интересы и здоровье населения выше партийной политики»²⁷. Собственно, именно голоса оппонентов и позволили принять это решение.

С другой стороны, при голосовании по указанному вопросу 99 членов правящей фракции высказались против, а еще 31 – воздержались, что стало крупнейшим «бунтом» тори против лидера партии за два года его премьерства²⁸. В последующем, как известно, просчеты правительства в борьбе с пандемией, а также несоблюдение самим премьер-министром и другими высокопоставленными партийными функционерами ковидных ограничений, включая участие в вечеринках в период локдауна, вызвали большой общественный резонанс и стали одним из факторов, повлиявших в итоге на то, что Б. Джонсон подал в отставку.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оценивая специфику функционирования партийно-политической системы Великобритании на протяжении последних лет, можно констатировать, что, несмотря на многочисленные и достаточно серьезные внутренние и внешние вызовы, она продемонстрировала свою устойчивость, чего нельзя сказать об аналогичных системах в ряде стран континентальной Европы. Даже глубочайший политический кризис, вызванный спорами о том, каким образом осуществлять выход Соединенного Королевства из ЕС, не смог обернуть вспять наметившуюся после 2015 г. тенденцию возврата к традиционной бипартийности.

Стоит отметить, что задача разрешения сложнейших политических проблем в очередной и далеко не первый раз выпала на долю старейшей политической партии страны. Консерваторы, несмотря на все трудности, противодействие оппонентов, отсутствие внутреннего единства, не просто смогли удержать власть в своих руках, но и найти выход из, казалось бы, абсолютно безвыходных ситуаций. Ярким доказательством этого стало завершение затянувшегося и практически оказавшегося в тупике процесса Брексита. Перед новым лидером тори и премьер-министром Великобритании Р. Сунаком стоит непростая задача по спасению британской экономики. От результатов его работы во многом будут зависеть итоги всеобщих парламентских выборов, которые должны состояться до конца января 2025 г.

Лейбористская партия в рассматриваемый период не смогла перехватить инициативу у своего главного конкурента. Отсутствие четкой и единой позиции по ключевому вопросу политической повестки дня и неспособность предложить избирателям адекватную сложившейся ситуации программу действий стали причинами чувствительного поражения партии на всеобщих парламентских выборах 2019 г. Вместе с тем лейбористы, бесспорно, остаются одной из ведущих сил в двухпартийной системе. Предпринимаемые ими попытки выработки новых ценностных ориентиров и стратегии реагирования на новые вызовы вполне могут привести к укреплению их роли в партийно-политической системе в обозримой перспективе.

²⁷ Stewart H., Aubrey Allegretti A. Ps Back Covid Passes in England Amid Large Tory Rebellion. *The Guardian*, 14.12.2021. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2021/dec/14/covid-plan-b-mps-back-tougher-rules-face-masks-england-omicron> (accessed 15.01.2023); *Health Protection (Entry to Venues etc.) SI No 1416*. UK Parliament. 14.12.2021. Available at: <https://votes.parliament.uk/Votes/Commons/Division/1182#ayes> (accessed 15.01.2023).

²⁸ Swinford S., Zeffman H. Johnson Suffers Biggest Rebellion of Premiership. *The Times*, 15.12.2021. Available at: <https://www.thetimes.co.uk/article/johnson-pushes-through-plan-b-despite-largest-rebellion-of-his-premiership-jxw0hq3gg> (accessed 19.01.2023).

Третьи политические партии, несмотря на заметное сокращение их представительства в парламенте по сравнению с последней третью XX в., тем не менее остаются важным элементом партийной системы. В качестве сил оппозиционного давления, временных союзников или важных игроков на региональном уровне они способны оказывать, пусть и не всегда очевидное, влияние на принятие важных политических решений ведущими партиями. Представляется, что дальнейшие перспективы третьих партий Великобритании во многом будут зависеть от того, в каком направлении и насколько интенсивно будет развиваться процесс деволюции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Apostolova V., Audickas L., Baker C., et al. *General Election 2017: Results and Analysis*. House of Commons Library. 29.01.2019. Available at: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-7979/CBP-7979.pdf> (accessed 30.01.2023).
2. Cracknell R., Uberoi E., Burton M. *UK Election Statistics: 1918–2022, A Long Century of Elections*. House of Commons Library. 05.12.2022. Available at: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-7529/CBP-7529.pdf> (accessed 30.01.2023).
3. Ананьева Е.В., Годованюк К.А. Британия в тени брекзита. *Европа между трех океанов*. Под общ. ред. Громыко А.А., Федорова В.П. Москва, ИЕ РАН, 2019, сс. 149-174. [Ananieva E.V., Godovanyuk K.A. Britain in the Shadow of Brexit. *Europe Between Three Oceans*. Gromyko A.A., Fedorov V.P., eds. Moscow, IE RAN, 2019, pp. 149-174. (In Russ.)]
4. Uberoi E., Baker C., Cracknell R., et al. *General Election 2019: Results and Analysis*. House of Commons Library. 28.01.2020. Available at: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-8749/CBP-8749.pdf> (accessed 30.01.2023).
5. Ананьева Е.В. "Странные выборы" в Великобритании. *Современная Европа*, 2019, № 6, сс. 76-84. [Ananieva E.V. "Strange" Elections in the UK. *Contemporary Europe*, 2019, no. 6, pp. 76-84. (In Russ.)] DOI: 10.15211/soveurope620197684
6. Sobolewska M., Ford R. Brexit and Britain's Culture Wars. *Political Insight*, 2020, vol. 11, no. 1, pp. 4-7.
7. Ананьева Е.В. Устойчивы ли позиции Бориса Джонсона? *Аналитические записки Института Европы РАН*, 2021, вып. 4, № 35 (265), сс. 49-55. [Ananieva E.V. Is the Position of Boris Johnson Safe? *Analytical Papers of the Institute of Europe RAS*, 2021, iss. 4, no. 35 (265), pp. 49-55. (In Russ.)] DOI: 10.15211/analytics43520214955
8. Goes E. The Labour Party Under Keir Starmer: 'Thanks, But no "isms" Please!' *The Political Quarterly*, 2021, vol. 92, no. 2, pp.176-183. DOI: 10.1111/1467-923X.12995
9. Ананьева Е.В. Кир Стармер – новый лидер лейбористов. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, 2020, № 2, сс. 69-75. [Ananieva E.V. Keir Starmer as the New Leader of the Labour Party. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, 2020, no. 2, pp. 69-75. (In Russ.)] DOI: 10.15211/vestnikieran220206975
10. *Итоги первого года правительства Б. Джонсона. Доклады Института Европы. № 378*. Годованюк К.А., отв. ред. Москва, Институт Европы РАН, 2020. 140 с. [The Results of the First Year of Boris Johnson's Government. Reports of the Institute of Europe. No. 378. Godovanyuk K.A., ed. Moscow, IE RAN, 2020. 140 p. (In Russ.)] DOI: 10.15211/report112020_378

